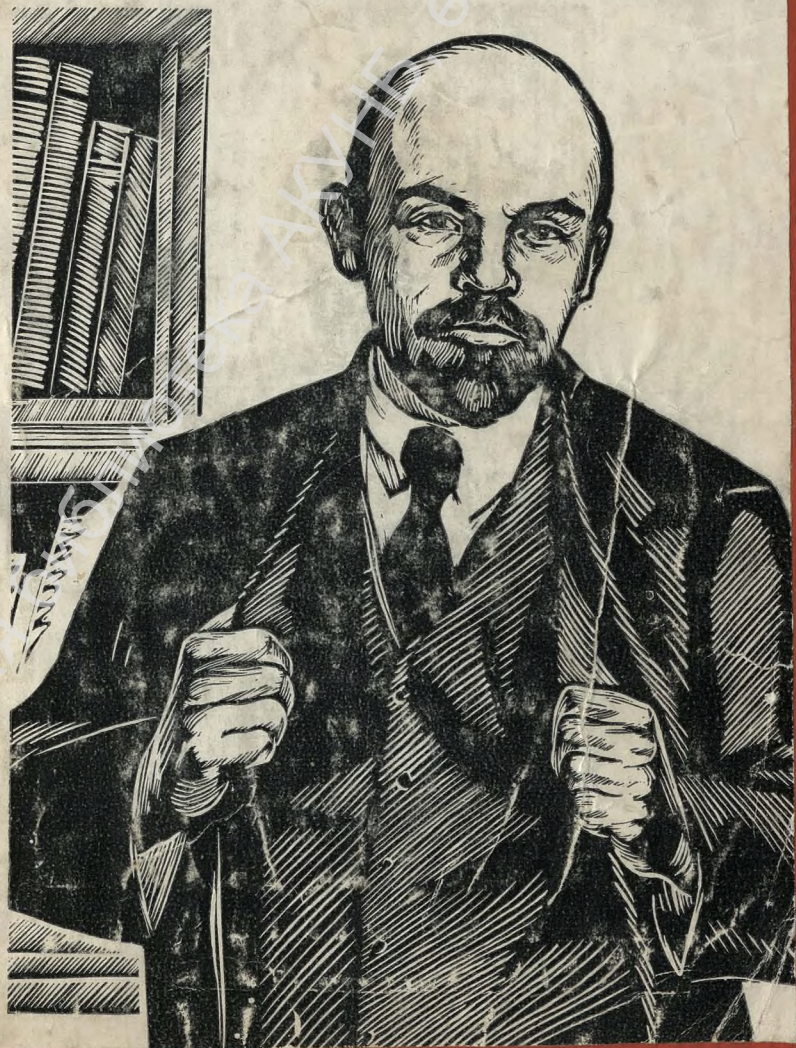

АЛТАЙ

1970

Электронна

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

9

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Л
И
Е
А
П
Го
▲▲

1907020

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

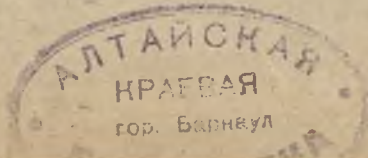
Год издания XXIII

№ 1 (52) 1970

М 734030

ПАРТИЯ И ЛЕНИН —
БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ —
КТО БОЛЕЕ
МАТЕРИ-ИСТОРИИ ЦЕНЕН!
МЫ ГОВОРИМ ЛЕНИН,
ПОДРАЗУМЕВАЕМ —
ПАРТИЯ,
МЫ ГОВОРИМ
ПАРТИЯ,
ПОДРАЗУМЕВАЕМ —
ЛЕНИН.
В. Маяковский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П. Бородин, Н. Дворцов, В. Еременко, И. Казачес,
Л. Квин (редактор), В. Софронов, В. Сидоров,
М. Юдалевич.**

Оформление художника **В. Еврасова.**

На обложке гравюра художника **В. Туманова.**

Рукописи объемом до одного авторского листа
не возвращаются.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

С именем Владимира Ильича Ленина связана вся история нашей социалистической Родины, каждого ее уголка. Им освящен наш более чем полувековой путь борьбы и побед, его гением озарены перспективы.

В столетний юбилей В. И. Ленина наши размышления, естественно, носят характер подведения итогов, анализа. Мы как бы отчитываемся перед Ильичем в том, что успели, чего достигли, в какое соответствие с им завещанным привели свои дела. В эти дни мы также сосредотачиваем внимание на нерешенных вопросах, мобилизуем силы на использование новых резервов.

Ленин назвал в свое время Алтай богатейшим краем. Богатейшим он был не только по своим природным ресурсам, но и по потенциальным творческим силам сибиряков, дремавшим в условиях царского самодержавия. Революция позволила сибирякам развернуться во всю их богатырскую силу, подняла на великие дела.

Сибирское крестьянство сразу и активно включилось в переустройство жизни на земле. На Алтае возникли первые сельскохозяйственные коммуны, сыгравшие важную роль и оста-

вившие большой след в истории социалистического развития Алтая. Некоторые из этих коммун возглавлялись питерскими пролетариями, принимавшими активное участие в борьбе за советскую власть, за строительство новой жизни. События тех лет ярко показали, как глубоко ленинские идеи владеют массами, какой великой созидательной силой они обладают. Показали, в частности, насколько плодотворной была ленинская мысль о союзе рабочего класса и крестьянства.

Под знаком «серпа и молота» прошел и следующий этап — сплошная коллективизация, переход сельского хозяйства на социалистические рельсы.

В результате социалистических преобразований неузнаваемо изменилось лицо нашего Алтайского края. За короткий исторический срок, следуя по пути, указанному Лениным, край, в прошлом отсталый, аграрный, буквально совершил скачок в новое качество и стал краем развитой промышленности, современного сельского хозяйства.

До революции «промышленные» профессии Барнаула и других городов края были представлены, в основном, шубниками, пимокатами, ремонтными рабочими. Бурное развитие производительных сил привело к созданию на бывшей российской окраине индустриальных гигантов, производящих как средства производства, так и товары народного потребления. Достаточно назвать хорошо известный нашим землякам, да и не только им, Алтайский тракторный завод, являющийся вместе с другими рубцовскими предприятиями крупным союзным центром сельскохозяйственного машиностроения. По выпуску валовой продукции и численности рабочих к АТЗ приближается и Алтайский моторный завод, еще совсем молодое предприятие.

У нас в стране и за ее рубежами известна продукция и других алтайских предприятий: энергетические котлы, механические прессы, станки, магистральные вагоны, различные приборы и аппаратура. Алтайская химическая промышленность, начало которой было положено Постановлением Совета труда и обороны, подписанным В. И. Лениным (о строительстве Петуховского содового завода), представлена сейчас Барнаульским комбинатом химического волокна, Барнаульским шинным комбинатом, большое народнохозяйственное значение которого подчеркнуто в Директивах XXIII съезда партии.

Мы можем гордиться славными тружениками нашей алтайской промышленности, успехами целых коллективов. Четыре из них — трест «Стройгаз», заводы станкостроительный, «Трансмаш» и АТЗ — награждены орденом Ленина. Рабочий класс Алтая имеет уже своих ветеранов и целые рабочие династии.

День сегодняшний в промышленности проходит под знаком дальнейшего развития идей экономической реформы, поисков наиболее эф-

фективных приемов управления производством. Поднимается значение научно-технического прогресса во всех сферах производства.

В новой пятилетке молодая по историческим срокам, но по современным меркам хорошо развитая промышленность Алтая будет держать новый серьезный экзамен на зрелость. Нет никакого сомнения в том, что, как и прежде, на предыдущих этапах развития, она выдержит его с честью. Сибирские рабочие еще раз продемонстрируют свою верность заветам вождя пролетариата В. И. Ленина.

Сельское хозяйство по-прежнему остается ведущей отраслью хозяйства края. Что оно представляет собой теперь? На полях Алтая ныне работают 38 тысяч тракторов, 24 тысячи зерновых комбайнов, свыше 20 тысяч грузовых автомобилей. Среднегодовое производство валовой продукции в колхозах и совхозах за четыре года после мартовского Пленума ЦК КПСС возросло на 15 процентов, зерна государству продано больше на 22 процента, сахарной свеклы — почти в два раза, молока — на 35 процентов. Урожай зерновых увеличился в среднем на 1,2 центнера с гектара, сахарной свеклы — на 55 центнеров, среднегодовой надой молока — на 919 килограммов, яйценоскость — на 45 яиц, настриг шерсти — на 0,8 килограмма. Возросла эффективность общественного производства. Почти все колхозы и совхозы стали рентабельными. Создана реальная основа для неуклонного повышения материального благосостояния тружеников деревни.

Широкое применение техники, большой размах строительства совершенно изменили облик деревни. Вместе с производственными постройками и сооружениями растут новые благоустроенные дома, увеличивается сеть клубов, школ, больниц. Газеты, журналы, книги, электричество, радио, телевидение стали достоянием сельской семьи.

...Нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душе тьме обезумевшего мира.

Максим Горький.

В первые годы советской власти техника открывала новую эру хозяйствования на земле. Теперь речь идет уже о том, как ее совершенствовать. Но никогда не изменится наше почтительное отношение к людям, управляющим этой техникой, уважение к сибирским сельским механизаторам. А их сейчас в крае около ста тысяч.

С гордостью и уважением произносим мы имя ветерана славной гвардии механизаторов С. Е. Пятницы. Проработав на комбайне четверть века, Герой Социалистического Труда Семен Ефимович Пятница убрал хлеба в общей сложности с 60 тысяч гектаров. Четыре сына Пятницы начинали трудовой путь на мостике отцовского комбайна. Сейчас все имеют высшее сельскохозяйственное образование, работают организаторами производства, специалистами.

Большим виртуозом в своем деле является и комбайнер Иван Данилович Рыбченко. В свое время он предвосхитил создание широкозахватной уборочной техники, использовал на жатве спаренные и строенные агрегаты.

Нынешний крестьянин — это квалифицированный, культурный работник и, что самое ценное, работник творческий. Нашего механизатора можно увидеть не только в поле, но и в студенческой аудитории, на машиноиспытательной станции.

Новую струю в жизнь механизаторов внесли наши славные женщины. Они возродили движение представительниц старшего поколения, которое в свое время возглавили прославленная Паша Ангелина и ее сподвижницы, в том числе и наши землячки, например Варвара Баходина. Нынешняя же инициатива принадлежит девушкам и женщинам Павловского района. Их почин был широко подхвачен во всем крае, затем движение распространилось на другие области и республики, стало массовым. Значение его теперь, когда темпы индустриализации села бурно растут, трудно переоценить. Девушкам, желающим овладеть механизаторскими специальностями, широко раскрыли двери сельские профтехучилища, в их подготовке активно участвуют опытные кадры. И мы ощущаем уже отдачу. Ныне трудовые успехи не только Героев Социалистического Труда Евдокии Андреевны Мериновой, Пелагеи Филипповны Долановой, Марии Александровны Кабановой и других заслуженных трактористок, но и их молодых подруг убедительно показывают, что женщины успешно могут управлять современной техникой. Превосходное мастерство обработки земли, например, показала Евгения Андриановна Сабылина из колхоза «Ленинский путь» Усть-Пристанского района. В 1969 году Евгения Андриановна завоевала первое место на конкурсе пахарей и стала чемпионом края.

Верным помощником Коммунистической партии в развитии сельского хозяйства выступает, как и на всех других участках народного хозяйства,

Ленинский комсомол. В крае известен почин учащих Гавриловской школы Троицкого района, решивших после окончания средней школы остаться в родном колхозе. Этот патриотический почин достоин широкого распространения. Надо создавать в селе такие условия для творческого труда и хорошего культурного отдыха, чтобы молодежь могла найти интересное применение своим знаниям и силам, активно включалась в развитие производства. Большое значение при этом имеют мероприятия, ставшие в некоторых хозяйствах и районах традицией, — торжественное посвящение молодежи в хлеборобы, проводы в армию и встречи демобилизованных воинов. Это внушает молодежи теплое чувство к землякам, ответственность за дела в своих родных колхозах и совхозах.

Поворотным пунктом в развитии сельского хозяйства за последние годы явились решения XXIII съезда партии, мартовского и последующих Пленумов Центрального Комитета. Могучая сила этих решений, твердое проведение ленинской генеральной линии благотворно сказалось на всех областях нашей жизни.

Велики успехи тружеников наших городов и сел, нам есть о чем рапортовать ленинскому юбилею. Но это не значит, что у нас нет недостатков. Лучший способ отметить ленинскую дату, как подчеркивает ЦК партии, — это сосредоточить внимание на осуществлении стоящих перед советским народом задач, грандиозных планов хозяйственного и культурного строительства.

Десятки колхозов и совхозов выполнили и перевыполнили пятилетние задания по продаже зерна государству. Однако темпы роста сельскохозяйственного производства нельзя считать удовлетворительными в свете планов и задач, которые предстоит решать в новом пятилетии.

Л. И. Брежнев в речи на Третьем съезде

Каждый должен из всех сил равняться по Ленину и в чем только можно, поднимать до этого уровня свою теоретическую мысль, свою работу, свою жизнь, свою борьбу.

А. В. Луначарский.

колхозников из большого круга вопросов, касающихся сельского хозяйства, выделил вопрос о ЗЕМЛЕ. Он охарактеризовал его как крупнейшую государственную проблему. К нашему краю это имеет прямое отношение. Мы уже привыкли в связи с Алтаем слышать эпитеты «бескрайний», «неоглядный». Площади под пашней в нашем крае действительно большие. Но это вовсе не означает бесконечных возможностей полей. Земля, тем более сибирская, отзывается лишь на хозяйскую заботу, умелое хозяйствование, умелый труд.

Основой основ в сельском хозяйстве является зерно. И для того, чтобы поднять урожайность этой основной культуры, Алтай имеет большие возможности. Надо поднять общую культуру земледелия, лучше использовать достижения науки и техники.

Предстоит провести большую работу по интенсификации сельского хозяйства засушливой Кулундинской степи. Речь идет об обязательном внедрении в каждом хозяйстве новой системы обработки почвы, о посадке полезощитных лесных полос, освоении новой техники для основной обработки почвы и посева. Борьба за накопление влаги и рациональное ее использование в степи предусматривает целый комплекс мелиоративных работ: строительство прудов и других водоемов, лиманного орошения лугов и пастбищ, создания поливных участков для выращивания картофеля и овощей.

Огромным резервом увеличения валового сбора зерна и на этой основе укрепления всех других отраслей хозяйства является ликвидация пестроты в урожайности полей. Бывает, поля резко отличаются друг от друга, хотя расположены рядом, но принадлежат разным хозяйствам, порой даже разным бригадам, отделениям одного хозяйства. Использование этого резерва не требует больших дополнительных средств, его можно осилить существующими, если все хозяйства поднимут культуру земледелия, будут тщательно обрабатывать поля, соблюдать известную всем агротехнику.

Хорошая подготовка к нынешнему весеннему севу, проведению всего комплекса полевых работ позволит нам сделать год 1970-й годом новых успехов, подтвердить репутацию Алтая, как жемчужины Сибири, края трудолюбивого, богатого, хлебного.

Новые важные задачи встают и перед боевым отрядом идеологических работников — литераторами Алтая. В основу их творческих планов должны лечь проблемы дальнейшего развития нашего края, заботы его тружеников. На тех примерах, на том богатом фактическом материале, который дает жизнь, писатели смогут художественными средствами активнее влиять на воспитание трудящихся в духе патриотизма, высокой ответственности за общее дело, за судьбы наших сегодняшних и завтрашних планов.

Мы являемся творцами нового общества, своими руками на заводах, стройках, полях создаем базу для построения коммунизма. И поэтому важно, чтобы каждый проникся не только гордостью за эту великую миссию, но и сознанием ответственности за ее успех.

Декабрьский (1969 г.) Пленум Центрального Комитета КПСС поставил перед советским народом важнейшие задачи. Это настойчивая борьба за высокую производительность на всех предприятиях, повышение производительности труда каждого работающего. Это ускорение ввода в действие новых производственных мощностей, быстрее освоение проектных мощностей, борьба за более экономное расходование сырья, материалов, топлива, электроэнергии.

На любом участке хозяйственного и культурного строительства важно приложить максимум усилий, приложить все знания, силы, чтобы сбылись наши замыслы и планы, чтобы год от года росло благосостояние советских людей, крепла мощь нашей социалистической державы, основанной великим Лениным.

Ленин вдохнул жизнь и тепло в те силы человечества, которые борются за дело прогресса.

Мартин Андерсен Нексе.

Владимир КАЗАКОВ

* *
*

А я из тех задумчивых селений,
где пенится березовый разлив,
чье новое рожденье видел Ленин,
пути и судьбы им определив.

А я из той породы светлорусых,
кто в гневе праведном подчас тяжел,
кто на допросах оставался русским,
кто с Лениным навстречу смерти шел.

Но кем бы ни был
и чего б ни сделал
для Родины
я на своем веку, —
пока не прорасту березой белой,
я остаюсь у Ильича в долгу.

Геннадий ПАНОВ

БАЙЛАДА ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ

Кремль. За окнами злая стужа.
Вот и такие же холода
выходил он не раз послушать,
как взрывала зима на Шуше
вековые оковы льда.

И, Россию окинув мыслью,
как тогда,
весь ушел в дела.
Ленин письма читает — письма
в миллион киловатт тепла.

«Дорогой Ленин!
Я, как 13-ти лет мальчик, воспитанный
у религиозных и темных родителей

и в настоящее время трудящийся около сохи и добывающий хлеб для себя и для социалистической России, вздумал написать Вам письмо, то есть выразить свое душевное соглашение с великим вождем мировой социалистической революции товарищем Лениным.
Дорогой Ленин!

Я считаю позорным перед Вами писать Вам такие бесполезные для революции письма, ибо такие письма отрывают Вас от великого дела.

Но знаете ли, я, как 13-ти лет мальчик, страстно любящий Вас, не сдержался и написал Вам письмо»...

Откровенное до удивления, к адресату оно дошло.
Представляю, как было Ленину хорошо.

Он, умаявшись от бессонницы, у окошка встречал восход.
Поднимало над землею солнце на штыках 19-й год.

И Ильич — сам в промерзшем зальчике —
в посевшем за ночь Кремле согревал вот этого мальчика революцией на земле.

Леонид МЕРЗЛИКИН

У ПАМЯТНИКА

Прожелть ногтей и запястья.
Локти на скобленный стол.
Без никакого участия
Взгляд исподлобья тяжел.

Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непримиримый, без эфемерных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проныцательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

Джон Рид.

На широкой улице млад и стар,
А идет по улице комиссар.
Конвоиры — хвататы, усы в кольцо,
Комиссара юного бьют в лицо,
Дескать, голь сермяжная, получай!
Кровью за Совдепию отвечай!
Комиссар молоденький, чуб-волна,
На губах улыбка зубов полна.
Ничего, что с кровью. Рубаха — флаг.
Ничего, что бабы платки в кулак.

3

А на сборной площади стук да бряк,
Холеный поручик, сапожки — лак,
В кружевной платочек упрятал нос,
Под глазами плавится купорос.
Он глядит с ухмылкою на народ,
Он орет с похмелья: — Поганый сброд!
Сволочь неумытая, погоди!
Все у вас еще впереди:
И кнуты, и плаха, и все, что хошь...

4

Вдруг над головами:
— Да, ты не врешь!
Прав ты, контра, все у нас впереди.
Только ты не радуйся и не жди:
Не кнуты, не плаха, не мордобой.
Не за тем ходили мы в правый бой,
Не за тем вас били на всех фронтах,
Не за тем разбили вас в пух и прах...

5

И скользнула у поручика рука
На шлифованную голову курка.
Пуля-дура, пуля-дура — ты в упор
Прекратила откровенный разговор!

В эту ночь — уж так в народе повелось! —
Три на десять комиссаров родилось.

.. Ленин для меня одна из
самых всеобъемлющих и
цельных личностей, которые
когда-либо существовали.
Он поистине не знает себе
равных среди борцов за осу-
ществление вековых усилий
человечества.

Анри Барбюс.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

ВСТРЕЧА

Это все
Проведал Шурка.
Он ворвался
С криком, с шумом:
— Завтра к нам
В ночную смену
На завод приедет Ленин!
Шурка знает —
С ним не спорят,
Ведь ему
Тринадцать скоро.
Ветер хлесткий,
Ветер жесткий,
Мерзнут четверо подростков,
Стынут юркие фигурки...
— А какой он, Ленин, Шурка?
— Ну, какой! Сказать не просто,
Он огромнейшего роста,
Плечи чуть ли не саженьи,
Сам пойми —
Великий Ленин!

Из машины вышло трое,
Тот, который первым вышел,
Оглядел ребят:
— Герои,
Не пора ли вам под крышу?
Был он рослым и плечистым,
В новой кожаной тужурке.
— Вот и Ленин, ребяташки,
Вот он, Ленин, — шепчет Шурка.
Подошел второй мужчина:
— Что ж не спите вы, орлята!
Посажу вас всех в машину
Арестую вас, однако.
Был он строгий,
Был он хмурый,

Весь в ремнях,
В патронных лентах.
— Ты, наверно, спутал, Шура,
Вот он, Ленин,
Вот он, Ленин!
— Арестуйте, непременно.
Вы взгляните, в самом деле,
Вот у этого джентльмена
Даже уши побелели.
Мы их снегом вот как, вот как!
Застегни теперь пальтишко...
Третий ростом был пониже
С рыжеватой бородкой.
Плечи вовсе не саженьи,
Чуть каргавил этот третий,
Но решили твердо дети:
Он и есть
Великий Ленин.

Н. ФЕДОРОВ

„ОН В ЧЕРЕПЕ СОТНЕЙ ГУБЕРНИЙ ВОРОЧАЛ...“

Великого Ленина справедливо называют Прометеем нашей эпохи. Он не в сказке, а наяву принес огонь новой жизни трудовому народу. Свет ленинских идей за годы советской власти дошел буквально до самых отдаленных уголков нашей необъятной Родины. Ярким заревом полыхает этот свет и над нашим обновленным Алтаем, в прошлом глухим, заброшенным краем царской России. Владимир Ильич не бывал на Алтае, но, будучи великим провидцем, он одинаково заботился о судьбах простых людей во всех районах страны. Его гениальная прозорливость предугадывала большую будущность Сибири и, в частности, «богатейшего» Алтайского края. Совсем немного сказано Лениным об Алтае, но тем дорожке для нас бесценные ленинские строчки, проникнутые неустанной заботой вождя о людях, населяющих край, о процветании и развитии промышленности и сельского хозяйства на нашей алтайской земле.

Вот факты и комментарии к ним, которые расскажут о том пристальном внимании, которое проявлял Владимир Ильич Ленин к нашему Алтаю. Оно уходит своими истоками к началу образования нашей партии.

«...Российская социал-демократическая рабочая партия будет добиваться:

...учреждения крестьянских комитетов... для устранения остатков крепостного права, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства...»

(Из статьи В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии»)

Остатки крепостного права... Для нынешнего поколения совсем, вроде бы, безобидная фраза. А между тем за ней скрывалась страшная действительность. Вот что писала в романе «Золотой клюв» известная

734030
м

писательница Анна Караваева: «И кто считал, сколько сотен бергалов было поймано разъездами, коли народушко в алтайских деревнях и поселках плодится и множится, подобно колосьям, овцам и траве. Никогда еще главная контора ни одного канцеляриста не утруждала подсчетами, сколько народу покалечилось и перемерло, и уж никому в голову не приходила мысль сосчитать, сколько бежит народу приписного с заводов и рудников, как растут с весны на весну толпы беглых бергалов и сколько их, едва хлебнувших сладкого вольного ветра, переловили разъезды с форпостов».

170 лет, вплоть до Великой Октябрьской революции, русские цари хищнически эксплуатировали богатейшие недра Алтая, земли которого принадлежали царскому Кабинету. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на весь ход экономического и культурного развития дореволюционного Алтая. Крестьяне, «приписанные» к рудникам и заводам, и мастеровые, находившиеся на военно-казарменном режиме, жестоко эксплуатировались. За малейшие проступки их предавали военному суду, который приговаривал провинившихся к телесным наказаниям или заключению в заводскую тюрьму, откуда арестантов водили на работу в кандалах.

Непосильный труд, нищенская оплата, бесчисленные побои и издевательства, грязь и страшный холод в приземистых деревянных бараках превращали «приписных» за короткий срок в дряхлых инвалидов. Подобное вряд ли можно было сыскать даже на царской каторге. Не удивительно, что зачастую мастеровые и крестьяне возводили на себя ложные обвинения в убийстве, чтобы по суду попасть на каторгу. Отбыв 10—12 лет каторги, осужденный выходил на поселение, тогда как на царских заводах и рудниках он должен был работать пожизненно.

Остатки крепостного права... На костях и крови трудового люда царский Кабинет получал с Алтая баснословные прибыли. Хищнически используя дешевую рабочую силу, царские сатрапы не хотели затрачивать средства на механизацию горнозаводских работ. Не случайно многие выдающиеся изобретения талантливых русских мастеров не нашли применения на царских предприятиях.

В итоге Алтай к началу Великой Октябрьской революции являлся одной из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении окраин царской России.

Только с победой Великого Октября канули в вечность остатки крепостничества на Алтае. Крестьяне и мастеровые обрели свободу и радость творческого труда, а коренное население Горного Алтая освободилось от двойного гнета — гнета русского царизма и гнета местных феодалов.

«Лучшим, в климатическом отношении, районом является Алтай, в котором при наличии хороших черноземных и каштановых почв и некоторого количества свободных земель сельское хозяйство имеет блестящее будущее... Если бы оказались транспортные возможности и благоприятные условия для сбыта, район Западной Сибири вместе со степным краем мог бы, главным образом, из Алтая и степей, в ближайшие годы дать десятки и даже сотни миллионов пудов зерна и муки для вывоза в Россию или на экспорт за границу.

...Связывая сверхмагистраль (речь идет о строительстве Турксиба и Южно-Сибирской магистрали. — Прим. автора.) с такими реками, как Иртыш, Обь, Енисей, с рудными богатствами Алтайского и Минусинского районов, с крупнейшими скотоводческими центрами Сибири, мы создаем новые базы для будущей экономической жизни республики, оценить которые в настоящее время даже сколько-нибудь невозможно, настолько велик тот результат, который получится после проведения в жизнь предложенной меры».

(Из ленинского плана ГОЭЛРО, принятого VIII Всероссийским съездом Советов).

22 декабря 1920 года. В пятиярусном зале Большого театра, в тумане, надышанном людьми, едва светились сотни лампочек красноватого накала. Было холодно, как в погребке. На огромной сцене с полотняными арками в кулисах, сбоку, близ тусклой рампы, сидел президиум. Повернув головы, люди глядели в глубь сцены, где с колосников свешивалась карта Европейской России, покрытая разноцветными кружками и окружностями; они почти сплошь заполняли пространство. Перед картой стоял маленький человек, в меховом пальто, без шапки; откинутые с большого лба волосы его бросали тень на карту. В руке он держал длинную указку и, двигая густыми бровями, указывал время от времени ее концом на тот или иной цветной кружок, загоравшийся тогда столь ярким светом, что тусклое золото ярусов начинало мерцать и становились видны напряженные худые лица, с глазами, расширенными вниманием.

Это Глеб Максимилианович Кржижановский делал доклад на VIII Всероссийском съезде Советов об электрификации России. Он говорил о будущих энергетических центрах, в которых должна была расположиться новая цивилизация, в которой должен был зажечься новый свет.

Далеко-далеко в ту пору находился Алтай от столицы, от Большого театра. О самолетах тогда не помышляли, а разбитые войной паровозы

сидели на голодном топливном пайке и тащились из Сибири до Москвы целыми неделями. И все-таки свет ленинского плана электрификации страны уже тогда доходил до Алтайской губернии, которую Ильич называл «богатейшим краем». Алтаю отводилось видное место в развитии экономики.

За планами, начертанными партией, последовали дела. Уже в первые годы осуществления плана ГОЭЛРО на Алтае развернулось строительство содового завода, леспромхозов, лесозаводов и других предприятий, а несколько позднее — Туркестано-Сибирской железной дороги. Турксиб соединил Алтай с хлопковой базой страны. Буквально за два года в Барнауле вырос меланжевый комбинат, оснащенный автоматическими станками и оборудованием; в 1934 году комбинат выдал первую продукцию.

Одновременно с комбинатом была построена первая теплоэлектростанция мощностью 8 тыс. киловатт. Уже перед войной энергооборуженность труда на Алтае составляла 1093 киловатт-часа, или в 5 раз больше, чем в дореволюционной России.

Первая городская электростанция, пущенная в Барнауле в двадцатые годы, еле смогла бы, по нынешним понятиям, обеспечить электроэнергией 300—400 квартир. А сейчас на Барнаульском котельном заводе изготавливаются такие котлы, которые способны вырабатывать электроэнергию для целого промышленного города. В настоящее время наш край почти полностью электрифицирован. Все дальше и дальше, в глубь алтайских степей, от села к селу шагают государственные линии электропередач. Дешевая энергия все глубже проникает во все отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства, в быт рабочего и колхозника.

Отпуск электроэнергии из энергосистемы колхозам и совхозам вырос в 20 раз.

Дешевая энергия, полученная от государственных источников, снижает затраты труда на производство одного центнера молока в два-три раза, на один центнер привеса свиней — в десять-пятнадцать раз, на тысячу яиц — в шесть-семь раз. Электрическая энергия преобразует жизнь советской деревни. В сельские дома пришли радио, телевидение. Тысячи жителей пользуются различными электроприборами, спрос на которые на селе сейчас так же высок, как в городе. Так стираются грани социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. В ближайшие годы предусматривается сплошная электрификация сельскохозяйственных районов края от государственных сетей.

С малого начиналась электрификация на Алтае. Зато сейчас не узнать промышленного и сельскохозяйственного облика лесостепного

края. За годы советской власти построено и введено в действие около 300 крупных предприятий, а старые коренным образом реконструированы.

Алтай, куда раньше завозили ситец и гвозди, производит ныне тракторы и тракторные плуги, грузовые магистральные вагоны, кузнечно-прессовые машины, генераторы, буровые станки, химические волокна и многие виды другой продукции. Алтай производит и поставляет стране десятки миллионов тонн товарного зерна, сотни тысяч тонн молока, мяса и других сельскохозяйственных продуктов. Алтай держит первенство в Российской Федерации по производству животного масла и твердых сыров.

За пятьдесят лет валовая продукция в крае увеличилась в 589 раз. Сбылось ленинское предвидение о том, что край наш явится новой крупной базой для экономического развития республики.

«Принимая во внимание острую потребность целого ряда самых жизненных отраслей промышленности в кальцинированной и каустической соде и учитывая благоприятные естественные условия, имеющиеся у вновь открытых Петуховских содовых озер Славгородского уезда Омской губернии, Совет Труда и Оборона постановляет:

а) признать постройку Петуховского содового завода срочным делом государственной важности...

Председатель Совета Труда и Оборона
В. И. Ленин».

Помните, у поэта Ивана Фролова образные строчки о Кулунде:

Равнина. Равнина.
Ни яра, ни пади.
Равнина — на север,
Равнина — на юг.
Как будто гористую землю разгладил
Гигантский горячий утюг.

Веками дремала богатая земля Кулунды до революции. Но вот отшумели боевые схватки на фронтах гражданской войны, отстрелялись самодельные партизанские пушки, и в мирное небо Кулунды потянулись заводские корпуса первой новостройки страны Советов на Алтае. Ее возводили по ленинскому декрету, с нее начиналось большое химическое будущее степного края. В 1925/26 хозяйственном году Петуховский завод дал 1120 тонн соды, в которой так нуждались многие отрасли промышленности молодой Советской Республики. С учетом постановления

СТО в 1921—1924 гг. была построена железная дорога от Славгорода до Кулунды и от Кулунды до Павлодара.

Вслед за Петуховским содовым заводом в 1928 году на пустынных берегах Михайловских содовых озер вырос второй содовый завод, производственные мощности которого вдвое превышали мощности первенца содовой промышленности. А когда фашисты временно захватили содовые комбинаты Донбасса, Михайловский содовый завод стал комбинатом. Вместе с Бурлинским солепромыслом, Славгородским химическим заводом он снабжал промышленность важным сырьем.

В начале 60-х годов Михайловский содовый комбинат перешел на новую техническую схему производства и значительно снизил себестоимость продукции. Комбинат освоил производство щелочных электролитов, магнезита «Уста», реактивов (солей цветных металлов) и др. Первенец содовой промышленности Петуховский завод перешел на выпуск продукции бытовой химии — стирального порошка «Снежинка» и др.

В годы семилетки началось более широкое освоение соляных богатств Кулунды. На берегах Кучукского озера выросло крупное предприятие по производству сульфата натрия. В эти же годы возникли новые предприятия химической промышленности. К концу семилетки Алтайский край стал одним из крупнейших в стране производителей капрона, штапеля и целлофана, а в последующие годы стал производить резино-технические и асбестовые изделия.

Так ленинский декрет о строительстве Петуховского содового завода стал путеводной звездой к широкому развитию химической промышленности на Алтае.

«Вот и Кремль. Приемная Ильича. Людей много. Очень я тогда волновался. Вошел к Ильичу, приготовленные слова вылетели из головы. И так это по старой партизанской привычке:

— Здравия желаю, Владимир Ильич! — отчеканил.

Усадил он меня, спросил, что привело меня в Москву.

Я подал письмо. Ильич внимательно прочитал. Задумался. Стал расспрашивать, как алтайцы живут. Потом сказал, что отечественных тракторов пока еще нет. Но обязательно будут. Похвалил, что коммуну организовали. Пообещал трофейный трактор.»

(Из воспоминаний руководителя одной из первых на Алтае коммун «Свобода» Якова Васильевича Жестовского).

История ленинского трактора уходит к весне 1920 года. После разгрома Колчака в Сибири боец Злато-Рудинского партизанского полка Яков Васильевич Жестовский по заданию партии выехал в село Ново-Троицкое. Среди степняков одна дума — как вести дальше хозяйство. Яков склонял создавать коммуну. Его поддержали несколько бедняцких дворов. Потом к ним присоединились бедняки из соседних деревень. Так возникла, пожалуй, первая в Кулундинской степи коммуна «Свобода», главная база которой обосновалась в живописном урочище Глядень. Председателем избрали Жестовского, комиссаром — Положкова.

Первая борозда, первые радости. Однако самое сложное — пахота: лошаденки были захудалые, тянули плохо. Скользят лемеха, вглубь не берут. И тогда коммунары решили обратиться за помощью к самому Ленину. Письмо написали сообщая:

«Дорогой наш вождь, а также вождь всего мирового пролетариата и крестьянской бедноты! Наш Владимир Ильич! Просим тебя выдать трактор коммуне «Свобода», потому что наша коммуна есть организованный союз бедняков, а значит и коммунистический светильник на тысячи верст вокруг. Только нечем пахать землю, чтобы вырастить коммунистический урожай для себя и братьев-рабочих. Дай нам трактор, и мы покажем местным кулакам и всей мировой буржуазии, что такое вольный коммунистический труд».

Ходоками к Ленину поехали сам председатель коммуны и ее комиссар. Дорожка предстояла трудная и длинная, и добрался до столицы один Жестовский: секретаря партячейки Положкова подкосил тиф. В канун нового 1922 года Яков Васильевич получил пропуск в Кремль, к самому Ленину. А весной того же года кулундинская степь огласилась рокотом первого на Алтае трактора. Это был ленинский подарок — трофейный «Рустон-Проктон». Железного коня встречало все население окрестных сел, только богатеи-толстосумы не хотели разделить с коммунарами большой радости. Сотни гектаров целины поднял в Кулунде первый трактор, а на революционных праздниках его, словно броневик на Финляндском вокзале, использовали как трибуну для приветствий и речей. Это с него началась целинная эпопея, добежавшая до наших дней.

О ста тысячах тракторов мечтал на заре Советской власти Владимир Ильич Ленин для того, чтобы мужик проголосовал за коммунию. С трофейного «Рустона» началось техническое обновление алтайских сел и деревень. А сейчас Алтай сам стал производителем мощных тракторов, гигант сельхозмашиностроения в Рубцовске выдал в послевоенные годы сотни тысяч тракторов.

А что же Яков Васильевич Жестовский? Он персональный пенсио-

нер, живет на Украине. Сорок лет он возглавлял колхоз, носящий имя Ленина, а сейчас рассказывает внукам и правнукам о том, как в трудном двадцать втором ездил к Ленину за первым алтайским трактором.

«Очень прошу срочно прислать итоги посылки городских работников для постоянной работы в деревне. Ленин поручил мне собрать эти материалы».

(Из телеграммы заместителя наркома по просвещению И. И. Ходоровского¹ на имя Алтайского губкома РКП(б) в начале января 1923 года).

Это были первые сибирские Давыдовы, прототипы знаменитого шолоховского героя. Только начинались они гораздо раньше питерского посланца партии. 38 коммунистов Барнаула отправились в деревню в самом начале 20-х годов. Сейчас некоторых из них, может быть, нет уже в живых, другие разъехались по нашей необъятной стране и живут вдали от Алтая. Но кто же все-таки поехал тогда в деревню? Историки установили большинство имен наших алтайских Давыдовых. Вот они. В Рубцовский уезд поехали Мяндин Василий, Чеботарев Алексей, Печенин Максим, Фугенфиров Моисей, Савва Фадей, Уланова Вера, Бакулин Николай, Шестопалов Тихон, Басаргин Лука, Шамшин Георгий, Кудинов Федор, Орехов Федор, Истомин Виктор, Ерушев Николай, Чебыкин Кузьма; в Бийский уезд — Рудаков Федор, Боженова Елизавета, Евсеев Сергей, Васильев Иван, Шестаков Вадим, Стародубцев Матвей, Назаров Евгений, Карначев Павел, Кокорин Елисей, Политов Николай, Жестяникова Мария, Понев Василий; в Барнаульский уезд — Ложкин Павел, Закурдаев Вячеслав, Шишаев Алексей...

В памятном двадцать втором разъехались по алтайским деревням посланцы партийной организации города Барнаула. Возможно ли кого из них разыскать сейчас, проследить его судьбу? Пока что нам известна судьба лишь одного — Николая Ерушева, последующая жизнь которого сложилась очень интересно. Алтайский губком впоследствии командировал его учиться в Москву (Ерушев хорошо рисовал). Будучи одним из лучших студентов художественного института, Ерушев попадает в Париж и некоторое время проходит там стажировку.

Больше двадцати лет Н. В. Ерушев работал над картиной «Второй съезд Советов», делегатом которого от Западного фронта ему посчастливилось быть самому. Здесь он впервые увидел Владимира Ильича Ленина, беседовал с ним. Об этом незабываемом случае Ерушев рассказал в книге «Воспоминания о Ленине», выпущенной Госполитиздатом.

¹ Ходоровский Иосиф Исаевич (1885—1940 гг.), член КПСС с 1903 г.

В мае нынешнего года Николаю Васильевичу Ерушеву исполняется 80 лет, но он полон сил, творческого вдохновения. Николай Васильевич часто наведывается на Алтай, встречается с друзьями детства, выступает перед молодежью.

Большую работу провели посланцы Барнаула в деревне. Не случайно по количеству колхозов Алтайская губерния в двадцатых годах занимала первое место в Сибири. Благодаря городским посланцам алтайская деревня быстро перестраивалась на социалистический путь, настойчиво претворяла в жизнь ленинский план кооперации.

«Пример Алтайского губкома РКП(б) достоин всяческого подражания, — отмечалось в специальном письме, разосланном всем губкомам Сибирским бюро ЦК РКП(б), — пора покончить с разговорами об усилении деревни партсилами и перейти к делу.»

Собранные И. И. Ходоровским материалы о посылке городских коммунистов для работы в деревне были затем использованы Владимиром Ильичем Лениным в одной из последних его статей «Странички из дневника».

Бесценны ленинские реликвии для нас и для будущих поколений. Они всегда будут живительным примером его гениальной прозорливости, неустанной отеческой заботы о счастье простых людей.

Николай ИЛЬЧЕВ

НА РОДИНЕ ИЛЬИЧА

«Владимир Ильич Ульянов (Ленин) — основатель большевизма и первого в мире социалистического государства — родился 10 (22) апреля 1870 года в городе Симбирске на Волге (ныне Ульяновск)».

Владимир Ильич Ленин. Краткий очерк жизни и деятельности.

Изумительно хороши летние вечера на Волге в Ульяновске. С безбрежных просторов Ульяновского моря дует прохладный упругий ветер. Он с разбегу ударяется о высокий крутой откос, а потом не спеша взбирается на речные бульвары и так же, не торопясь, расходится по городским улицам. Словно замороженные, стоят на откосе многочисленные гости города и смотрят восторженно на величаво раскинувшуюся Волгу, где перекликаются гудками пароходы, стремительно проносятся «ракеты», сияют гирляндами огней красавицы-теплоходы. Чуть ли не на поверхности воды распластался огромный железно-автомобильный мост, по которому бесчисленными точками огней движутся поезда и автомашины. Но сколько бы ни восторгала гостей красавица Волга, огромные толпы людей устремляются на обширную Ленинскую площадь, где на гранитном пьедестале установлен памятник Ильичу. Орлиным взором провидца смотрит Ленин на родной, обновленный город.

Город ленинской юности! Здесь все напоминает об Ильиче, о его детстве, о гимназических годах, о замечательной семье, в которой он рос, воспитывался, где зрели его революционные идеи.

Симбирск был основан в 1648 году по указу царя Алексея Михайловича как один из форпостов «засечной черты» для защиты юго-восточных окраин Русского государства. Первоначально и до конца 18 века он назывался Симбирском. В центре города находился кремль в виде четырехугольника со ровом, деревянными стенами и башнями, за которым шел

пасад, обнесенный стеной, валом и рвом, а затем слободы. Потеряв в 18 веке военное значение, Симбирск стал крупным торговым центром Поволжья, с 1796 года он становится губернским городом. Заштатным, полусонным городишком слыл в прошлом Симбирск. Но даже в этом глухом углу находились люди, вносившие свежую струю в монотонную жизнь Симбирска.

Улица Гончарова, улица Минаева... Здесь, на родине Ленина, много родилось и жило знаменитых людей, которые в прошлом стремились разбудить Русь, несли просвещение и знания народу. Здесь показывали казацкую удасть со своей вольницей бесстрашные народные бунтари Степан Разин и Емельян Пугачев. Здесь жили декабристы Николай Тургенев и Василий Ивашев. Здесь создавал свои бессмертные романы писатель Иван Александрович Гончаров, а прославленный партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов писал стихи. В Симбирске проживали и творили писатель Григорович и сатирик Минаев, сподвижник Герцена — Николай Огарев, автор песни «Из-за острова на стрежень» Садовников. Симбирск — родина поэта Н. М. Языкова, в Симбирском уезде родился историк и писатель Н. М. Карамзин. Все они внесли свою лепту в просвещение народа.

Недалеко от бывшей мужской гимназии, которую окончил Володя Ульянов, стоит красивое здание с колоннами — вот уже более 120 лет размещается здесь главная библиотека города. Основателями ее были братья Петр и Николай Языковы. Восемнадцать лет потребовалось на то, чтобы открыть Симбирскую общественную библиотеку имени Карамзина, которая существовала на пожертвования. Здесь хранятся книги самих Языковых, Карамзина, Гончарова и других просветителей. Все члены семьи Ульяновых долгие годы читали здесь книги, которые положили начало богатейшему фонду нынешнего Дворца книги имени В. И. Ленина. В этом фонде сейчас свыше миллиона экземпляров. Ежедневно сюда приходит тысяча посетителей.

Да, книга прочно вписалась в жизнь нового Ульяновска, она стала символом высокой культуры земляков Ильича. Когда-то в Симбирске на 20 тысяч душ приходилось 29 церквей и два монастыря. Теперь в Ульяновске с населением около 330 тысяч 164 библиотеки. На Всесоюзной книжной выставке, которая проходила здесь в мае—июне 1969 года, экспонировались книги центральных и местных издательств страны. Были тут представлены и книги Алтайского книжного издательства, произведения писателей Алтая. Удивительный, неповторимый по своей силе контраст! Духовное невежество прошлого — и книжное море у берегов Волги в настоящем. И в этом тоже есть своя символика. Ведь в доме Ульяновых всегда было много книг, книг хороших и нужных. Книга в семье Ильи Николаевича Ульянова была самым ценным подарком.

В Доме-музее В. И. Ленина, где семья Ульяновых жила с 1878 года по 1887 год, посетители обращают внимание на книги. На столе Ильи Николаевича лежат работа К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» и томик стихов Н. А. Некрасова. Эту книгу Илья Николаевич подарил детям. В комнате Марии Александровны лежат произведения Гете, Шиллера, Шекспира и Гюго на языках подлинников, Л. Толстого, И. Тургенева и других русских классиков. В детских комнатах бережно хранятся журналы «Родник» и «Детское чтение», награды Ольги Ильиничны за отличную учебу — «Фрегат «Паллада» И. Гончарова, «Русские поэты» Н. Гербеля. На комодике и столе Анны Ильиничны — книги Белинского, Герцена, Писарева, Решетникова, два томика стихов Гейне на немецком языке и стихотворение поэта Коренева о Симбирске, переписанное Анной Ильиничной в подарок отцу. Вот строки из этого стихотворения:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу милый городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок,
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной — чрез лужи переправы,
Зимой — бугры твоих снегов,
Главу блестящую собора...

Общеизвестны литературные интересы Владимира Ильича. В его маленькой комнатке в историческом Доме-музее по сей день хранится книга «Жизнь европейских народов» Водовозовой, полученная в награду после окончания четвертого класса, много книг и учебников, географическая карта. В гимназические годы Ленина увлекали Спартак и Гарибальди, испанские «вольные стрелки» и Тарас Бульба. Ленин знал наизусть почти все стихи Некрасова, с увлечением читал Салтыкова-Щедрина, Тургенева, изучал труды революционных демократов. Когда своих книг в доме не хватало, Володя шел за книгами к своим товарищам; он так зачитывался новинками, что забывал все на свете.

С самых ранних лет Ленин мечтал о том, чтобы книга — этот светоч знаний — стала достоянием народа. Его мечта сбылась. Ныне каждую минуту книжное море в стране пополняет 2400 книг, а это 3,5 миллиона экземпляров в день. Мы законно гордимся тем, что четвертая часть всей мировой книжной продукции публикуется в Советском Союзе, что книги выходят у нас на 89 языках народов СССР и на 51 языке зарубежных народов, что книги на родном языке читают у нас граждане тех 43 национальностей, которые до революции не имели даже своей письменности.

Нынешний Ульяновск раскинулся на обоих берегах Волги и Свияги, причем в Засвияжье вырос современный городок автомобилестроителей. Но центр как был, так и остался на правом берегу Волги, на самом высоком месте, который называли раньше Старым венцом. С Венца открывался захватывающий вид на Волгу, отсюда как на ладони виднелся старый одноэтажный Симбирск. Володя любил бывать здесь, любоваться Волгой, мечтать о будущем. Неподалеку от Венца — карамзинский садик, где тоже любил бывать Володя. Памятник Карамзину — великолепное творение скульптора Гольберга, он и сейчас привлекает внимание многочисленных посетителей. Библиотека, принадлежавшая русскому историографу и писателю, хранится во Дворце книги имени В. И. Ленина.

Старый венец... Здесь Ленин не только мечтал, здесь же в его сердце откладывались картины и сцены, которые возмущали и ранили юную душу, вселяли ненависть к жестокостям окружающей среды. В Симбирске Ульяновы несколько лет жили в доме неподалеку от тюрьмы и Старого венца — места гуляний горожан. «Здесь стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге, — читаем мы в воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой. — По праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников... немало попадалось голов и хвостов воблы... На пасху сюда выходили катать яйца, и Старый венец пестрел яркими платьями и красными рубашками местных обывателей. Водружалась карусель, нестройно, перебивая одна другую, звучали гармоники... И публика веселилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось ляганье цепей...»

Не узнать ныне Старого венца. На самом Венце высится сейчас 23-этажное здание новой гостиницы. Пройдет немного времени, и отель «Венец» примет в свои стены растущий из месяца в месяц поток гостей.

Но все-таки генеральной стройкой Ульяновска является не высотная гостиница. Здесь, на высоком берегу Волги, на Старом и Новом венце сооружается величественная мемориальная зона, которая в корне преобразит облик района старого Симбирска. На территории мемориального комплекса, возводимого в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина, разместятся Дворец культуры профсоюзов, учебный корпус педагогического института имени Ильи Николаевича Ульянова, областная детская библиотека, Дом пионеров, Дом торговли, Дом художника, несколько 14-этажных жилых домов. Стержнем мемориальной зоны явится величественное здание мемориального центра. Его главный корпус предвдлет собой гигантский четырехугольник, который покоится на семи-метровых опорных колоннах. С какой бы стороны вы ни взглянули на это здание, оно отовсюду кажется парящим в воздухе. Но особенно красивый вид на главный корпус откроется с Волги. Пассажиры, туристы, мно-

гочисленные гости, которым доведется побывать в Ульяновске, увидят с бортов теплоходов гигантский сказочный дворец, взметнувшийся на крутом волжском берегу и поднявшийся над откосом, словно великан на крыльях. А сквозь просветы колонн будет хорошо виден скромный деревянный домик, во флигеле которого 22 апреля 1870 года родился гений всего человечества, вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Дом поставлен на прочный фундамент, обработан специальными химическими препаратами, которые помогут сохранить экспонат для будущих поколений.

В главном корпусе мемориального комплекса все будет напоминать о детских и юношеских годах Ильича. Здесь разместится филиал Центрального музея Владимира Ильича Ленина, будут собраны многочисленные экспонаты, рассказывающие о семье Ульяновых, о жизни и деятельности Ленина. В этом же здании разместятся областной Дом политического просвещения, уникальный кино-концертный зал на 1400 мест, Ленинский зал, украшенный скульптурными группами, мозаичными панно и красочными фресками, воспевающими победы партии и народа.

Перед мемориальным центром уже сейчас вырисовывается обширная площадь с чудесным видом на Волгу. На площади будет воздвигнут памятник Марии Александровне Ульяновой — матери Владимира Ильича Ленина. Неподдалеку разместятся учебные корпуса нынешней первой средней школы имени Ленина, новое здание государственного педагогического института имени Ильи Николаевича Ульянова. Район мемориального центра, аллея к нынешней площади выстилаются цветными бетонированными плитами с гранитными бордюрами. Вся мемориальная зона будет утопать в зелени и цветах. Уже сейчас на Ленинской площади, на приволжском бульваре, у памятника Ильичу море цветов и зеленых насаждений. Торжественны и незабываемы всенародные торжества на Ленинской площади у памятника Ильичу в дни его рождения. Тут отдаются и принимаются трудовые рапорты, юным пионерам повязывают здесь красные пионерские галстуки, а только что принятым в комсомол вручают комсомольские билеты. У памятника вождю встречаются люди разных поколений — ветераны Октябрьской революции и гражданской войны, Герои Великой Отечественной войны, первых и послевоенных пятилеток, передовики и новаторы производства, школьники.

Исключительной по размаху, архитектурному замыслу и бесценной по содержанию станет ленинская мемориальная зона в Ульяновске, которая в общей сложности займет более ста гектаров и объединит все, что связано в городе с именем Ленина: дома, в которых прошли детство и юность Владимира Ильича, здание бывшей мужской гимназии, где учился Володя Ульянов, дом бывшей городской управы, карамзинский садик.

Скромный домик на бывшей Московской, ныне Ленинской улице. Сюда уже десятки лет идут люди со всех концов нашей страны и из многих стран мира. Идут с волнением, с благоговейным трепетом. Район, где находится дом, вместивший целый мир, сохранил черты дореволюционного патриархального Симбирска. Здесь стоят приземистые домики с палисадниками, на брусчатых тротуарах и булыжной мостовой не услышишь привычного городского шума. Многочисленные посетители спешат к дому № 58, к Дому-музею В. И. Ленина. Здесь когда-то проживала семья Ильи Николаевича Ульянова. Уголок старого Симбирска, сохранившийся с той поры, останется в своем первозданном виде, как памятник ленинской юности. Сегодняшним же памятником вождю вознесся новый индустриальный Ульяновск, выпускающий автомобили, уникальные тяжелые станки, двигатели, автоматические линии, дождевальные установки, насосы, запасные части для сельскохозяйственных машин и множество другой продукции.

Более шести миллионов человек посетило Дом-музей В. И. Ленина с момента его открытия. А поток все растет и растет. В тот день, когда мы подходили к Дому-музею на улице Ленина, здесь перемешалась узбекская и русская, югославская и испанская речь. Отдать дань памяти Ленина пришли члены узбекской делегации, прибывшие с творческим отчетом в Ульяновск, югославские и кубинские туристы, учителя Мордовской автономной республики. Каждый, кто приходит сюда, оставляет автограф в книге посетителей. Листаем ее и находим слова признательности Ильичу от жителей орденоносного Алтая. Вот записи, сделанные пропагандистами Барнаула и михайловскими школьниками, рубцовскими следопытами и бийскими котлостроителями. В каждой из них — восхищение ленинской жизнью, клятва следовать его заветам.

При закладке Ленинского мемориального центра строители заложили в металлическую капсулу, которая замурована в основание центра, текст послания потомкам. Текст послания гласит:

«Дорогие наши наследники!

По праву старшинства мы даем вам, нашим правнукам, отеческий наказ — высоко держать знамя великого Ленина, приумножать завоевания своих дедов и отцов, идти дальше вперед славным путем, свято беречь ленинские места нашего города, сохранять их для будущих поколений».

Это послание адресовано тем, кто будет отмечать 100-летие Великого Октября и 200-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Можно не сомневаться, что нынешние и будущие земляки нашего вождя не посрамят чести своего города, давшего человечеству гения пролетарской революции.

Ульяновск—Барнаул.

НЕИЩЕРПАЕМЫЙ ОКЕАН

В разгар первой империалистической войны я учительствовал в селе Верх-Жилинском Косихинской волости Барнаульского уезда.

Многие верх-жилинцы, будущие коммунары «Майского утра», впервые услышали о Ленине на фронте, когда большевистские газеты и листовки проникали в окопы.

А после Февральской революции некоторые верх-жилинцы попали в Петроград, где им посчастливилось самим видеть и слышать вождя, вернувшегося из эмиграции, а позже участвовать в осаде Зимнего дворца. В те дни верх-жилинцы узнали и о коммуне. Вернувшись домой, они рассказали односельчанам о той великой правде, о которой писал и говорил Ленин. И гнусная брехня о «запломбированном вагоне», которой мутили головы народу монархические и буржуазные газеты, рассеялась, как дым.

Ленин предстал в сознании крестьян (за исключением, разумеется, кулаков) как верный, самоотверженный заступник рабочих и крестьян, как освободитель всех трудящихся от ига самодержавия и капитализма.

А когда внутренние и внешние контрреволюционеры ринулись душировать молодую Республику Советов, верх-жилинцы жили и работали под лозунгом «За Ленина, за Советы!»

И недаром на сельских выборах в Учредительное собрание список большевиков получил подавляющее число голосов. А разгон Учредительного собрания и провозглашение единой власти Советов были встречены в нашем селе ликованием.

В сложной обстановке гражданской войны, когда каждый человек, не искушенный в тонкостях политики, легко мог сбиться с панталыку, Ленин был для верх-жилинцев маяком, указывавшим верный путь жизни. Конечно, тут не обошлось без влияния пропагандистской работы, которую энергично вели бывшие фронтовики и другие передовые люди села.

Разгул колчаковщины и борьба с ней были убедительной «кровавой»

школой, где сибирские крестьяне до конца поняли и прочувствовали правоту учения Владимира Ильича.

Но вот колчаковщина прикончена... И в марте 1920 года родилась коммуна «Майское утро». Сам факт ее возникновения — наилучшее свидетельство непоколебимой веры первых коммунаров в Ленина, любви к нему.

Уже в то время до наших глухих мест стали доходить многие статьи и речи Владимира Ильича. Из них коммунары извлекали непреложные заповеди: жить по-ленински, «без лодырей и тучеядцев», трудиться честно, хозяйство и быт делать образцовыми, чтобы они стали «притягательными» для единоличников.

Завет Владимира Ильича о добровольности вступления в коммуны члены «Майского утра» блюли свято и неукоснительно.

В «Майском утре» в 1920 году были десятки пожилых членов, не умевших ни читать, ни писать. Памятуя слова Владимира Ильича, что надо всем советским людям «учиться, учиться и учиться» и что неграмотный стоит вне политики, «темные» коммунары (преимущественно женщины) дружно сели за букварь. И уже к 1922 году в коммуне не оставалось ни одного неграмотного члена. Только 96-летняя бабка Сошиха ушла на тот свет, так и не ликвидировав своей неграмотности.

Если все открытые контрреволюционные силы были уже уничтожены, то еще жил и действовал страшный идеологический враг Советской власти — религия. Атеистическая пропаганда стала злобой дня. Но в те годы в села Сибири еще не проникали книги и брошюры видных атеистов — И. И. Скворцова-Степанова, Ем. Ярославского и др. Не знали низовые безбожники и методики ведения антирелигиозной пропаганды. И вот тут-то Владимир Ильич вывел нас, атеистов, из затруднительного положения. Как-то в коммуну «Майское утро» попал № 3 журнала «Под знаменем марксизма» за 1922 год. Я тщательно изучил опубликованную в нем статью В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма». Нашел там золотые слова, которые рассеяли мои «методические» сомнения и воодушевили на борьбу с «богом». Приведу эти слова: «...Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.».

Я принял эти слова как «скрижаль завета» во всей моей дальнейшей атеистической и просветительной работе. В частности, приведенная выше цитата из статьи Владимира Ильича была путеводной звездой и в моем опыте крестьянской критики художественной литературы. Исходя из этой цитаты, я рассуждал так: если подход к крестьянам «и так и эдак» необходим в атеистической пропаганде, то он абсолютно верен и в опыте приобщения низовых трудящихся масс к искусству вообще и к художественному слову — в частности. Эту мою уверенность подкрепило высказывание Владимира Ильича в известной беседе его с Кларой Цеткин об искусстве: «Важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами... Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян».

Первый советский роман «Два мира» написан крупным сибирским писателем Владимиром Яковлевичем Зазубриным. Роман изображает борьбу красных партизан с колчаковцами. Владимир Ильич Ленин дал похвальную оценку этому произведению: «Очень страшная, жуткая книга; конечно, не роман, но хорошая, нужная книга».

Коммунары «Майского утра», тоже уничтожавшие колчаковцев, просили меня:

— Раз сам Ленин похвалил книгу Зазубрина, то обязательно надо узнать ее...

Я исполнил желание слушателей. Роман ошеломил их. Они дали о нем восторженный отзыв, о котором Алексей Максимович Горький писал В. Я. Зазубрину из Сорренто 17 марта 1928 года: «...Затем я очень прошу Вас: пошлите мне Вашу книгу «Два мира»; интереснейшую беседу слушателей о ней я читал, захлебываясь от удовольствия».

В суждениях о прочитанных им произведениях коммунары часто упоминали имя Владимира Ильича. Эти упоминания тоже ясно говорят об их отношении к нему. Мне кажется, это весьма выразительно отражено в отзывах на знаменитое и популярное стихотворение А. И. Бэзыменского «Партбилет № 224322». Воспроизвожу эти отзывы полностью:

Блинов И. Е. При этом стихе аж щека у меня задергалась!

Стекачев Г. В. Всего обдает и холодом и жаром.

Зубков М. А. Прямо по голове стучит этот стих. Долбит тя!

Тубольцев И. И. Резко отмечает потерю, но печалиться не станешь.

Титов П. И. Сказано сильно, но уж шибко вкратце.

Блинов И. Е. Сто тысяч партбилетов не заменят одного, ленинского.
Нет! Бестолковых наплет в партию — чо толку-то?

Тубольцев И. И. Экономический стих. Без лишнего расхода слов.

Гладких А. И. Никто еще так не писал о Ленине.

Зубкова В. Ф. «Весь мир грабастают рабочие ружищи». Всеобщий социализм здесь выходит... Горькая печаль говорится в стихе. Но все-таки не хватило у писателя силушки всю ее описать. Кто же опишет? Такого умника, поди, еще не родилось?

Титова А. И. Мало к делу писатель сообразил. Надо было больше, шибчей, ударней взяться бы!

Стекачев И. А. Конечно, никакими билетами партия не заменит Ленина. Это поэт так, для подъема духа говорит. Но говорить так надо!

Стекачев Т. В. Я где-то читал стихи про Ленина лучше этого. Но трудовой человек и от этого стиха шибко пронзится чувством!

Бочаров Ф. З. Маловат, но натуралистый стих!

Шитиков Д. С. В стихе никакой мудрости для понимания. Смысл определенный. Но в «Гудке» стих был больше. Над тем я плакал.

Корляков И. Ф. Этот поэт не плачет, а ободряет, оттого стих его некоторым и не нравился. Потому что вроде как не под момент написано. Надо бы печаль и печаль, а в нем и веселое есть.

Гладких А. И. На смерть Ленина стих сильней нужно, но нет его!

Блинова Т. П. Воспоминанье это. Но не такое большое, как бы надо! А написан шибко! Есть — круто взъеи идет!

Шитикова М. Т. К такому случаю дюже лучше стих надо. Но и этот соответствует.

Титов Н. И. Разные думки от стиха идут. Будто идешь и боишься, а тебе кто-то: «Не трусь, все возьмем!»

Стекачева М. Е. Погинула самая большая на свете голова!

Стекачев И. А. По событию стих слабоват, а сам по себе крепкий.

Титов П. И. Нет! Действительно, Ленина не заменит никто!

Стекачев Т. В. Разлей маленькую бутылочку хорошего напитка, а потом возьми ведро воды и замени. Попробуй!

Джейкало Ф. Ф. У меня скучает под сердцем. Шибко горестный стих!

Стекачева П. Ф. Не длинный, а по мыслям дюжий стих!

Сашин Ф. М. На мой организм ровно музыка печальная пала от этого стиха!

Титова Л. Е. Стих ободряет всех нас, товарищев!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ

Почетное место «Партбилету» в сельских библиотеках! От него крестьянам идет советское политическое воспитание, вечная любовь к Ленину и коммунизму.

Выпишу из своей книги и другие реплики коммунаров о Владимире Ильиче. Так, в разборе сочинений А. С. Пушкина высказались:

Ломакин Т. Н. ...Мы ценим великую политическую идею Ленина, а Пушкина ценим как великого писателя.

Шитиков Д. С. ...И мы, советские люди, гордимся, что вместе с Лениным и наш народный поэт ведет к свободе угнетенных всех стран...

На обсуждении «Любови Яровой» К. Тренева разгорелся жаркий спор слушателей по вопросу, прав ли был Кошкин, расстреляв Грозного:

Шитиков Д. С. ...Нет, ребята, не то вы судите. Кошкин не должен быть такой. Он должен понимать настроение существования и всякую мысль всяких народов на всем белом свете.

Носов М. А. Но-о-о-о, понес ты, Митрий! Это только один Ленин мог все понять. Кошкин — не Ленин.

Сюжет рассказа И. Бабеля «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча» прост... До революции бедняк Матвей пас скот у барина Никитинского на Ставрополье. Много унижений и бед терпел он от эксплуататора. Женился на Насте, которую барин-развратник «за все места трогал». Революция... Гражданская война. Матвей — партизан. Пришел он к Никитинскому, чтобы уничтожить его. У барина тогда сидела «земельная власть». И неграмотный Матвей читает по чистому листу бумаги якобы письмо Ленина Никитинскому: «Именем народа и для основания будущей светлой жизни приказываю Павличенке Матвею Родионычу лишать разных людей жизни согласно его усмотрению...»

И Павличенко убивает барина. Это «письмо» показалось коммунарам не только неправдоподобной выдумкой, но и оскорбительной для памяти Ленина. О нем говорили:

Шитикова М. Т. ...Если Павличенке нужно было контромить барина, то зачем ему ложное ленинское письмо? И без письма он его прикончил бы...

Бочаров Ф. З. На што Матвею Павличенко лгать барину от имени Ленина, если он был настоящий партизан?..

Стекачев Т. В. «Письмо Ленина» в рассказе — лишнее...

Ленин представляется коммунарам высшим судьей во всех вопросах жизни.

Титов Н. И. Не признаю врак. Здесь (в рассказе Бабеля — А. Т.)

описана с бытъ. Со злу заявился Матвей к барину и думает: «Дай я ему оглавлю письмо, будто от Ленина. Пущай потрусится от страсти...»

В пьесе В. Билль-Белоцерковского «Штиль» есть тип кристального коммуниста. Это — Красильников.

Шитиков Д. С. Красильников — самый великий, идеальный коммунист. Я хочу так поставить Красильникова, как Максим Горький поставил Ленина...

Не пришелся по душе коммунарам роман Юрия Олеши «Зависть». В связи с критикой его один из коммунаров отметил большой недостаток тогдашней художественной литературы:

Шитиков Д. С. ...Возьмешь теперича в библиотеке современную художественную литературу развлечься или поучись — и что же там написано? Там философствование — и больше ничего. Если нам надо философию, то мы возьмем не Олешу, а Карла Маркса, и узнаем мы там всю экономику и политэкономию. Мы это маленько уже знаем. Прочли уж и хорошие тома Ленина и знаем, что там и к чему ведется...

Сочинения Владимира Ильича Ленина — неисчерпаемый океан знаний и мудрости. Любой человек на самый трудный вопрос найдет в них совет для руководства к действию. И коммунары «Майского утра» неизменно искали и находили у всегда такие советы.

В этой статье я привел лишь ничтожную толику случаев, показывающих их отношение к Владимиру Ильичу и оставивших в моей памяти наиболее яркий след...

РИТМ ВЕЛИКОГО ВРЕМЕНИ

Редакция альманаха «Алтай» обратилась к знатным людям нашего края с просьбой рассказать об успехах и достижениях, которыми они встречают столетие со дня рождения В. И. Ленина.

Публикуем эти интервью.

ЭТО СЧАСТЬЕ

Интервью с делегатом III Всесоюзного съезда колхозников, трактористкой колхоза «Ленинский путь» Усть-Пристанского района Е. А. Саблиной

Вопрос. Евгения Андриановна, вот уже тридцать лет вы водите трактор. Скажите, пожалуйста, когда и почему стали трактористкой?

Ответ. Случилось это перед Великой Отечественной, в 1940 году. Тогда специальность механизатора в нашем селе — и не только в нашем! — считалась исключительно мужской. Но моя подруга Нина Солоденкина и я знали, что это не совсем так. Ведь уже тогда была известна всему Алтаю участковый механик Шипуновской МТС депутат Верховного Совета СССР Варвара Максимовна Бахолдина. Вот мы с Ниной и решили стать первыми трактористками в нашем Брусенцеве.

Ох и намаялась я, особенно в первое время! Мыслимо ли, за семнадцатилетней девчонкой закрепили огромную по тем временам машину — ЧТЗ. С ней нелегко было справиться и мужчине. С одной заводской намучаешься. Попробуй покрути вал ломиком. После перетяжки и того тяжелей — к ломикю привязывали веревку и тянули вчетвером-впятером.

На весенней посевной, а тем более на уборке, почти круглые сутки не слезала с трактора; второй смены тогда ведь и в помине не было.

Еще труднее пришлось в годы войны. Прежде хоть механик помогал, бригадир или опытный тракторист. А тут не на кого надеяться, в

МТС и колхозе остались одни старики да бабы. Вот сами и делали и профилактику, и средний, и даже капитальный ремонт. К тому же запасных частей не найдешь. Чего только не выдумывали — даже из березы вырезали детали. Но никто не жаловался, не ныл. Все понимали, что фронту для победы над врагом хлеб нужен так же, как и снаряды.

Вопрос. Всю войну на ЧТЗ работали?

Ответ. И не только войну. Девять сезонов водила эту машину, берегла, как свой глаз. Потом восемь лет проработала на старом НАТИ, десять — на ДТ-54.

Вопрос. Вы вот поминали свою подругу Нину Солоденкину. Она тоже продолжает водить трактор?

Ответ. В двух-трех словах не ответишь. Как только окончилась война и мужчины стали возвращаться домой, Нина ушла из МТС. Хватит, сказала, свое отра-

ботала, буду растить детей. Может, и не вернулась бы на трактор, если не случай. В каком это было году, точно не припомню, только урожайный был год. По 18, по 20 центнеров зерна намолачивали с каждого гектара. Председатель колхоза Валентин Васильевич Перфильев, в прошлом сам тракторист, обратился ко мне за советом. Урожай, говорит, добрый, механизаторы сами рвутся в поле, охота заработать побольше. Да и вести уборку приятно, когда пшеничка вымахала чуть не по грудь. Но ведь надо косить и кукурузу. Оставим животноводство без силоса — не будет ни мяса, ни молока.

Я сразу согласилась работать на уборке кукурузы. Но председатель в ответ невесело усмехнулся: один в поле не воин.

Вместе перебрали в памяти всех механизаторов, даже пенсионеров вспомнили. Понапрасну. Все оказались занятыми на жатве хлебов.

«Что-нибудь придумаю», — пообещала я председателю. А сама в ту минуту уже держала на уме: пойду вечером в клуб, где, опасаясь за-

пылиться в поле, целыми часами лузгали семечки некоторые вчерашние десятиклассницы.

Так-то я стеснительная, особенно на собраниях, а тут расхрабрилась: «Чего, девчата, сидите без дела? — говорю. — Все равно парни не придут, все в поле, на тракторах да комбайнах. И вам бы, грамотным, как в других деревнях, неплохо бы в механизаторы. Про призыв павловских девушек слышали?» Но они ни в какую. Не торопимся, мол. Поглядим пока со стороны... Так ни до чего не договорились.

Возвращалась из клуба невеселой. Как же быть теперь? Неужели скот будет зимовать без силоса? Откуда тогда возьмутся молоко, масло, мясо?

За думками не заметила, как повстречала свою старую подругу. Рассказала ей все, как есть. «А чего меня обходишь? — рассердилась Нина Григорьевна. — Детишки подросли, можно работать. Одна-то, конечно, спервоначалу не смогу, отвыкла, многое позабыла. Подсказывать будешь — не подведу».

Так и проработали мы ту осень. Я — на тракторе, Солоденкина — на комбайне. Потом нас пригласили в Барнаул, на первый Алтайский съезд женщин-механизаторов.

С того времени водит Нина Григорьевна «Беларусь». Новенькую дали машину, прямо с заводского конвейера. Маневренная, послушная, не то что ЧТЗ. На ней работать — одно удовольствие. Как будто специально для нас, женщин, изобретали такую.

Вопрос. Расскажите, Евгения Андриановна, как вы стали победительницей трех конкурсов трактористок.

Ответ. Нынешним летом меня посылали на зональные соревнования. Ну, вышла я вперед других, премию дали — столовый сервиз. Когда стала чемпионкой края, еще сервиз подарили. Нелегко, конечно, было завоевывать первенство. Требования предъявляли серьезные. «Придирались» строго, проверяли прямолинейность пахоты, глубину, заезд и выезд. К тому же переживателей целая толпа, во все глаза смотрят на тебя и твою работу. Пока вспахала 50 соток, кофта взмокла.

Еще через несколько дней участвовала в конкурсе в Новосибирске. Там я, прямо скажу, подкачала. Пропустила вперед себя трактористку из Омской области, второе место взяла. Трактор «ДТ-75» для меня непривычный. Конечно, волновалась еще сильно.

Вопрос. Какой у вас заработок?

Ответ. По-разному. Все зависит от урожая. За прошлый год, например, я получила от колхоза 2.800 рублей. Кроме того, мне продали 28 центнеров пшеницы. Живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь. А родители мои едва на кусок хлеба зарабатывали — отец до революции деревенским пимокатом был.

Вопрос. Несколько раньше вы говорили, что девчата отказались помогать убирать кукурузу. Они и сейчас в стороне от колхозных дел?

Ответ. Нет, уже в тот год большинство работало в колхозе. Несколько выпускниц Брусенцевской школы учатся на механизатора в Усть-Пристанском профессионально-техническом училище. Одним словом, следующим летом будет надежная смена. Правда, нам далеко еще до пенсии. Мне 46 лет, и я еще думаю в юбилейном году «побить» в Новосибирске ту омичку.

Вопрос. Каковы ваши впечатления от съезда колхозников?

Ответ. Это счастье, что мне довелось побывать в столице нашей Родины. Раньше я никогда в Москве не была. Конечно, побывала на Красной площади, к подножию мавзолея мы возложили венок. Посетили квартиру-музей Ленина в Кремле, встретились с московскими рабочими. На Выставке достижений народного хозяйства осмотрели павильоны и открытые площадки, где демонстрируется современная сельскохозяйственная техника. Замечательные машины! Надо и на них поработать.

Понравился мне и сам съезд. Выступил на нем Генеральный секретарь ЦК нашей партии Леонид Ильич Брежнев. Много товарищей наших из разных мест Советского Союза рассказывали об опыте работы своих колхозов. Очень интересно и полезно было слушать!

Когда я вернулась домой, стали приходить односельчане. Я им подробно рассказывала о работе съезда, о Москве, о тех механизаторах, с которыми там познакомилась. Слушая выступления, я поняла, как мало сделала и как много еще не знаю. Но я обещаю стараться изо всех сил, чтобы также идти в первой шеренге.

По ленинскому плану созданы наши колхозы. Поэтому хочется работать так, чтобы в день 100-летия со дня рождения Владимира Ильича чувствовать себя нужным и полезным для коммунизма человеком.

ТРАССА ЗЕЛЕННЫХ ЗВЕЗД

Интервью с машинистом Барнаульского локомотивного депо Героем Социалистического Труда А. С. Павловым

Вопрос. Александр Спиридонович, что вы можете рассказать о развитии того почина железнодорожников, который Владимир Ильич Ленин назвал великим и которому предсказывал большое будущее?

Ответ. Нам, железнодорожникам, очень приятно, что этот почин зародился среди нас, работников железной дороги, а конкретно — в депо Москва-Сортировочная. Железнодорожники всегда были в числе боевых, наиболее сознательных и дисциплинированных отрядов рабочего

класса. Не случайно поэтому они одними из первых откликнулись на призыв партии.

В суровом 1919 году московские железнодорожники провели первый коммунистический субботник, который навсегда вошел в героическую летопись рабочего класса нашей страны, летопись борьбы за высокую производительность труда, коммунистическое отношение к делу, к ценностям, накопленным трудом народа.

Вы помните, как Ильич скрупулезно выписывал каждый результат, каждую цифру сделанного на субботнике. «Выпущено два паровоза и у четырех разобраны ремонтируемые части». Это о сделанном локомотивщиками за шесть субботних часов.

«Выше обыкновенных рабочих на 270 процентов». Это об интенсивности труда. «В коммунистическую субботу сделано работы за неделю». И в каждой такой строке — радость Ильича за успехи, удовлетворение от того, что еще раз в сложнейших, крайне тяжелых условиях ярко проявилась творческая сила рабочего класса, его созидательность, его революционный размах.

Владимир Ильич прозорливо увидел в коммунистических субботниках начало большого движения за высоты производительности труда, за экономию и бережливость во всем. Энтузиазм субботников вылился во всенародное соревнование.

Теперь, спустя полвека, мы видим другое время, другие масштабы. Мы уж вес поезда считаем не в сотнях, а в тысячах тонн, скорость не в километрах, а в десятках километров, а время в пути не в сутках, а в часах. Но ленинский дух коммунистических субботников живет.

Ильич не только видел за первыми скромными цифрами полководье революционной народной инициативы, но и учил считать, видеть за малым большое.

Приведу такой пример. Много ли, если за рейс машинист экономит

50 литров дизельного топлива? Скромно, конечно, если учесть, что дело он имеет с тоннами (только один бак на тепловозе вмещает шесть тонн), и такую мелочь просто трудно замерить щупом.

Но вот подсчитали мы как-то: если каждый наш машинист в течение года будет привозить по этакой мини-дозе, то наберется полный бак такой емкости, что его хватит, чтобы заправлять все тепловозы Алтая в течение суток. Поистине из капли — ручеек, из ручейка — море.

Соревнование любит не только счет, но и мастерство. Без него не сэкономишь, не перевезешь лишнюю тысячу—другую груза, не нагонишь драгоценные минуты в пути. Иначе говоря, на арифметике далеко не уедешь, нужна алгебра. Алгебра поиска, алгебра творчества. Соревнование постоянно в пути, оно не любит застоя. И в этом непрерывном творчестве, в людском энтузиазме, широком размахе технического прогресса, в неразрывном процессе роста людей и преобразования техники видится могучая эстафета ленинского почина.

Недавно участвовал я в одном представительном собрании. Звучали цифры, назывались лучшие имена. Цифры звучали как гимн нелегкому, полному опасности и тревог труду локомотивщиков. Ведь не всегда у машинистов впереди зеленая улица или, как сейчас стало модным говорить, трасса зеленых звезд. Бывает впереди и красный свет, и препятствие возникает на пути, и коварный гололед ляжет под колеса тяжеловесу...

Поэтому приятно, когда слышишь: на Алтайском отделении тысячи ударников коммунистического труда, десятки машинистов первого класса, тех самых людей, которые умеют так вести поезд, что по их ходу можно проверить часы. И в названных цифрах — тоннах сбереженного топлива, тысячах тонн перевезенного сверх плана груза, в десятках тысяч сэкономленных киловатт-часов — улавливаешь эхо первых коммунистических субботников, помноженное на опыт лет и могучий бег времени.

Ускоренный ритм времени особенно заметен в последние годы. На моей памяти — и керосиновые копилки на стрелочных указателях, и маленькие коптящие паровозики, и жезлообмениватель, как последнее слово техники. Но вот стремительное наступление электричества — и опрокинуты каноны, до основания потрясены устоявшиеся представления. Вчерашний стрелочник — ныне оператор автоматического пульта управления, вчерашний паровозник — сегодня за контроллером электровоза переменного тока, неприметный ламповщик — ныне диспетчер огромной электрической реки мощностью в десятки тысяч киловатт. Целые направления протяженностью более сотни километров работают без стрелочников и дежурных по станции. Всем движением поездов руководит один человек, сидящий у пульта. Как тут не вспомнить ленинский план

электрификации, энтузиазм людей, воплощавших его в жизнь, как не отдать должное главному результату века — всестороннему росту раскрепощенного от оков капитализма человека!

Вопрос. Скажите, Александр Спиридонович, а каков лично ваш вклад в празднование ленинского юбилея?

Ответ. На моем счету с тех пор, как я встал на трудовую ленинскую вахту (а было это два года назад), десятки часов сбереженного для пассажиров времени за счет нагона, как мы говорим, то есть за счет ввода опаздывающих поездов в график, более шести тысяч киловатт-часов электроэнергии — этого вполне достаточно, чтобы перевезти семьсот пассажиров из Барнаула до Омска. Скромно, правда, у ребят есть и повыше показатели, но до ленинского юбилея надеюсь эту цифру увеличить, скажем, до таких размеров, чтобы можно было пассажирский экспресс на сэкономленной энергии доставить за Урал.

Вопрос. Александр Спиридонович, есть ли у вас какая-нибудь сокровенная мечта?

Ответ. Очень хочу водить сверхскоростные экспрессы. Те самые, которые сейчас находятся пока в эскизном виде в Научно-исследовательском институте транспортных проблем и скорость которых порядка 300 километров в час. Звучит фантастически? Ничего, скоро мы таким поездом так же не будем удивляться, как не удивляемся электричкам.

ПЯТИЛЕТКА ДОСРОЧНО

Интервью со старшим сталеваром Барнаульского котельного завода, депутатом Верховного Совета РСФСР, кавалером ордена Ленина Г. А. Тихомировым

Вопрос. Григорий Алексеевич, нам известно, что Вы в свое время выступили инициатором движения за высокую культуру труда, организованность и дисциплину, коммунистическое отношение к порученному делу. Интересно, как продолжается ваше соревнование, какие новые цели и задачи поставили Вы перед собой?

Ответ. С тех пор, как появилось мое выступление в «Алтайской правде», прошло три года. Речь в нем шла о рабочей чести. Я доволен, что выступление вызвало широкое обсуждение. Говорили много и по-деловому и у нас в цехе, и на других заводах. Общее мнение — нельзя мириться с расточительством рабочего времени, с прогулами, пьянством, нарушениями трудовой дисциплины.

Были, правда, и такие, которые говорили: подумаешь, правдолюбец! Отдохнуть, что ли, не любишь? На праздники квас пить?

Таким я отвечал: такие же мы, как и все, и повеселиться умеем, и за праздничным столом не один только чай пьем. Но приходите в нашу бригаду сталелитейщиков, посмотрите, как мы работаем. Вот мои подручные — Иван Захарович Полухин, Алексей Васильевич Савельев. Считайте, без малого четверть века с ними работаю. Орлы ребята! С такими горы свернуть можно. Еще в начале пятилетки подсчитали мы свои возможности и решили выполнить пятилетний план за четыре с половиной года. Из чего исходили? Прежде всего из высокой организации труда. Строго вели счет каждой минуте рабочего времени. И, разумеется, знание дела, накопленное за долгие годы мастерство не последнюю роль сыграли. Ставлю я мысленно на наше место дюдей небрежных, любителей длинных перекуров, прогульщиков, лётунов. И никак не могу их пред-

ставить в нашей роли — горячий цех не любит таких, жестоко мстит нерадивым. То плавка чрезмерно затянется, то металл получится с брачком, то слишком дорогим окажется из-за лишней траты присадок, электроэнергии, времени. А разве при таких просчетах можно рассчитывать на успех?

Когда мы брали обязательства — все учитывали. Скажем, норма на две смены — 13 плавков. Нам, значит, шесть с половиной. А можно семь? Прикинули, подсчитали — если ужать до предела время между плавками и продолжительность самой плавки, можно и лишнюю сделать. По минутам рассчитали.

Взять хотя бы такую операцию, как проба стали. Раньше сколько приходилось из-за них бегать в экспресс-лабораторию! Сколько драгоценных минут в смену уходило на такие «елочки», как мы называем пробы.

А теперь стали делать пробу сами. По цвету, по излому, по поверх-

ности отливки. Если металл в самый раз — поверхность отливки гладкая, как стеклышко, а если мало присадки — шероховатая, в пупырях. Казалось бы, не много времени сэкономили мы на экспресс-лабораторные пробы, но за смену полчаса, а то и час набегает. Вот она — лишняя плавка!

Опять же мы со сменщиками договорились вести плавки непрерывно. Раньше ведь как было. Подходит пересмена, остается каких-то полчаса. Плавку сделать уже не успеешь и ждешь, когда придут товарищи. Печь гуляет. Теперь не так. Сколько бы времени ни оставалось — работаем до конца. Загружаем печь шихтой, делаем все подготовительные операции и сдаем начатое сменщикам. В результате — чистый выигрыш времени. А минута к минуте — тонна к тонне.

Вот и выходит, что вместо 400 тонн наша бригада ежемесячно варит по 420—470 тонн. А каждая тонна — это 390 рублей. По нашим подсчетам, с начала пятилетки мы положили в ленинский фонд экономии свыше двух миллионов рублей. А свои обязательства выполнили досрочно — пятилетний план нами завершён в августе 1969 года.

Не ради того, чтобы покрасоваться, говорю я это, а ради того, чтобы еще раз подчеркнуть — огромные неиспользованные резервы таятся у нас в любом деле. Каждый человек должен быть на своем месте не просто исполнителем, а исследователем, не жалеть ни выдумки, ни смекалки. В этом и состоит суть движения за высокую культуру труда, за научную организацию производства, где нет места ни бестолковой суетлоке, ни расточительному времяпровождению.

Вопрос. Григорий Алексеевич, а как ваши депутатские дела? Что за последнее время нового появилось в вашем округе?

Ответ. Мой округ — Октябрьский район краевого центра, индустриальное сердце города. Растет, поднимается корпусами новый гигант химии — Барнаульский шинный комбинат. Шагают все дальше, вытесняя старую одноэтажную деревянную застройку, кварталы светлых многоэтажных зданий, среди которых уже появились первые наши «небоскребы» — девятиэтажные жилые дома. Прибавляются новые километры трамвайных линий, готовится принять троллейбусы Ленинский проспект — главная улица города. За один только прошедший год в округе построено 4 детских сада, 3 клуба, 3 магазина на 42 рабочих места, 4 больницы, комбинат бытового обслуживания, школа на 1000 мест, заасфальтировано 48 тысяч квадратных метров дорог и тротуаров. Более двух тысяч моих земляков-избирателей так же, как и наша бригада, давно уже трудятся в счет будущей пятилетки. На правом фланге ударной ленинской вахты — трансмашевцы, станкостроители, рабочие швейной фабрики № 1, овчинно-меховой фабрики, комбината химического волокна, треста «Стройгаз».

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

Интервью с лауреатом Ленинской премии, ректором Алтайского политехнического института им. Ползунова В. Г. Радченко

Вопрос. Василий Григорьевич, вы один из лауреатов Ленинской премии 1957 года — первых Ленинских лауреатов в нашей стране. В канун великого юбилея закономерно вспомнить о той работе, за которую была присуждена эта высокая награда.

Ответ. С этой работой связана вся моя жизнь. Не вдаваясь в технические подробности, можно сказать, что это — электрошлаковый метод сварки сосудов. Он был освоен нами впервые в мировой технике и позволил ускорить выпуск мощных котлов высокого давления, тех самых советских котлов, какие дают энергию, приносят свет и тепло многим нашим и зарубежным городам.

Начало этой работы относится еще к сороковым годам. После окончания Ростовского института сельхозмашиностроения...

— Насколько мне известно, вы окончили институт с отличием?

— Да. Но гораздо важнее, что я окончил его по специальности оборудования и техники сварочного производства. Так вот, после окончания института я был направлен на таганрогский завод «Красный котельщик». Вначале работал помощником мастера, позже мастером, а через некоторое время, заместителем начальника цеха сварных барабанов по новой технике.

В послевоенные годы встал вопрос о резком увеличении выпуска котлов высокого давления. У этих котлов огромные толстостенные барабаны.

Сварка барабанов в те времена проводилась либо вручную, либо автоматически под слоем флюса и была делом исключительно трудоемким и длительным. Непомерно увеличивался производственный цикл, тормозилось решение важнейшей государственной задачи.

Группа ученых и инженеров упорно искала новых методов сварки. Руководил этой работой сначала академик Е. О. Патон, потом его сын Б. Е. Патон.

В короткой, да, пожалуй, и не короткой, беседе невозможно рассказать о всех перипетиях этой работы. Но хочется сказать об атмосфере, в которой она проходила. Это была атмосфера не просто увлеченности, поглощенности, а одержимости делом.

Были тут и горячие споры, и бессонные ночи, и горечь неудач, и все новые и новые поиски. Хотя, оговорюсь, никто из нас не предполагал, что задуманное получит такой широкий размах, что новый метод даст

стране десятки миллионов рублей экономии, заграничные фирмы будут покупать у нас лицензии, наша работа получит всеобщее признание.

Долгие месяцы усилия не давали никаких результатов. Лишь в начале пятьдесят второго года нам удалось получить первые полметра шва по новому методу. Эту «диковинку» ходил смотреть весь завод. Директор и главный инженер простаивали возле этого шва по нескольку часов.

К годовщине Великого Октября мы уже заварили стенки барабана высокого давления толщиной в 90 миллиметров. Задача была решена. Началось производственное освоение нового метода сварки на таганрогском и других заводах. Оно позволило сократить затраты труда, ускорить выпуск продукции.

Именно за эту работу Б. Е. Патону и группе ученых и инженеров, в том числе и мне, была присуждена Ленинская премия.

Вопрос. Но вы сказали, что с этой работой связана вся ваша жизнь.

Ответ. Безусловно. Новый метод, получив широкое распространение, принес с собой коренную реконструкцию сварки в тяжелом машиностроении. Этот метод внедрялся и на Барнаульском котельном заводе. Здесь предстояло варить котлы, стены которых по толщине превышали 15 сантиметров. Я был назначен главным инженером на барнаульский завод с целью внедрить здесь наш таганрогский опыт.

В Барнауле мы освоили сварку толстостенных котлов, опытным путем установили, что можно сваривать металл и самой большой и самой малой толщины. Барнаульский барабан-баллон получил Гран-при на Брюссельской выставке 1958 года.

В институте со своими ассистентами я продолжаю научную работу в прежнем направлении. Но теперь это не только сварка. Это — элек-

трошлаковый переплав металлов, дающий возможность сохранить для производства многие тонны высококачественных сталей, это — электрошлаковая отливка штампов, позволяющая расширить их применение. При этом физическое содержание процесса осталось прежним, но направление его использования другое.

Вопрос. Очевидно, не только эта, но многие научные проблемы, разрабатываемые институтом, связаны с производством?

Ответ. Несомненно. Трудно даже перечислить эти проблемы. Мы связаны с Барнаульским котельным, с Алтайским и Павлодарским тракторными, с «Трансмашем» и многими другими заводами.

К юбилею Владимира Ильича мы внедрили в производство более двадцати научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, добившись экономии в пятьсот тысяч рублей.

Вопрос. Что еще сделано институтом к юбилейной дате?

Ответ. Институт у нас большой. Десять тысяч студентов. Восемь факультетов, тридцать четыре кафедры. Подготовка студентов ведется по шестнадцати специальностям.

Естественно, у нас много разных дел и все их трудно перечислить. Прежде чем назвать основные, скажу только, что юбилей В. И. Ленина вызвал особый творческий подъем, придал всем нашим делам особую эмоциональную окраску.

К юбилею у нас представлены к защите три докторских и двадцать пять кандидатских диссертаций, издано и подготовлено к изданию пятьдесят учебников. Значительно повысилась успеваемость, возросло число принятых к внедрению дипломных проектов.

Улучшена пропаганда ленинского теоретического наследия. Проведено несколько конференций по ленинским работам и их роли в развитии науки и жизни нашей страны. В институте прошла республиканская межвузовская конференция на тему «Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм».

Проведены смотры-конкурсы научно-исследовательских и опытно-технических работ, посвященных юбилею.

Немало событий было в культурной жизни института. Здесь тематические вечера, смотры, конкурсы самодеятельных коллективов, студенческих клубов, стенных газет. Наконец, традиционный день поэзии, посвященный В. И. Ленину.

В ленинский год институт ведет большое строительство новых корпусов, студенческого общежития, спортивного блока.

Вопрос. Что вы хотели бы сказать студентам и другим молодым читателям нашего альманаха?

Ответ. Юность очень богата. У нее большой запас времени. Но, к сожалению, этот запас нельзя назвать неисчерпаемым. Современный

мир многообразен, перенасыщен информацией, богат научными достижениями и открытиями. Сейчас, чтобы стать хорошим специалистом, а еще более того, как многие мечтают, сделать что-то в науке, нужно правильно обращаться с этим не столь уж щедро отпущенным человеку запасом времени.

Когда-то Жан Жак Руссо назвал самое, по его мнению, важное, самое великое и самое полезное во всем воспитании правило: «Не выигрывать нужно время, нужно тратить его».

Чаще мы слышим: «Время нужно беречь». А вот великий просветитель и педагог считал, что его нужно тратить, то есть активно использовать так, чтобы оно не пропадало даром.

На мой взгляд, это значит жить в той атмосфере, в той «буче, боевой, кипучей», которая наполнит дни и часы нужными, полезными делами. И когда потом эти дни выстроятся в годы и десятилетия, получится нечто цельное, немаловажное, а может быть, и значительное.

Ст. ИСАКОВ

БЕЗ ИМЕНИ

РАССКАЗ

Квадратное оконце его камеры выходит в тесный коридор двора. Две красные стены параллельно упираются в деревянный частокол ограды, за частоколом чахлый лесок, а за леском, марая небо, копят заводские трубы.

В этом коридоре никогда не появляются ни солнце, ни человек; за частоколом же время от времени проходит солдат со штыком. Вот и весь внешний мир заключенного.

Он был арестантом без имени. Его арестовали по доносу: кто-то донес, что он бывший большевистский комиссар. У него нашли подложные документы, от которых он и сам отказался, и, таким образом, его настоящее имя никому в тюрьме не было известно. Его водили на допросы в тюремную канцелярию, добиваясь, чтобы он назвал свое имя и город, где жил при власти большевиков. Но он упрямо хранил свою тайну.

— Знаешь ли ты, что твое упрямство дает нам право расстрелять тебя без суда! — грозили ему.

Заключенный молчал.

А однажды, точно скорбя, что своим упрямством он подвергает себя опасности, следователь проникся к нему странной заботливостью:

— Мы видим, что ты из рабочих, — сказал он, — к рабочим же мы снисходительны, потому что они действительно под влиянием большевистской агитации иной раз не разбирали истинное положение вещей. Раскаявшихся рабочих мы отпускаем на свободу.

Но заключенный молчал и тут.

Тогда оставили его в покое, точно забыли о нем. Он лежал в своей

камере целыми сутками, слушая жизнь тюрьмы. Ему подавали скверную пищу, он съедал ее и снова лежал. А когда надоедало лежать, бродил часами из угла в угол или становился к окну и смотрел на серое небо, на заводской дым, на чахлый лесок.

Но вот однажды вошли в его камеру двое — офицер и тюремный надзиратель. Офицер поморщился, высморкался в платок и сказал заключенному:

— Ну... мы пришли узнать твое имя...

Заключенный вздрогнул. Он понял, с какими средствами допроса пришли они. Он ожидал их.

— Ну-с! — сказал тихо офицер еще.

В глазах заключенного вспыхнула ненависть к ним, и он, не отвечая, отвернулся к оконцу.

— Я спрашиваю! — крикнул уже офицер.

— Я не отвечаю, — ответил заключенный.

Тогда свистнула над головой заключенного плеть, и надзиратель ударил ею по лицу заключенного.

— Ну-с!..

Но заключенный не завыл от боли. Он схватил рукою лицо и сгреб целую ладонь крови.

— Скажешь?!

— Палачи!..

Офицер выхватил револьвер и, тыча дулом в окровавленное лицо, хрипел:

— Убью!.. Убью-ю!.. Я не... лимонничаю с вашим братом... Убью-ю!..

Потом ударил револьвером по голове заключенного, и заключенный свалился на пол, теряя сознание.

Видимо, он очнулся тотчас же. Надзиратель мочил ему остывшим чаем из кружки голову, а офицер стоял у дверей и закуривал папиросу.

— Ожил? — спросил он, пуская дым. — Теперь скажешь?!

Заключенный выплюнул сгусток крови и вытянулся на полу.

— Пропадешь!.. — еще сказал офицер. — Пропадешь — черт с тобой, а оживешь — завтра придем разговаривать.

И они ушли, оставив заключенного мучиться жаждой и нестерпимой болью в голове.

К вечеру он поднялся и принял чай. Он выпил половину кружки, а вторую половину остудил и вымыл себе лицо. На нем во всю щеку лежала коростина запекшейся крови.

А когда на небе высыпали звезды и тусклыми факелами горели трубы заводов, он стоял у оконца и плакал.

Ровно через сутки пришел снова офицер и с ним тот же надзиратель. Так же офицер поморщился и так же приступил к допросу. Заключение, дрожа от ожидания нового избиения, приник в угол и стоял там, блестя белками глаз.

— Имя?.. — сказал офицер.

— Ты убей меня... — ответил заключенный.

Офицер захохотал:

— Рано, любезный товарищ!.. Мы вот поскребем тебя, глядишь — и выскребем еще пяток-десяток подобных тебе... Не знаешь этого?.. Имя!..

Заключенный молчал.

— Мы будем приходить к тебе каждый день и каждый раз... допытываться. Но пропасть не дадим... Надзиратель!..

Надзиратель выдернул за руку из угла ослабевшего заключенного, бросил его на пол и несколько раз ударил по спине плетью...

— Имя!..

Но и теперь пытка не привела ни к чему. Упрямство заключенного было непоколебимо. Он извивался под плетью, скрипел зубами, но молчал. Так же, как вчера, офицер и надзиратель оставили в страданиях и муках заключенного и ушли, пообещав прийти на следующий день.

Но пришел маленький старичок с серой бородкой и судейским значком на фуражке. Он вежливо попросил надзирателя оставить его одного с заключенным и присел на табурет.

— Я член следственной комиссии, — сказал он. — Мне сообщили любопытный факт, что вы, арестованный по подозрению, почему-то скрываете свое имя и город, где жили раньше. Найденные же при вас документы, по справкам, действительно оказались подложными... И теперь в наших делах вы значитесь — арестант камеры № 9, без имени, понимаете, совершенно без имени...

— Ну, что ж... И расстреляйте без имени! — сказал заключенный.

— Расстрелять! — воскликнул старичок. — Без улик, без установления личности!..

Старичок вдруг нагнулся к заключенному и всплеснул руками:

— Позвольте!.. Что у вас с лицом?..

— Били, — сказал просто заключенный.

— Здесь?.. В нашей тюрьме?..

— Должно быть, в вашей... У нас тюрем нет...

Старичок вскочил и забегал по камере.

— Нет, это безобразие!.. Эти истязания! Это средневековье! Нет, я выведу, я выведу эти застенки из тюрьмы!..

Может быть, потому, что так искренне волновался старичок, заключенный почувствовал хорошее, даже милое настроение. Лучистые мор-

щины около глаз старичка странно расположили к себе заключенного, и ему, стиснутому каменным одиночеством, захотелось поболтать. Он улынулся разбитым лицом приятно и ласково, удивляясь тихому миру в себе, и сказал старичку, взглянув ясно в его лучистые глаза:

— А вы не волнуйтесь, как есть тюрьма, так она и будет тюрьмой... Вы лучше скажите мне, известно ли вам, что я комиссар?..

— Да, мы полагаем, — ответил старичок, успокаиваясь.

— Ну, вот... И я скажу вам, что я бывший комиссар... Теперь напишите приговор и...

— Для нас недостаточно, что вы комиссар... Мы можем оправдать и комиссара...

— Ну, а меня не оправдать...

— Гм... По крайней мере, нам нужно выяснить личность... и установить факт преступления.

— То есть — отправить меня в тот город, где работал?..

— Именно...

— Чтобы там снова избивали меня, допытываясь, где скрываются мои товарищи?.. Покорно благодарю!..

Старичок пожал плечами.

— У вас какая-то болезненная подозрительность! — сказал он, отойдя к оконцу и играя за спиною пальцами рук.

— Есть тот грех, — заговорил заключенный, усмехаясь. — За доказательством никуда идти не надо, вот оно, на щеке... Но это дело десятое... А я вот что хотел сказать. Читали ли вы сказочку, как перевелись на Руси богатыри? Разрубит неприятеля, глядь — из разрубленного два неприятеля поднимаются... Нарубили на себя рать несметную, и окаменели со страху богатыри...

— Ну и что же потом? — спросил старичок безразлично.

— Ясно, кажется. Теперь вместо богатырей капиталисты. Разрубит капиталист революционера, а на место его — два... Так что я не страшусь своей кончины.

— Вот как! — воскликнул старичок. — Это оригинально! Погибнуть без имени!.. Знаете, я в молодости тоже был революционер, да и теперь не реакционер, но без имени я не захотел бы идти на виселицу...

— А мы не гонимся за этим; имя — десятое дело; мы — коллектив... И не мечтанья у нас, а дело... Значит, между нами порядочная разница.

И воскликнул вдруг заключенный, вскакивая на ноги:

— Эх, прогоним вот к черту вашего Колчака, тогда покрепче загребем власть в руки!.. А — прогоним!..

— Гм!.. — улынулся старичок. — Вы, большевики, неисправимы...

— Да, не исправить...

Старичок опять пожал плечами, прошел к двери и остановился на минуту. Он хотел что-то сказать, но не сказал и вышел, пригворив за собою дверь. В петлях скребнул замок.

Заключенный лег в угол и лежал до самого вечера.

А вечером тихо вошел в камеру надзиратель, осветил его спичкой, уже спавшего, и пнул сапогом в голову...

И вот, после нескольких допросов, снова оставили заключенного в покое.

Избитый, харкающий кровью, с лихорадочно блистающими глазами, днями он бродил по камере, а ночами стоял у оконца или сидел в углу и наблюдал вереницы людей и событий, проходивших и не проходивших в его жизни. Он бродил, как душевнобольной, но достаточно было внешнего толчка, чтобы его мозг тотчас освободился от иллюзий и бреда.

Неизмеримые страдания мучили его душу, когда он видел семью. Он плакал, бился головой о стену. И уже в ту ночь его не покидала гнетущая тоска.

Перед ним прошла царская ссылка с умными людьми, заточенными в холод и мрак; вспомнились умные споры и умные книги. Спорил сам с какими-то людьми и особенно с одним старичком с лучистыми глазами, напоминающим члена следственной комиссии.

Старичок приходил в длинном кафтане, закрывал колена полами его, садился у дверей, напротив заключенного, и ждал, когда первым заговорит заключенный. С ним приятно было разговаривать, ибо всегда он говорил о чем-то далеком и отвлеченном, точно рассказывал сказки.

Однажды пришел он с огромной книгой и карандашом, уселся у двери и раскрыл книгу.

— Это ты? — спросил заключенный, со стоном поднимаясь с пола. — Ну, поговорим.

— Я пришел исправить тебя, — ответил старичок, — а может быть, и спасти. Я пришел к тебе последний раз.

— Что ты хочешь исправить во мне?

— Дурные помыслы...

Заклученный улыбнулся:

— А был ли ты со своим предложением у моих тюремщиков?

Старичок склонился к книге, и его карандаш быстро забегал по листам бумаги.

— Ты что записываешь?

— Я записал, что ты питаешь смертельную злобу к таким же людям, как ты... Братство, равенство и свобода настанут тогда, когда все

люди будут любить друг друга, — и это придет путем эволюции. А ты наполнил мир злобой, местью и кровью... Вот что я записал.

— Ага! — воскликнул заключенный. — Теперь я знаю, кто ты. Ты переодетый поп и пришел напутствовать меня к смерти. Ты и сказал, что пришел в последний раз... Пошел вон!..

— Нет, я не поп, — спокойно ответил старичок. — Но разве ты не знаешь, что взявший меч от меча и погибнет?..

— Я не слушаю твои бредни!..

— Мир устраивается миром, — продолжал тот невозмутимо. — Борьба родит чванливых победителей и пресмыкающихся побежденных, а поэтому равенства мы тут не будем искать.

— Да мы и не ищем его. Откуда ты взял, чтобы было равенство при диктатуре одного класса?.. Может быть, о равенстве говорят белые, так вот и говори с ними, — захохотал заключенный.

— Я тех ненавижу, — ответил строго старичок. — Личные вождения и культ рабства делают их вреднейшими животными на земле. В рабстве нет равенства, а в индивидуализме нет свободы.

— А большевиков любишь?

— Большевики — апостолы прекраснейших идеалов человечества!

— Здорово сказано!..

— Но ты уже забыл, что пути ваши кровавы, злобны и мстительны... Почему вы не следуете к своим целям путем мира и любви?..

Заклученный подошел к старичку, присел против него на пол и заговорил:

— Ты интересно сегодня говоришь... Пстой, я отвечу тебе что-то... Почему не ищем пути мира и любви?.. Правда, не ищем. Мы искали, но теперь не ищем, потому что пути эти — одна блажь. Ты знаешь французские революции с ихними декларациями прав человека и гражданина, с коммунами, вообще с ихними человеколюбиями и милосердиями? Или наши восстания и революции? Все революции были направлены: путем мира и любви, а что получилось из них? Наши враги были умнее нас. Они хорошо знали, что о любви к рабу можно говорить — только говорить! — и только тогда, когда раб безопасен. А когда он восставал, на него обрушивались с жестокой беспощадностью. И они разбивали милосердие революции жестокостью, декларации — приказами поголовного расстрела вплоть до детей... Нет, старичок, мы научены горьким опытом и сладким речам твоим уж не поверим... Нам, старичок, нельзя быть теперь некровавыми, нельзя быть незлобными, нельзя быть немстительными! Так и запиши в свою книгу: большевики неисправимы, они ненавидят смертной ненавистью своих врагов...

Но старичок ничего не записал в книгу. Он поставил на нее локти,

склонил голову на ладони и смотрел в глаза заключенного, пронизывая острым проникновением. И так, не изменяя позы, спросил тихо и проникновенно:

— А что, если бы тебя выпустили сейчас из тюрьмы и позволили жить легально — что бы ты стал делать?

— Что делать? — подумал заключенный вслух. — На это, пожалуй, не стоит и отвечать.

— Почему?..

— Потому что такого чуда не может случиться. Тюремщики наши, как я говорил, умны и жестоки: они не выпускают.

— Ну, представь, что такое чудо могло бы случиться.

— Могло бы? — улыбнулся заключенный. — Ну, тогда я вернулся бы в свою организацию, снова перешел бы на нелегальное положение и начал работать... У меня не может быть другой жизни: я борюсь за торжество социализма...

— Но тебя поймали бы вновь и расстреляли.

— Пусть...

— А твои дети, твоя жена, твоя мать?

— Не смей говорить о семье, — сказал строго заключенный.

Он быстро вскочил с пола, нахмурился и отошел к оконцу. А старичок точно не заметил этого и говорил:

— Дело большевиков не изменится без тебя. Твои товарищи и теперь ведут работу так же, как если бы ты был на свободе. Ты и не винтик и не пылинка в деле.

— Я — коллектив...

— Постой! Ты из-за глупого самомнения пойдешь со смехом на расстрел... Но знай: ты — то удобрение, на котором расцветают вожди!.. Они сильны пролитой вами кровью... Среди них есть и гениальные, и умные, и честные, но есть и самолюбывые и даже карьеристы... Неужели...

— Замолчи, старик... — крикнул у окна заключенный. — Ты нахален!.. Ты лжешь!..

— Нет, я не говорю лжи, — сказал старичок. — Если не веришь мне — дело тебе... Но я еще хочу спросить тебя: неужели и ты не хочешь свободы? У тебя такой вид, точно ты обрек себя смерти, точно ты едешь к ней, как жених к невесте!.. Неужели тебе не нужна жизнь?..

— Жизни — нет... — помолчав, угрюмо ответил заключенный. — Много будет чести моим палачам, если увидят они, что я люблю жизнь!.. Я ненавижу их и ненавижу ту жизнь, которую они дадут мне... Слышишь, старик!.. Пусть моя кровь будет отравой им...

— Так, так... А жизнь-то прекрасна!.. Жизнь человека — это вся вселенная!.. Умиравшие глотают последние дыхания, как бесценнейший дар природы: в каждом дыхании обнажена прекраснейшая гармония лучезар-

ного духа. Все мертвецы всех времен не стоят и одного крика петуха. Тягчайшие страдания, развернутые на миллионы лет, — величайшее благо в сравнении со смертью. Все люди любят жизнь, даже проклиная ее, и поют ей торжественные гимны и тогда, когда площадно бранят ее... Разве этого не знаешь ты?

— Знаю, — ответил заключенный, — но тогда какие же мы будем, черт возьми, апостолы прекрасных идеалов, если будем дрожать, как всякий раб-мещанин, за свое существование!..

— Так, так! — беспокойно задвигался старичок. — А я еще вот что хочу сказать. Наша земля живет миллионы лет. Нам известно, что у некоторых древних народов были высокие культуры, может быть, был пар и даже электричество, но все это погибло вследствие каких-то стихийных катастроф. Но вот земля снова зацветает, снова появляется на ней человек и снова повторяет путь своего предшественника... Теперь человек дошел до воздухоплавания и радио, и еще открывает кладовые драгоценнейших чудес природы. В конце концов, человек станет, подобно библейскому богу, творить чудеса. Но представь, что и для этого человечества настанет час катастрофы и оно погибнет со своей культурой, не оставив никакого признака своего бытия.

— Я не понимаю, к чему ты рассказываешь эти сказки, старик?

— Я говорю это для того, чтобы убедить тебя, как мизерны войны, нашествия иноплемеников, революции и другие человеческие деяния в сравнении с этим космическим масштабом... Теперь вот и подумай, что представляет «сам подобный библейскому богу» человек во всем этом... Ничего!.. Так не лучше ли примириться человеку с человеком и пользоваться обоим в их мизерно короткой жизни благами природы, чем враждовать между собою ради нуля — смерти!.. Ты понял меня?..

— Да.

— Что ты скажешь на это?

— Скажу, что ты дурак с твоей рабовладельческой философией.

— Вот как!.. — воскликнул старичок, теряясь.

— Да. А ты понимаешь ли то, что, чтобы пользоваться благами природы, надо прежде устроить так, чтобы природа была в равенстве с человеком?!

— Вот как! — опять воскликнул старичок.

— Именно — в равенстве! — повторил заключенный. — Уж не раб ли это ездит в Италию, в Индию, в разные страны света наслаждаться невиданными чудесами земли и человеческого творчества!.. Ха-ха!.. У тебя у самого, старик, вредные мысли, которые следует занести в твою книгу...

— Ты не развит! — сердито сказал старичок.

Он захлопнул книгу, встал и завернулся в свой длинный кафтан.

— Ты не развит! — еще сказал он. — Твой ум не знает философии...
Твой ум занят брюхом и любовью к слишком близкому...

— Верно! — ответил заключенный. — Это первая задача в нашей большевистской философии.

Старичок поднял ворот кафтана, закутав все лицо, и с книгой под мышкой пошел к дверям.

Заключенный заметил, что в глазах его стояло раздражение.

— Ты уходишь? — спросил он. — Ну, прощай, не поминай злом.

Но старичок задержался на минуту у дверей. Он обернулся к заключенному и сказал, наполняя камеру мраком и прячась в нем:

— Впрочем, все, что было сейчас, все это — твой бред...

Заключенный засмеялся:

— Мы в бреду ковали свою силу!..

— Я говорю: мираж перед тобой прошел, сон!.. — воскликнул старик.

— Мы росли в мираже зловоний и проклятых снов!..

— Ты безумен, несчастный! — уже крикнул в приливе гнева старик.

— Безумству храбрых поем мы песню! — крикнул и заключенный...

Он подождал, что еще скажет старичок. Но того уже не было в камере.

Молчала тюрьма, молчала и ночь. Крупные звезды смотрели в оконце камеры, факелами дымили заводские трубы.

Заключенный уже не хотел спать, он стоял у оконца и слушал покойную тишину. Уже забылся бред — осталось от него что-то бело-туманное, и он думал о том, что у него болит голова и что холодно в камере.

Перед утром он услышал шаги в коридоре. Шло несколько человек. Шаги замерли у его камеры. Кто-то открыл замок; открылась дверь, и в камеру вошли со свечой два солдата и офицер.

— Он не спит, — сказал офицер грубым голосом.

— Не спит, — ответили ему.

Тогда офицер приблизился к заключенному и сказал ему все так же грубо:

— Пойдем.

— Куда? — спросил заключенный.

Но он тут же понял, куда поведут его. И, наступая на офицера, он сказал, чеканя слова:

— Я давно готов!..

Два солдата трянули ружьями, став по бокам заключенного.

— Выводи! — скомандовал офицер.

Гроыхая сапогами по коридору, а потом по лестнице, солдаты вели заключенного в тюремный двор. Там их ждали еще несколько солдат. Подошел офицер и отдал приказ:

— На новое кладбище... Шагом марш!..

Тишина лежала над тюрьмой, над городом, над землей...

С грозным молчанием шел среди солдат человек без имени.

1921

Н. ЯНОВСКИЙ

ОБ АВТОРЕ РАССКАЗА „БЕЗ ИМЕНИ“

Однажды Александр Павлович Квятковский, автор теперь широко известного «Поэтического словаря», спросил меня, знакомо ли мне, сибиряку, имя писателя Степана Исакова, талантливого прозаика десятых годов?

— Могу подарить уникальное издание, — продолжал он, — однодневное приложение к газете «Красный Алтай» — «1-е Мая», выпуск барнаульского Лито в 1921 году. Здесь, кстати, и мои стихи — я ведь начинал свою литературную работу в Барнауле. Но главное — здесь же впервые опубликован отличный рассказ Степана Исакова «Без имени».

Я ответил, что имя Исакова мне известно по журналу «Сибирский рассвет», который издавался в 1919 году, да еще по рассказу «Там, в горных долинах», вышедшему отдельным изданием в 1918 году и тоже в Барнауле. А о рассказе «Без имени» слышу впервые.

Вполне естественно, что я его тут же прочитал и убедился: это действительно произведение яркое, глубокое и подлинно реалистическое. С этого момента я, как литературовед, «заболел» Степаном Исаковым.

Но к этому времени не один я заинтересовался творчеством Исакова. Г. П. Раппопорт, журналист и краевед, выпустил книгу «Страницы литературного прошлого Алтая» (Барнаул, 1958), где была статья о Степане Исакове. Кроме того, он сообщил мне, что жена Степана Ильича жива и у нее много неопубликованных рукописей писателя. Их трудно прочитать — рукописи пожелтели и поистерлись от времени, но он работает над ними и намерен подготовить «Избранные сочинения» Ст. Исакова.

Что-то, видимо, помешало Григорию Павловичу осуществить этот замысел, и после его смерти в 1966 году рукописи Ст. Исакова попали ко мне. Выяснилось, что жена Степана Ильича умерла, а ее сестра Е. Семенова продолжает хранить бумаги писателя так же бережно, как это делала его жена. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить ей глубокую благодарность от лица ценителей литературы и патриотов Сибири. Почти полвека хранился архив Ст. Исакова! Это немалый срок для самого жестокого испытания — испытания временем. Когда я получил доступ к архиву писателя, разобрался в нем, прочитал все рукописи, то пришел к неопровержимому выводу: до сих пор мы, по существу, не знали истинного творческого лица этого писателя, лучшие произведения которого и сегодня сохранили свою литературную и историческую значимость.

Степан Ильич Исаков родился 28 октября (по старому стилю) 1884 года в селе Волчиха Сладгородского уезда Алтайской губернии в семье крестьянина. Окончив

двухклассную школу, он много занимался самообразованием, читал, пытался писать рассказы и очерки; со временем стал сельским писарем, потом помощником волостного писаря в селе Малый Башелак Бийского уезда. В 1912 году в барнаульскую газету «Жизнь Алтая» он послал небольшой рассказ «По ягоды» с подзаголовком «Из силуэтов Алтая», вызвавший восторг у редактора газеты Г. Д. Гребенщикова. Рассказ был опубликован в газете 7 октября 1912 года. Так началась систематическая литературная работа Ст. Исакова.

В 1913 году Степан Ильич приезжает в Барнаул и работает в газете «Жизнь Алтая» как профессиональный журналист. Однако начавшаяся в августе 1914 года империалистическая война, мобилизация в армию разрушили все его творческие планы.

Мы сейчас не располагаем проверенными данными о том, как встретил Ст. Исаков Октябрьскую революцию. Зато точно известно, что в 1920 году писатель работал в большевистской печати. И не случайно в рассказе «Без имени», опубликованном в 1921 году, его положительный герой, коммунист, приговоренный врагами к расстрелу, с гордо поднятой головой заявляет: «У меня нет и не может быть другой жизни: я борюсь за торжество социализма!»

Последние годы жизни Ст. Исакова — с 1917 по 1921 — являются самыми плодотворными, если судить по тем произведениям, которые опубликованы, и особенно по тем, которые сохранились в рукописях и почти полвека пролежали в личных архивах. В 1917 году писатель окончил повесть «Деревня» (из нее в газете опубликовано лишь два небольших отрывка), в 1918 году — рассказы «Мать», «Оскудевшие», «Край обездоленный», в 1920 завершил пьесу «Восстание», а в 1920—1921 гг. усиленно работал над повестью «Голгофа» (сохранились два черновика объемом более ста страниц). И все это наряду с тем, что Ст. Исаков печатал в новониколаевской, красноярской и барнаульской газетах, в журнале «Сибирский рассвет», который он активно организовывал и редактировал. Об особенностях, характере и направлении журнала в условиях колчаковской цензуры довольно подробно рассказал Ю. Постнов в статье «Из истории литературной жизни Сибири в период Октябрьской революции и гражданской войны». В ней он обоснованно утверждает: «Если все же журнал заслуживает нашего внимания, то прежде всего потому, что на его страницах появились такие произведения, в которых — хотя и в ограниченных масштабах — находили выражение живые силы народа, не смирившегося с колчаковщиной».

В царской армии Ст. Исаков окончательно подорвал свое и без того не слишком крепкое здоровье, а тут еще свалилось тяжелое горе — в мае 1918 года умерла жена, а в 1920 году в деревне один за другим от воспаления легких погибли два сына. К весне 1921 года его болезненное состояние (туберкулез) стало столь очевидным, что потребовался срочный выезд в Крым. Степан Ильич выехал, но до места не добрался. В Москве он слег и умер 19 августа 1921 года.

Но в последние месяцы жизни Ст. Исаков создает произведения, которые являются бесспорным свидетельством его перехода на прочные большевистские позиции. К ним относится и публикуемый здесь рассказ «Без имени». В рассказе есть свои прямолинейности, обусловленные временем, но самое важное — есть в нем определенная позиция автора, тонко чувствующего и хорошо передающего течение мысли приговоренного к смерти и не сдающегося коммуниста ленинской гвардии. И уже по этому одному произведению видно: Степан Исаков быстро созрел как один из талантливых зачинателей советской литературы Сибири. Лучшее из того, что он написал, должно быть восстановлено в памяти советских людей.

Николай ДВОРЦОВ

НУЖНЫ ЭНТУЗИАСТЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

«...Нужны талантливые, неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты.

К таким людям я отношу прежде всего (...) М. А. Лисавенко — одного из самых серьезных селекционеров-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело».

И. В. Мичурин.

О Лисавенко я услышал почти сразу по приезде на Алтай — в 1947 году.

О нем просто нельзя было не услышать. Как только дело касалось вопросов сибирского садоводства, проблем его развития — неизменно, будто само собой, всплывало это имя. Газеты и радио говорили о нем, и сам он нередко выступал со статьями и беседами.

...В самом начале пятидесятых годов я работал в редакции краевого радиовещания, и мне часто приходилось присутствовать на совещаниях работников сельского хозяйства. На одном из таких совещаний и довелось мне впервые увидеть Лисавенко и познакомиться с ним.

Ему предоставили слово под самый конец. После большого доклада и многочисленных жарких прений о том, что стране все еще не хватает хлеба, мяса, молока и что нужно напрячь все усилия, удвоить и

утроить их — выступление Михаила Афанасьевича о развитии садоводства казалось сказкой, прямо-таки блажью, если бы... если бы не выставка в фойе. Там в перерывах около длинного ряда столов была труднопровивная толчея, но я, улучив момент, все-таки пробился.

Выставка, как мне тогда показалось, была оформлена с большим вкусом, эффектно. С пурпуровыми ранетками соседствовали более крупные яблочки, затем совсем уже «настоящие» яркие, заманчивые. Они невольно напомнили мне детство в степном Заволжье. В нашем большом селе было всего несколько кулацких садов, и вот такие же крупные яркие яблоки дразнили наш ребятишечий аппетит из-за деревянных заборов, по верху которых для «надежности» была протянута еще колючая проволока.

Чтение этикеток под экспонатами убеждало меня только в одном — в делах садоводства я совершеннейший профан. Ранетка пурпурная, Анисик омский, Ермак, Пелин шафранный — все эти названия сортов ровным счетом ничего мне не говорили, никак не объясняли таинственного волшебства сибирских садоводов. Почему, допустим, большие, «настоящие», яблоки растут и на моей родине, в Заволжье, и здесь, в Сибири? В чем же тогда особенность сибирского садоводства?

Мне ничего не оставалось, как прислушиваться к тому, что говорят вокруг производственники.

— Смотри, это — яблоко! Стелющая... К земле пригнутая.

— А это вот в открытую растет. Тоже ничего. Приличное.

— Да что там! Все — забава детская...

— Конечно! Три дерева под укрытием... Ну, десяток... Самим на пробу, а другим на погляд.

Михайлу Афанасьевичу подобные настроения были, похоже, хорошо известны — свое выступление он посвятил, в основном, развитию так называемого товарного садоводства, сказал, какая площадь в крае занята под садами, перечислил колхозы, совхозы, школы, отдельных энтузиастов. Слушая его, мне невольно думалось: «И чего только производственники сомневаются?»

— Вот Федор Митрофанович одним из первых обзавелся садом. Он может сказать о доходах... — Михаил Афанасьевич повернулся к членам президиума, среди которых сидел прославленный председатель Ф. М. Гринько.

Тогда бросил в зал довольно внушительную цифру и, приподнявшись, добавил:

— Дело не только в доходах. Ведь яблоки, товарищи! Яблоки и даже виноград! Наша матушка Сибирь-то, выходит, на юг подвинулась. Или юг — к нам.

В зале зааплодировали.

Секретарь крайкома партии, подводя итоги совещания, помимо прочего, сказал:

— Атомную бомбу сделали. Смогли. А вырастить яблоко или огурец не можем, что ли? Можем! Только захотеть надо. За-хо-теть!

На этом совещании меня при удобном случае представили Михаилу Афанасьевичу. Старший товарищ по работе сказал, что вот, мол, трудится у нас, познакомьтесь. Михаил Афанасьевич, похоже, привычный к общению с людьми, запросто подал руку, сказал несколько положенных в таких случаях фраз. Я же растерялся, а, придя несколько в себя, все посматривал исподтишка на Михаила Афанасьевича, стараясь заметить в его облике такое, что отличает его от всех нас, простых смертных. Но ничего, кажется, не находилось. Никакого фанатизма во взгляде, никакой «гениальной» сбивчивости в речи, как следствия большого напора мыслей. Обыкновенный пожилой, полнеющий человек. Пластичность в чертах лица, в движениях, добрая улыбка, дополненная поблескиванием стекол очков, придавали ему какую-то «чеховскую» интеллигентность.

Вскоре я ушел на другую работу, и первое знакомство с Михаилом Афанасьевичем осталось не закрепленным. Но мой интерес к нему не пропал, тем более, что дело садоводства на Алтае год от года росло, ширилось.

Начитавшись популярных статей и брошюр, я стал наивно полагать, что кое-что схватил, уразумел и этого вполне достаточно, чтобы в своей первой повести как-то сказать о садоводстве. Вышло у меня, конечно, очень примитивно, имя Михаила Афанасьевича там лишь упоминалось, но повесть для детей была издана (много лет спустя я увидел ее в библиотеке Михаила Афанасьевича).

Летом 1958 года, будучи корреспондентом «Учительской газеты», я заинтересовал редакцию деятельностью Михаила Афанасьевича, который к тому времени стал уже академиком ВАСХНИЛ. Мне сказали, что можно дать двести строк — на большее нет газетной площади.

Получив от Михаила Афанасьевича по телефону согласие на встречу, я, чтобы не оказаться в положении голого короля, снова усиленно «подковывал» себя в вопросах садоводства, но утром, отправляясь на станцию, все равно чувствовал себя не очень уверенно, все думал, как и с чего начать мне интервью.

Михаил Афанасьевич, поднявшись за старомодным столом с точеными ножками, подал руку и показал на такое же старомодное, как стол, кресло, которое оказалось очень уютным. Пока я мысленно при-

водил в порядок заготовленные по дороге фразы, Михаил Афанасьевич заговорил о нашей молодой алтайской литературе, спросил, как я нахожу «Чуйские зори» Александра Демченко.

Так я сразу оказался в родной стихии.

Вскоре стало ясно, что с этим человеком нет нужды мудрствовать, показывать себя более сведущим, чем ты есть на самом деле. Тут нужна откровенность. (Теперь я понимаю, что этот путь был мне тактично подсказан, а тогда мне казалось, что я сам выбрал его по сложившейся ситуации).

...Я воспрянул, когда после долгих копаний в нижних ящиках стола нашел, наконец, тот блокнот. На тебя, старина, вся надежда. Выручай! Беседовали тогда часа три, не меньше. Помогли все восстановить. А время не пощадило и тебя — карандашные записи стали едва приметными, бумага взялась желтыми пятнами.

Главное в деятельности. Просто. Доходчиво.

Это, похоже, я поставил такой вопрос. А что же говорил Михаил Афанасьевич?

«Главного много, смотря откуда начать. Вера и Любовь кажутся архаичными, ими пренебрегают, даже будто стыдятся. А ведь Любовь и Призвание — пожалуй, синонимы. Да, да... А Вера? Киреевский считал, что вера есть не столько знание истины, сколько преданность ей, вере. Попахивает идеализмом? Немного есть. Согласен. Однако в лучшем понимании. Без преданности вере, то есть идее, многого не достигнешь. Ну, а истина достигается трудом, деятельностью.

Это, так сказать, одна сторона главного. А другая — учение Мичурина. Найти интересное в природе и добавлением новой «крови», воспитанием добиться желаемого — зимостойкости, урожайности, вкусовых качеств, устойчивости к болезням. «Варяги», всякие южане в чистом виде положительных результатов, как правило, не дают. На этом многие обжигались, хотя до революции и в первые годы советской власти сибирскими опытниками было сделано немало.

Моя и многих других задача состояла в том, чтобы двинуть садоводство вперед, сделать его общедоступным, массовым. Коллективизация открыла для этого большие возможности. Требовались только перспективные сорта и большая организаторская работа».

На этом запись обрывается. С досадой думаю о том, что, похоже, попался на память. Или, возможно, так увлекся беседой, что забыл о блокноте...

Перевернув листок, нахожу перечисление школ, юннатских станций. «Васильченко»... Кто такой Васильченко? Да это же Григорий Владимирович!..

Дом крестьянина А. Д. Зырянова, где жил Владимир Ильич Ленин в первый год ссылки. Ныне здесь Дом-музей В. И. Ленина.

В ШУШЕНСКОМ

Шушенское — в прошлом глухое сибирское село, в шестистах километрах от железной дороги, место ссылки Владимира Ильича Ленина в 1897—1900 годах.

Накануне ленинского юбилея в этом селе, ныне центре крупного процветающего района Красноярского края, побывал алтайский мастер художественной фотографии Н. Н. Калинин. Мы публикуем его цветные фотографии памятных ленинских мест.

Песчаная горка вблизи Шушенского — любимое место прогулок
Владимира Ильича.

Будто от яркой вспышки в памяти все проясняется, все становится на свое место.

Одиннадцать лет назад Григорий Владимирович не был кандидатом сельскохозяйственных наук, не считался видным специалистом, не работал над докторской...

Одиннадцать лет назад Васильченко показался мне совсем юным, по-девичьи застенчивым. (От этого «порока» он, кажется, не избавился и теперь).

Извинившись за вторжение, он сказал тогда, что пришла экскурсия — преподаватели биологии.

— Вот вам и карты в руки, Григорий Владимирович. Займитесь. В питомнике ознакомьте с агротехникой. И приемы прививки как следует покажите. Походить, посмотреть — одно, а научиться конкретно му — совсем иное.

— У них желание встретиться с вами. Там фотограф...

Михаил Афанасьевич поднял на меня глаза. За напускной строгостью я не сразу уловил лукавинку.

— Вы подстроили?

— Виноват. Связь с жизнью, так сказать...

— В таком случае спускаемся со второго этажа... в народ.

Часа через два мы снова сидели за старомодным столом. Теперь беседа все больше напоминала реку, которая, освободившись от каменистых, стесняющих ее берегов, спокойно разлилась вширь.

Михаил Афанасьевич рассказал, как еще гимназистом приобщился в Красноярске к знаменитой Юдинской библиотеке.

— Женщина там оказалась добрейшая. Прямо-таки потворствовала моему аппетиту. Дошло до того, что в день по книжке глотал. Математику из-за этого запустил. До «Капитала» добрался. Всего, конечно, не понял, но суть схватил. И суть эта потрясла.

Раньше и теперь Михаил Афанасьевич, разговаривая, то и дело поглядывал вправо — в широкое окно. А тут он вовсе поднялся и, неспешно пройдя по кабинету, остановился у окна и, будто приглашая, взглянул на меня.

Я тоже встал и подошел к окну.

День, яркий с утра, теперь прикрытый легкой хмарью, пообмяк, пригас, стал задумчивым. Древняя Обь расплеснулась вширь и вдаль. Где-то ее оттеняли светлые пески, где-то — зеленые фонтаны деревьев, шапки стожков, какие-то редкие и непонятные строения. А еще дальше — все, размытое легкой дымкой, слилось с горизонтом. И как могучий аккорд, как противопоставление этой дремотной, грусти — буйство цветов под самым окном. Серебристая стена курайской ивы, стежки песчаных дорожек и — взрыв красок, невообразимый взрыв!..

— Волшебство Зинаиды Ивановны... Розы. Второе цветение...

— Как, разве они два раза?

Мое невежество, кажется, несколько смутило Михаила Афанасьевича, но затем на его добром лице появилось выражение извиняющей снисходительности.

— Вот так-то в наш двадцатый век... — Михаил Афанасьевич, кляхаясь от смеха; вспомнил карикатуру в «Крокодиле»: — Как, говорит, растут кабачки — понятно. А вот как они икру мечут?

Посерьезнев, он, все более и более вдохновляясь, заговорил о взаимосвязи природы и человека.

— Природа делает человека добрей, бесхитростней. Она, матушка, обновляет, обогащает и вдохновляет. А мы? Помните, у Льва Николаевича в «Воскресенье»? Самое начало. Люди, собравшись в одно место, всячески стараются изуродовать землю. Чтобы ничего не росло, они забивают ее камнями, дымят каменным углем и нефтью... В продолжение мысли Льва Николаевича можно сказать, что с тех пор куда как усовершенствовались способы истребления... Порой это переходит границы всякого благоразумия, становится преступлением.

Закончил Михаил Афанасьевич тем, что посоветовал обзавестись садом.

— Не пожалеете. Помимо всего прочего, жизнь продлите. Это ведь тоже, кажется, немаловажно... А места за Ересной подходящие. Земля неплохая. Бором прикрыта.

Я сказал, что для занятия садоводством надо иметь хоть какие-то познания.

— Все придет, когда начнете заниматься. А знаете, какая радость — вырастить собственными руками? Такое надо вкусить. Непременно!

Михаил Афанасьевич вернулся к столу, взял с полки книгу и, что-то быстро написав на ней, подал мне.

— Вот для начала. Кое-что почерпнете.

— «По мичуринскому пути», — прочитал я название книги.

На форзаце Михаил Афанасьевич написал: «...в знак памяти и уважения от автора М. Лисавенко. 14 июля 1958».

2

И опять тот старомодный стол на точеных ножках, кресло, пальто на вешалке, книги — на полках, книги — в углу на подстеленной бумаге...

Только комната иная. Она значительно меньше той, в которой мы тогда беседовали. И единственное окно смотрит в сад. А реки отсюда совсем не видно.

Но об этом порой невольно забываешь. И тогда кажется, что Ми-

хаил Афанасьевич где-то здесь, поблизости, и он вот-вот вернется.

А он уже не вернется...

Нежданно, ошеломляюще пробил тот последний час... Пробыл летним воскресным утром. Он мог бы долго еще не бить, но пробил.

Осталось его огромное дело и люди, которые делили с ним невзгоды и радости больших открытий на пути длиною в десять, двадцать, а то и все тридцать лет — почти от самого начала обоснования в Татанакском логу.

И вот еще папки с бумагами — живые следы его большой деятельности. Документы в идеальном порядке, все подобрано, представлены даты, фамилии, адреса... Выходит, Михаил Афанасьевич смотрел на все трезво, без иллюзий, чувствовал, что тот последний час не за горами, и он спокойно готовился к нему, хотел и после смерти помогать живым.

Мне досадно от того, что я, все понимая, откладывал за недосугом встречи, надеялся, что будет еще время. А его вот не оказалось... Надо было, не раздумывая, все бросить и поехать к нему, сделать встречи системой, сидеть с ним в кабинете, дома, в его любимой беседке над Обью, слушать, во все вникать, все замечать...

В первые встречи Михаил Афанасьевич напомнил мне айсберг — много его на виду, а еще больше скрыто от взгляда. Всю глубину большой души мне и хотелось постичь. Постичь и как можно лучше рассказать...

Теперь вот документы и люди. Люди и документы... Читаю их не спеша, выписываю все, что кажется важным.

...Табель успеваемости Михаила Лисавенко за третий класс Красноярской гимназии.

— К закону божьему пристрастия не имел. И математикой не увлекался... — говорит Зинаида Ивановна Лучник.

В другой раз Зинаида Ивановна приносит фотографию Михаила Афанасьевича с сестрой. Я обрадовался, но, оказывается, преждевременно — сестра Мария умерла раньше Михаила Афанасьевича. Жаль. Так хочется пробраться к истокам, найти начало той тропинки, которая потом вывела Михаила Афанасьевича на большую дорогу...

Снова читаю документы, думаю, сопоставляю...

«Секретарю обкома ВКП(б) Ойротии.

Податель этого письма Михаил Афанасьевич Лисавенко — опытник-садовод из Ачинска. Ряд лет тов. Лисавенко работает над разрешением проблемы северного плодоводства и уже имеет в этом направлении значительные достижения как в научной области, так и в области массовой работы по опытничеству.

Однако Ачинский район не располагает достаточной базой для

дальнейшего развития опытной и производственной работы т. Лисавенко. В частности, там нет подходящих условий для развития ягодного хозяйства, которому, по мнению тов. Лисавенко, предстоит особенно блестящее будущее.

Тов. Лисавенко очень хотел бы работать на Алтае. Здесь он предполагает развернуть на основе мичуринского метода большую опытную работу с дикорастущими ягодниками, придав ей в последующем промышленное значение. Все данные к этому на Алтае имеются.

Редакция считает, что тов. Лисавенко заслуживает полного внимания. Мы вполне уверены, что Вы используете тов. Лисавенко как организатора-опытника; окажете ему необходимую помощь и предоставите все условия для опытной работы.

Ответ. редактор «Крестьянской газеты» — Урицкий.
Редактор «Крестьянской газеты» — «За агротехнику» —
Пантюхов».

На документе дата: 22 декабря 1932 года.

Выходит, в то время Михаилу Афанасьевичу было тридцать пять, и он уже имел «значительные достижения как в научной области, так и в области массовой работы по опытничеству»; то есть уже твердо стоял на дороге своей жизни. Ну, а как все-таки он вышел на нее? Эта мысль не дает покоя.

Снова листаю документы.

...«Дорогой друг, Михаил Афанасьевич!»
Спешно бегу взглядом по строчкам: «Ваша М. Шагинян».

ДИПЛОМ
лауреата Государственной премии
— вторая степень —

Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 26 января 1946 года Лисавенко Михаилу Афанасьевичу...

Закуриваю и встаю. Беру наугад с полки книгу, открываю. «Культурные растения и их дикие сородичи». П. Жуковский. «Дорогому Михаилу Афанасьевичу Лисавенко от автора»...

В длинной шеренге книг по садоводству замечаю «Крестьяне о писателях». Беру и открываю. «Сибирскому кудеснику природы Михаилу Афанасьевичу»...

Все это еще более разжигает желание заглянуть в годы детства и юности Михаила Афанасьевича. Как все-таки и почему?..

Неожиданно вспоминаются слова Михаила Афанасьевича о том, что после окончания Красноярской гимназии он поступил в Томский университет. На какой, интересно, факультет? И когда это было?

Ответ стараюсь найти в документах, но папок так много, а нетерпение мое так велико, что я выхожу в коридор, выхожу, сам не зная зачем, просто, похоже, для того, чтобы покурить и подумать.

По лестнице поднимается Надежда Ивановна Кравцева, скромнейшая, седенькая, с веткой крыжовника в руках.

— Вот, как говорится, на ловца и зверь!.. — радуюсь я.

— Это я-то зверь?.. — Надежда Ивановна тихо, как-то очень по-своему улыбается.

Я оправдываюсь и, подталкиваемый нетерпением, поспешно говорю, что мне хочется узнать.

— А вы с Зинаидой Ивановной не беседовали? Она много знает. И в документах должно быть. Михаил Афанасьевич очень аккуратный человек, все сохранял.

Похоже, заметив мое разочарование, Надежда Ивановна предлагает посидеть под старой раскидистой пальмой.

— Учился Михаил Афанасьевич на юридическом, — сообщает она своим обычным тихим голосом. — А вольным слушателем — на историко-филологическом... Да, а Сакуна Константина Николаевича знаете? Учился с Михаилом Афанасьевичем в гимназии. Большие друзья...

Ловлю себя на том, что меня тянет на станцию, которая носит теперь имя академика М. А. Лисавенко. Если летнее утро выдается погожим, нет сил справиться с собой, какие бы ни были дела — откладываю их.

Миновав ворота, встречаешься с березами и соснами. Кстати, березы растут не только у нас. Есть они и в других странах, в Норвегии, например, береза называется «бьёрк». Но, кажется, нигде они так не вписываются в природу, так не «звучат» и не потрясают душу, как у нас на Руси.

Вдали сквозь тюль зелени проглядывает двухэтажное здание — ярко-красная крыша, белые стены. Это, так сказать, боевой штаб станции. Там все вершится, оттуда исходит...

Идти туда можно дорогой, обсаженной манчжурским орехом, по сторонам от которой яблоневый сад. А если принять влево — Березовая аллея. Она сумеречна, прохладна, как-то уютна, без торжественности. Слева от нее — сплошь цветы: гладиолусы, белые и фиолетовые султаны дельфиниума, или проще — шпорника, смешались с не менее дивными султанами махровой мальвы всех цветов и оттенков. И тут же, рядом — дендрарий; говорят, один из богатейших в Сибири. -

В прошлый раз, забредя туда, натолкнулся на диковинное дерево:

высокое, мощное, с корой, напоминающей березу, но цвет светло-коричневый с золотистым отливом. Смотрю и глазам не верю — «Черемуха Маака». Уж не оплошка ли, думаю? Кто в Сибири не знает черемухи? Ничего похожего. Сорвал листок и — за разъяснением. Оказывается, есть такая, в лесах Дальнего Востока обитает. И. В. Мичурин не оставил ее без внимания — скрещивал с вишней.

Все это по-своему замечательное, интересное в высшей степени, кажется, сопутствует тому главному, чем я так увлекся. Сопутствует и помогает.

По мере того, как я осиливаю стопы папок с документами, факты накапливаются, порой подавляют, а порой прямо-таки оглушают. А тут еще работники станции:

— Путов приехал. Много лет работал с Лисавенко.

Через день—два — снова предложение побеседовать.

За фактами в меру своего воображения пытаюсь представить Лисавенко, его внешность, характер, его помыслы и устремления.

«В гимназии мы выпускали рукописный журнал «Зарницы», — рассказывает Константин Николаевич Сакун. — Михаил был редактором. Помещал свои рассказы из крестьянской жизни. Стихи кропал. В водевилях Чехова играл. Недурно, кажется, получалось, во всяком случае — увлеченно. Он вообще увлекался... У меня и мысли не было, что Миша посвятит себя садоводству. Писателем станет, ну, там журналистом, а чтобы садоводом — нет, не думал. Да, хотя Миша дружил с Сашей Олониченко. Отец его, кажется Алексей Иванович, был садоводом. Доктор Крутовский тоже увлекался садоводством. Помнится, ребята ездили к нему на Енисей. Я не придавал этому серьезного значения».

Значит, уже в юношеские годы Михаил Афанасьевич отличается широким кругом интересов, жадностью к знаниям и несомненной одаренностью: стихи и рассказы в рукописном журнале, игра в водевилях и безудержное «глотание» книг из Юдинской библиотеки вплоть до «Капитала» К. Маркса.

В отношении же садоводства имеется свидетельство самого Михаила Афанасьевича в автобиографии, написанной, похоже, в самом начале 1937 года. Там он прямо говорит:

«...Могу сказать, что садоводство для меня является своего рода творческим призванием... Я не имел понятия о плодовом дереве и тем не менее любимым моим чтением в детстве была неведомым образом откуда попавшая ко мне старинная книжка безыменного автора «Плодовый сад», начинавшаяся пышным эпиграфом из библии. Эту книжку я читал и перечитывал бесконечное число раз, очевидно, она мне казалась какой-то упоительной сказкой... Любимым моим занятием в детстве было сеять и выращивать»...

Ну, а как же тогда понять то, что Михаил Афанасьевич после окончания гимназии поступил на юридический факультет, а вольным слушателем — на историко-филологический?

Сам Михаил Афанасьевич в автобиографии, на которую я уже ссылался, вскользь объясняет это тем, что он предполагал «дать себе широкую общеобразовательную подготовку». Других свидетельств, поясняющих важный шаг молодого Лисавенко, нет. Можно только предположить, что решающее слово при выборе Михаилом Афанасьевичем жизненной стези оказалось за родителями.

Отец, Афанасий Михайлович Лисавенко, в школе и дня не учился, однако срочную службу в армии отбывал в качестве писаря, а после демобилизации работал лесообъездчиком, потом десятником по лесозаготовкам. Умный, упорный в преодолении трудностей, он, надо полагать, не только остро замечал произвол, беззакония, творимые властью имущими, но с болью и возмущением испытывал их на себе. Это, похоже, и породило радужную мечту — вывести одаренного единственного сына «в люди», сделать его «аблакатом», защитником униженных и оскорбленных. Ради этого он не щадил сил и здоровья. Доводы почитаемого родителя было трудно опровергнуть. Да и чем? Садоводство практичному отцу, да и многим другим, казалось тогда не больше, чем забавой, утехой состоятельных людей. И, покоряясь воле родителя, Михаил Афанасьевич на время приглушил в себе истинное призвание.

В Томский университет Михаил Афанасьевич поступил, когда волны народного гнева опрокинули самодержавие, а громоздкая, веками отлаживаемая машина юриспруденции начала основательно заедать. В октябре же вовсе все поломалось, униженные и оскорбленные взяли власть в свои руки. Открывались все новые и новые просторы деятельности в интересах народа, и Михаил Афанасьевич все чаще стал задумываться о том, что идет он не той дорогой, делает не то главное, что диктуют душа и сердце. Временами хотелось все поломать и начать по-иному. Однако, чтобы нарушить движение по инерции, требовался какой-то толчок. Им оказались неполадки в семейной жизни.

Как-то мой взгляд случайно остановился на портретной раме, прибитой между столом и книжным шкафом. С потемневшей позолотой, широкая увесистая рама, а в ней за стеклом — слегка поблекший портрет ребенка. Не стоило большого труда узнать, что это единственное дитя Михаила Афанасьевича, его сын Афанасий.

Остается неизвестным, когда, что и как сблизило Михаила Афанасьевича с Зинаидой Николаевной Титовской, племянницей садовода В. М. Крутовского. Можно только полагать, что их совместная жизнь складывалась не совсем ладно, а с рождением в 1918 году сына мате-

риальные трудности в семье превратились в причины многих осложнений.

И вот Михаил Афанасьевич уже не студент, а инструктор-практикант Енисейского губсоюза кооперативов. Он не хочет быть обузой для родителей, тем более, что не один. Это ничего, что его определили в Красноярск: есть возможность почаще заглядывать к Олониченко и Крутовскому. А потом?..

В том же 1919 году Лисавенко переводится в Ачинское отделение губсоюза кооперативов. Так именно он хотел с самого начала. Тут, в Ачинске — родители, у них приусадебный участок. Утром, до занятий в конторе, и вечером, после занятий, Михаил Афанасьевич — на участке. Трудится вместе с матерью.

— Наега, чо Михаил-то? Чо случилось, что в земле копаются? Иль не выдался в ученьи? Там ведь голова потребна.

Михаила Афанасьевича не трогают ехидные уколы. Его увлекает земля. Земля — мать всему, если к ней приложить руки, умелые, умные. Земля заряжает верой. Да, да, именно тогда, соприкасаясь с землей, он почувствовал веру, большую, непоколебимую веру. И тогда же понял — это как раз то, чего ему так долго не хватало. Он еще хорошо не знал, как и что, но был убежден в правоте своего большого замысла. Умея мечтать, он видел... сады, сады по всей огромной Сибири. Тайга уступает место садам и паркам с дивными растениями. И от того народ Сибири, облагороженный свободой, он видел иным, счастливым, навсегда согнавшим с лица хмурость, чем-то смахивающим на темпераментных южан. И его уже несколько не страшило то, что для достижения того большого и очень еще далекого он должен начать с самого малого, элементарного. Муж и отец, имеющий за плечами двадцать два года, он должен уподобиться малышу, сажающемуся за букварь.

Оказалось, что Михаил Афанасьевич, внешне спокойный, даже неторопливый, обладает огромным импульсом энергии, огромным упорством и последовательностью. Отправляясь в служебные командировки, он находил время для посещения садоводов (количество этих «чудаков» тогда можно было пересчитать на пальцах). Наиболее ярые из них — А. И. Олониченко и В. М. Крутовский из Красноярска, Э. М. Ковальке из Боготола — впоследствии, несмотря на разницу в годах, станут его закадычными друзьями, охотно отдадут ему все, что сами постигли на собственном многолетнем опыте. Немало получит он и из книг — их в доме становилось все больше и больше, и Михаил Афанасьевич не придает значения тому, что заниматься с ними приходится больше ночами. Уснет дом, а он поднимется, зажжет лампешку... Устав, подойдет к детской кроватке, укроет получше сына, улыбнется:

— Спи, Афоня, спи, дорогой. У тебя все впереди.

И снова за книги.

Зима двадцатого года тянулась невероятно долго. Еще снег, еще столбик термометра, сжавшись, синее где-то около отметки «50», а Михаил Афанасьевич, сжигаемый нетерпением, чертит на бумаге план приусадебного участка, прикидывает так и эдак.

— Ма, с картошкой придется потесниться.

— Потесниться, сынок, не задача. Только ведь когда там да чего... а картошка к осени уж непременно нарастет.

Отец молчит. Похоже, разочарованный тем, что сын не сумел выйти «в люди», он занял выжидательную позицию.

Жена тоже не поддерживает разговора. Ночными бдениями, со своей одержимостью садоводством муж становится все более непонятным ей и далеким. Иное дело, если бы в летах или совсем старик. А то ведь двадцать два года, самое только жить...

Весна, наконец, пришла, и Михаил Афанасьевич вовсе закрутился, совсем не стало хватать времени, и он досадовал, что много его приходится тратить на службу, далекую его интересам.

Тогда, весной 1920 года, он с помощью матери посадил первые яблони, вишни и землянику. Впоследствии, увидя на дереве пять яблочек, он ощутит такую радость, что до конца дней своих не забудет ее, хотя яблочки были совсем немудрящими, дикими сибирскими, но, выращенные собственными руками, они были первой ступенью, на которую он уже прочно встал, которую преодолел, намереваясь подниматься все выше и выше.

...Черный гробик то и дело скрывал зыбкий туман. Михаил Афанасьевич моргнет, коснется пальцами век — неподвижные дорогие черты бледного личика проступят, станут четкими, а секунду спустя — снова зыбкий туман... Да как же это? Как! Давно ли бегал по саду, лепетал... Какая нелепость! Как не придали значения сразу? Надо было в Красноярск. Там Крутовский... Неужели это в самом деле? В самом деле его больше нет и не будет, и он больше не услышит, никогда не услышит его голоса?..

«Миша! Я не могу — все напоминает о нем. Мне надо сменить обстановку. Уезжаю, может быть, временно...» Эту записку он нашел на столе, когда вернулся со службы. А ее уже не было, она уехала... «Может быть, временно»... Да, их связывал только ребенок. А теперь их, кажется, ничто не связывает. Так что скорее всего — совсем...

В эти самые тяжелые дни открывается еще одно превосходное качество матушки земли. Оказывается, она — чудесный бальзам. Земля отвлекает, излечивает душевные раны. Да, и чем тяжелее на сердце у человека, тем больше он должен работать. Только так можно излечиться...

«Сеял и садил я бесконечное количество, и хотя очень многое выбрасывал, все же приусадебный участок становился все более тесным... К тому времени я вел, помимо сортоиспытательной, и чебольшую селекционную работу (в основном, с ягоdnиками), в которой делал много неизбежных ошибок...» (М. А. Лисавенко. Автобиография, 1937 год).

— Здравствуй, товарищ Лисавенко! Здравствуй! — Председатель Ачинского окрисполкома Аверьянов крепко сжал руку Михаила Афанасьевича. — Ну, давай, веди, показывай свою зеленую революцию.

— Да никакой революции пока нет.

— А ты покажи, покажи...

Недавний боец партизанской армии Цетинкина Аверьянов на землю ступал твердо, уверенно, жесты его размашисты. Зиму и лето он в неизменной, истертой до белизны кожаной куртке. Разница только в том, что зимой она застегнута, а летом нараспашку.

Ходили от дерева к дереву, от куста к кусту. Михаил Афанасьевич показывал, пояснял. Аверьянов слушал с непроницаемым лицом. И даже когда хмыкал, в лице ничего не менялось. И нельзя было понять, то ли он одобрял, то ли осуждал.

Вернулись в дом. Мать, Анастасия Алексеевна, предложила чай, поставила на стол тарелку земляники. Аверьянов, положив в рот крупную ягоду, смачно ее сосал.

— Скусно. Это что же, тоже с помощью этой самой... как ее?..

— Нет, тут обошлось без селекции, — поспешил выручить Михаил Афанасьевич. — Давний сорт, народный. Все дело в уходе.

— Скусно. Удобная ягода, всех опережает. Немалую выгоду можно извлечь, если, скажем, обернуть на базар. А что, ведь НЭП?

Михаил Афанасьевич, перебиравший на углу стола какие-то бумаги, оторонело снял очки.

— Товарищ Аверьянов!..

— Значит, на пользу трудящихся и мировой, так сказать, революции? Не ошибся, а?.. В таком разе, Михаил, я твой союзник всецело. Вот моя рука! — Аверьянов встал, обошел стол и подал Михаилу Афанасьевичу руку. — Участок мы тебе прирежем. Ставь перед горсоветом вопрос. Поддержу всецело. Ты его огороди. Это надо. От скота там и баловства всякого. Но ты за ограду не прячься. У тебя большая, прямо всецело огромная задача — нести свои достижения в народные массы!

Михаил Афанасьевич задохнулся от волнения.

— Да я же только об этом... Дело, конечно, не только в достижениях. Достижений еще нет. Или совсем мало. Вот сейчас покажу... Как раз хотел посоветоваться... Вот... Докладная об озеленении нашего го-

рода. Комсомол подхватывает. Голые улицы, пыль. Терпимо ли? Осенью развернем. Весной не успели — навестаем осенью.

— И с этой стороны всецело поддерживаю! — рубанул Аверьянов. — Правильно!

«Вновь Ачинский горсовет расширил мой участок в 1930 году, когда моя работа приобрела некоторую популярность, и я уже располагал общей земельной площадью свыше одного гектара». (М. Лисавенко. Автобиография, 1937 год).

Уже тогда, на первых шагах, Михаил Афанасьевич придает огромное значение пропаганде идей садоводства и озеленения. Это выгодно отличает его от многих предшественников и современников. Копии докладных Ачинскому горсовету, вырезки статей из газет проливают свет на то, как Лисавенко поднимал молодежь и всю общественность на озеленение города, как потом горячо убеждал и доказывал, что деревья и цветы украшают землю, нашу жизнь, они — первые друзья человека, поэтому относиться к ним надо бережно, по-дружески. Посадить дерево еще полдела, куда сложнее сберечь его, выходить, и культура человека во многом определяется его отношением к природе, к своему «зеленому» другу».

Благодаря практическим делам, которые год от года становятся все заметней, авторитет Михаила Афанасьевича растет. Люди тянутся к нему, многие потом принимают его убеждения, становятся «единоверцами», друзьями. Этому, несомненно, способствуют огромная увлеченность Михаила Афанасьевича, его внутренняя наполненность, его обаяние, тактичность, умение найти общий язык и с пионером, комсомольцем, и со старым, едва овладевшим азами грамоты, любителем, и с журналистом, и крупным ученым.

Михаил Афанасьевич много учится самостоятельно, завязывает отношения с мичуринским питомником, получает оттуда саженцы, выступает с проблемной статьей в журнале «Сад и огород».

«Это было первым моим серьезным выступлением в печати с большой ответной статьей «О проблеме сибирского плодоводства», где я, на основе опыта садоводов-опытников, попытался доказать возможность немедленного насаждения совхозно-колхозного садоводства в Сибири». (М. А. Лисавенко. Автобиография, 1937 г.).

Документы, документы...

Тридцатые годы круто меняют судьбу М. А. Лисавенко, из опытного садовода-любителя он превращается в создателя и руководителя первого в Си-

бири научного учреждения по садоводству. Но произошло это не сразу и не просто.

По инициативе «Крестьянской газеты» в 1932 году созывается первое Всесоюзное совещание колхозников-опытников. Михаил Афанасьевич его участник. И не только участник, но и один из докладчиков. Можно предположить, с каким старанием Лисавенко готовился дома сказать слово о перспективах сибирского садоводства и как волновался, когда в Москве поднялся на ответственную трибуну.

Ему было что сказать. Многое уже познал, многое выносил, обдумал и задумал. И сказал он так убедительно, с такой верой и вдохновением, что огромный зал долго аплодировал.

Потом, похоже, как следствие доклада — беседа в кабинете редактора Урицкого. «Крестьянская газета» шефствует над Ойротской автономной областью. Там предполагается создать опорный пункт мичуринского научно-исследовательского института плодоводства. Как он, Михаил Афанасьевич смотрит на то, чтобы возглавить этот пункт, стать его директором?

У Лисавенко в то время нервы были крепкими — умел владеть собой так, что никто из собеседников не заметил, чтобы у него дрогнуло на лице хоть один мускул. Он только попросил разрешения закурить. Затянулся и думал. Наконец-то он развяжет себя со службой. Свобода! Давно желанная свобода! Все время его... А как же участок? Столько сил туда вложено. Столько там дорогого сердцу. Хотя лучшее, самое дорогое можно взять с собой. Да, да, взять и увезти...

Михаил Осипович Пантюхов, бывший моряк, участник штурма Зимнего, переставляя удобнее костыли, сказал, что обольщаться не следует: начинать там придется с «ничего», на голом месте, и весь опорный пункт поначалу — это он сам, один. К тому же не следует забывать — область автономная, там много своего, специфического, сильны традиции...

— Трудности, браток, будут огромные...

Лисавенко не боялся трудностей, он желал их, шел на них с открытым забралом.

Приехав в Ойрот-Туру, он потом не раз вспоминал слова М. О. Пантюхова.

Если в партийных и советских органах к нему отнеслись, в основном, доброжелательно, то в облзу он сразу почувствовал недоверие и затаенное ехидство. Его цели и задачи казались чудачеством или желанием поживиться за счет государства. Соответственно этому «изобрели» должность: никакой там не директор опорного пункта, а опытник-садовод, подчиненный непосредственно облзу. Это давало право помыкать им как вздумается: дескать, мы не легковуры, не проведешь, сам приниковом интересе останешься.

«...облзу не нашло ничего лучшего, чтобы «отвязаться» от меня, как послать на пригородное хозяйство горно в качестве копальщика картошки...» (М. Лисавенко. Автобиография, 1937 г.).

День он держался, а вечером, когда приходил на квартиру, становилось невмоготу. Кругом один и сплошная стена недоверия, непонимания или безразличия.

— А ты не кручинься, Афанасич, не вдруг все, — утешал его хозяин квартиры, пожилой и рассудительный мужчина.

Будто ничего такого не сказал мужик, но легче стало. А когда садились за старый медный самовар и хозяин говорил: «Дабай, мать, погуще, чай — ён кровя разбивает» — Михаил Афанасьевич уже улыбался. Приняв вновь налитую чайную чашку, Лисавенко вдруг напустил на лицо такую гримасу настороженного удивления, что хозяйка, а за ней и хозяин опешили.

Враз согнав все с лица, Михаил Афанасьевич улыбнулся и сказал:

— Вот так и на меня некоторые воззрились... Что, дескать, за явление.

— А ты, Афанасич, шутник, оказывается, — открыл для себя хозяин. — Дак что ты хочешь? В прошлом годе вон алтайцы по суседству расквартировались. Горы на постоянное место городское обменяли. Ну, как все, курами обзавелись. А у нас кочет досужий, на драку заядлый. Так алтайка моей вон жаловалась. Анфиск, говорит, твоя куриный жеребец шибко буйнит. Видал, как!.. Жизнь с наезженной колеи сбилась, в целик пошла. При своем кочевом бытѣ откуда им было знать кочета. А жеребца они испокон веков знали.

Лисавенко от души смеялся.

— И в твоём деле так... — продолжал хозяин. — Тоже испокон веков — кедр, сосна, пихта, лиственница... О яблонях — ни сном, ни духом... Конечно, диковинно... и все такое.

«Только делами, конкретными делами возможно все осилить», — уж который раз твердил себе Михаил Афанасьевич, расхаживая вечером по горнице. Вот когда посмотрят, попробуют на вкус — глядишь, и поверят.

Старики давно похрапывали за переборкой. Глухая ночь дышала легкой прохладой в открытую створку окна. Лишь иногда лениво взбредивали собаки.

Михаил Афанасьевич писал. Мысли рождались так легко, что перо с трудом поспевало за ними. Написал Пантюхову в «Крестьянскую газету», друзьям в Красноярск, в Мичуринск. Потом, закудив, с болью

подумал о своих ачинских питомцах. Мало ли было затрачено сил на то, чтобы выкопать их, упаковать, отправить по железной дороге. В Бийске, сколько он ни метался, что только ни предпринимал — преодолеть стокилометровое расстояние трактором до Ойрот-Туры не смог. Пришлось сеянцы определять на временное жительство в Бийске. И теперь вот, как только оттуда письмо — сердце щемит. Мать стонет — гибнут его любимцы, сохнут. Тринадцать лет — это не так уж мало в жизни человека. Выходит, они, эти тринадцать лет, похерены? Крест поставить на них? Нет. Почему же? Разве знания и опыт, которые он накопил за эти тринадцать лет, погибли, засохли? И не будь их, тех тринадцати лет, разве посильна ему была бы ноша, которую он взвалил на себя?

«Уважаемый! А ты вполне уверен, что сна посильна теперь» — вмешался в его мысли иронический голос. — Следовало ли сниматься из Ачинска? Любитель — сам себе хозяин и судья, больше ни перед кем ответственности не несет. Что сделал, то и ладно»...

В растерянности Лисавенко снимает очки, массирует пальцами веки усталых глаз и отыскивает в бумагах потертую папку. В ней — стопка листов, часть их уже покрыта строчками его легкого, прямо летучего почерка. А на первом листе — «Плоды и ягоды — на север».

С этой работой у него связана затаенная мечта.

Михаил Афанасьевич не относил себя к слепым поклонникам авторитетов. Ему казалось, что авторитет порою напоминает игрушечный шар — его можно окрасить в желаемый, самый броский цвет и до желаемых размеров раздуть, лишь бы только не лопнул (бывает и такое в жизни).

Иное дело — Мичурин, Иван Владимирович Мичурин. Все в нем удивляет, вызывает уважение, доходящее до преклонения. Какие масштабы мышления! Какая прозорливость! Прозорливость и интуиция. Да! Да! Тут нет противоречия. Наоборот, одно дополняет другое. Человек становится великим помимо всего прочего, потому что обладает чем-то подспудным, каким-то особым чувством ориентации в неизвестном, умением находить нужное. Это напоминает проводника, который в крошечной темноте с помощью какого-то особого чутья и не замечаемых другими примет безошибочно находит нужное направление.

Об ученых, художниках часто кричат: «Он гениально предвидел»... А он, может быть, не столько гениально предвидел, сколько полагался на свои чувства, интуицию — качества редкие, дорогие, требующие постоянного воспитания. Вот они-то и выводят на цель.

Михаил Афанасьевич думает о том, что в своих долгих первоначальных научных поисках он напоминал слепого щенка, тыкался куда придется. А сколько бывало — он восторженно радовался. Все, нашел, открыл неоткрытое! А после окажется, что кто-то уже занимался этим,

оставил заметные следы. И чаще всего это был Иван Владимирович. Что говорить — велик он во всех измерениях! Необыкновенный диапазон, необыкновенный организатор. Смел до дерзости, оригинален, но от действительности никогда не отрывался. А что стоит «поворот от ворот», устроенный им в дореволюционные годы сотруднику департамента земледелия США Ф. Мейеру. Только за одно это земной поклон ему. Они там, за океаном, все предусмотрели, все расчетливо продумали, дескать, полнейшее невнимание, пренебрежение — не устоит, тем более, что предлагаем такие условия, которые этому мужику и не снились. Не учли только одного — помимо тупых и бездушных правителей есть народ и матушка Русь. Они-то для Ивана Владимировича превыше всего.

Михаил Афанасьевич скользит взглядом по страницам рукописи, вносит поправки, уточнения. Хотя его Рубикон уже за спиной, эта работа должна стать чем-то решающим. Все, что он говорит, — актуально, необходимо, это задача сегодняшнего времени, его требования. Но его голос пока мало чем отличается от комариного писка. Но если его услышит и поддержит сам Иван Владимирович — это будет уже набат.

Густую темноту кто-то, кажется, усиленно разбавляет белилами. Стекла мутнеют, за ними проступает силуэт черемухи, скворешни на соседской избе.

Михаил Афанасьевич встает, разводит руки, глубоко, с наслаждением вдыхает у окна утреннюю свежесть, откидывает на неказистой железной кровати одеяло, поправляет подушку. Встать надо пораньше, чтобы еще в одном заходе попытаться добить «недобитые вопросы». Ох, сколько их еще недобитых!..

Но прежде чем лечь в постель, он снимает с комода небольшой холст, ставит его к стене, подвигает на угол стола лампу. «Огоньки» горят, жаром горят. Да, кудесник ты, Григорий Иванович, большой кудесник!

О Чорос-Гуркине Михаил Афанасьевич был наслышан давно, читал о его выставках (они пользовались большим успехом), видел отдельные работы. Приехав в Горный Алтай, Лисавенко, конечно, не мог отказать себе в посещении художника, тем более, что Григорий Иванович был единственным человеком, имевшим сад.

Солнечным утром добрался на попутных до Аноса, без труда нашел дом с большими светлыми окнами.

Григорий Иванович был в заношенной ситцевой косоворотке в горошек, лицо небритое, хмурое. Когда Михаил Афанасьевич назвалса, он несколько пообмяк.

— Знаю. Слышал — объявился человек с большим замахом.
Михаил Афанасьевич смутился.

— Замах, Григорий Иванович, еще не дело и не полдела. Может обыкновенным донкихотством обернуться.

Взгляд Гуркина оживился. Он сказал с оттенком ворчливости:

— Не скажи... Для замаху тоже что-то нужно. Если не смелость, то некоторая прыть, что ли. — И пригласил в мастерскую.

Переступив порог, Михаил Афанасьевич прямо-таки задохнулся. Сравнительно небольшая комната вобрала в себя весь огромный край с его неповторимыми снежными вершинами, гремящими реками, тайгой... И не только вобрала...

— Григорий Иванович! Как лучше сказать? Вот человек срывает с глаз другого повязку. Да, срывает и приговаривает: «Ты не видел моего края. Посмотри, какой он чудесный, как расцветен красками!..»

— Какая уж там повязка! Я сам циклопу уподоблен, гляжу на мир одним глазом. — Однако Григорий Иванович польщенно улыбнулся, но сейчас же по лицу его скользнула тень.

Эту тень Михаил Афанасьевич замечал и когда хозяин водил его по саду, и за столом, когда они холодную баранину запивали чаем, заваренным по-алтайски. Казалось, какая-то внутренняя боль не давала покоя.

Гуркин подарил Михаилу Афанасьевичу несколько этюдов.¹

— Вот вам цветы для вдохновения. Ваше смелое дело мне по вкусу. Успехов всяческих!..

...Небольшие мохнатые лошадки упорно карабкались по каменистой тропе. Все выше и выше.

— Спешимся, что ли? Тяжело конягам-то.

— Пошто? — лениво отзывается Михайло Пузанов, приземистый крепкий старик, заросший до самых глаз буйными волосами. — Выдюжат. Не гляди, что неказисты...

С перевала открывается глубокая долина, налитая до краев голубой дымкой. Пихтач на склоне — тоже весь в дымке, но она почему-то синеватая. А вдали, будто сама по себе, без всякой опоры с царственным величием плавает ослепительно белая с розовой подкраской горная вершина в окружении младших собратьев.

Лисавенко выпрыгивает из седла, идет, взявшись за стремя. Ему легко, радостно. Солнце косо бьет из-за спины — трава и кустарник, обильно обрызганные росой, изумрудно сверкают. Небо над горой играет неожиданными переливами красок. С каждой минутой набирает силу ипичья самостоятельность.

¹ В 1958 году М. А. Лисавенко сдал краевому музею несколько этюдов Гуркина в том числе «Огоньки», «Маки», «Лилейник» и др.

Живописные берега реки Шуши. Здесь В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской проводил свободные часы после напряженных трудов.

Памятник В. И. Ленину в Шушенском на площади, носящей имя
великого вождя.

— Красотища-то, а! — Михаил Афанасьевич жадно глотает воздух — чудесный настой цветов, трав и бодрящей свежести.

— Места поглядные. Выше к Телецкому — еще краше. Так что, к Катуню будем прибавиться? Если к облепихе антирес имеешь — там ее море неоглядное. А берут ее заимками. Ломают и трясут на торнице.

— Посмотрим, посмотрим...

Поездка складывалась, как сплошной праздник, сплошные находки и восхищения. По литературе и рассказам он уже был знаком с растительными богатствами Горного Алтая.

«Горный Алтай представляет подлинную сокровищницу дикорастущих ягодных растений. Ягодники Алтая имеют не только местное значение, но, можно сказать, всесоюзное», — писал он в статье «Создадим на Алтае плодово-ягодное садоводство», опубликованной в газете «Звезда Алтая» от 18 февраля 1933 г.

Теперь он убеждался в этом воочию. Какое разнообразие смородины, крыжовника, малины, облепихи! Богатейший исходный материал для селекционной работы. А лук! Алтайки заготавливают его мешками. А цветы! Они тоже должны служить человеку — украшать его жизнь на улицах, площадях, в квартирах. Человек должен жить не только сытно, но и красиво, должен чувствовать прекрасное, наслаждаться им.

Ночевали они под открытым небом.

Языки пламени лижут черные бока чайника. Темнота зыбкой стеною окружила поляну, отчего она кажется таинственной и уютной. Булькает, мелодично позванивает невидимый ручей. Фыркают, насыщаясь, невидимые кони. Едва слышно шепчет что-то кедр, освещенный снизу. Покой, отдохновение в природе и на душе Лисавенко.

Каждое утро в горах улаживает душу и непременно открывает что-то новое, доселе не замеченное или вовсе не бывшее. Да, утро в горах — великое и сложное творение природы! Поэтому как бы Михаил Афанасьевич ни устал с вечера — поднимался рано, когда вокруг еще все окутывал знобкий полумрак, когда река внизу клубилась белым туманом и клочья и нити тумана висели повсюду на прибрежных кустах и деревьях, но небо и вершины гор уже горели золотым пламенем, и тот великий пожар с каждой минутой растекался по склонам, плавил, мешал краски, все преображая...

Ручей неугомонно звенел; прыгал по зеленым камням.

Обнаженный по пояс, Лисавенко приткнул на мокрые ветки куста мягкое вафельное полотенце, бросил в лицо, на грудь, за спину между лопаток пригоршни свежей, прозрачной воды, крякнул от удовольствия и задумался, пораженный настойчивой целеустремленностью и веселым задором ручья.

Поднятужась, он поставил один из скользких замшелых камней на

ребро. Ручей онемел от удивления, шурша по траве, бросился в одну сторону, в другую... Поднакопив силы, проскочил мимо камня и снова, пригибая стебли травы, — туда, вниз, к Катуню. Десятки и сотни таких упорных, целеустремленных. И не будь их, скромных до неприметности, Катунь не ворочала бы камни, не оглашала бы долину мощью своего голоса, а поэты не воспевали бы ее величия, и, глядишь, сам Григорий Иванович Гуркин не отметил бы ее своим вниманием. Да, все большое складывается из малого, на первый взгляд незаметного. Здание, как бы ни возвышалось, как бы ни давило величием и мощью — оно из кирпичей, каждый из которых всего десять фунтов.

Смыв в ручье остатки сна, Михаил Афанасьевич почувствовал нетерпеливую жажду деятельности. Захотелось сейчас же закончить то, что осталось незаконченным вчера. И дальше. Сколько там таится еще неизвестного!

Поначалу он остерегался обильной росы, но, увлекшись, полез в самую гущу зарослей. Сапоги и брезентовая куртка уже не спасали — он был мокрым с ног до головы, мокрыми пальцами листал определитель, записывал что-то в клеенчатую тетрадь, совал между страниц листья растений.

— Э-э-ге-ге-й! Афа-на-сич! Чай поспел! — кричал проводник, когда солнце наполнило долину.

— Иду! — Михаил Афанасьевич с шумом ломился напрямик. В руках — ветка, а на лице — такое выражение, будто он случайно наткнулся на золотой самородок.

Под конец природа, видимо, решила удивить Лисавенко своими возможностями, показать ему, новичку, что она может быть не только безмятежно покойной, благодущной...

Исследовательский аппетит Михаила Афанасьевича рос не по дням, а по часам. Излазив вдоль и поперек какую-нибудь долину, в которой, казалось, с самого сотворения мира, кроме зверья и птицы, никто не бывал, он вдруг показывал проводнику на склон хмурой горы.

— Там должно быть много любопытного. И на северную сторону неплохо бы пробраться.

— Да ты что, Афанасич? Мы же не какие-нибудь гуси-лебеди, чтобы вспорхнуть на крылах. Сам понимаешь, взобраться туда — дело не шутейное. Да и какая надобность? Бог там или еще кто все потребное внизу рассадил. А на верхах — там больше для услаждения глаза, голую унылость прикрывает.

Но Лисавенко был неумолим. Он первым тянул лошадь на едва приметную звериную тропу.

Там, в подоблачных высях, и застигла их вдруг гроза.

Собственно, не вдруг. Еще утром проводник сказал, что погода

должна измениться. Увлеченный своим делом, Михаил Афанасьевич не придавал значения его словам. Он просто не слышал их.

Не придавал он поначалу значения и тому, что парило в тот день намного больше обычного. Трудно дышалось, рубашка, взмокнув, противно липла. К полудню зной достиг изнуряющей силы — все замерло в усталой неподвижности. Смолокко многочисленное семейство пернатых и даже непоседы бурундуки не проявляли своего обычного любопытства.

Проводник, все более беспокоясь, торопил его, говорил — надобно подобру-поздорову скатываться в долину. А он никак не мог понять, что страшного в том, если соберется дождь и даже разыграется гроза. Ну, вымокнут. Что из того? Даже приятно в такую жару. И вообще интересно...

Кони ступали неторопливо, сторожко. Тропа то чуть расширялась, то почти совсем прерывалась. Слева — обрыв: каменная осыпь чередуется с нагромождением ребристых глыб, скал, между которых выставляли зеленые пики ели и сосны. Справа — тоже то осыпь, то нагромождение камней, глыб самой причудливой формы, некоторые из которых держатся там, над головой, каким-то чудом, казалось, в нарушение всех законов механики. И таким же чудом лепится по самым кручам кустарник, березки и хвойные деревья.

Случилось то, чего так опасался проводник: гроза застала их в самом опасном месте.

Действо природы развивалось стремительно и так величественно, что Михаил Афанасьевич и не подумал об опасности, которую несла с собой непогода.

Солнце исчезло, будто его вовсе и не бывало, и краски, только что ярко горевшие вокруг, поблекли, помрачнели. День, полный света, казалось, мгновенно сменился хмурым, тревожным вечером. Наскочил ветер. Сырой и свежий, он яростно толкнул их в спины, а затем, смятая траву и кустарник, ринулся с обрыва, принялся там, внизу, все остервенело гнуть, безжалостно трепать и коверкать.

Из-за горы величественно выплыла иссиня-черная туча. Дыша влагой, тяжело осела, напарываясь на острые гребни гор и вершины деревьев. Молния у них на виду принялась незамедлительно кромсать ее кривыми саблями. Так! Эдак! Так! Эдак! Белые, ослепляющие вспышки. Гулкий, все потрясающий грохот. Стон деревьев. Свист и вой ветра под шумный аккомпанемент ливня...

Туча, разваливаясь, скатывалась дымящими клубами, все укрывая вокруг. И вот уже нет ни гор, ни ущелий, ни леса. Сплошной мрак. Сплошное беснование молний. Сплошной грохот. И гулкие потоки воды.

Только на третьи сутки они прибились к спасительному человеческому жилью — чабанской стоянке. Не раз были на волосок от смерти.

Там, на тропе, в слепом месиве, конь, вконец обессилев, сорвался задними ногами в пропасть. Большие глаза налились диким страхом и мольбой о помощи. Михаил Афанасьевич схватился за повод. Подоспел проводник. Конь, лежа на животе, с выкинутыми передними ногами, задними все скреб, нащупывая опору. Нашел, зацепился за что-то и рванул из последних сил — шатаясь, встал на скользкой тропе...

Домой Михаил Афанасьевич вернулся бодрым, обновленным, с большой любовью в душе к Алтаю. Эта любовь с каждой встречей крепла. Горы звали его во всякое время года. Он не только находил там богатый материал для селекционной работы, но и отдыхал, наслаждаясь дивными по красоте видами рек, озер, заоблачных вершин. Большим удовольствием для него стало фотографирование полюбившихся мест. Снимки «собственного производства» — явное свидетельство незаурядного художественного вкуса их автора — он щедро раздаривал, стараясь тем самым расширить круг поклонников Алтая.

Обратить внимание, показать и доказать, что Горный Алтай — нетронутая кладовая полезного и не всегда еще изученного растительного богатства, — таково горячее и настоятельное желание Михаила Афанасьевича в то время. С этой целью он сразу по возвращении из экспедиции отправляет в журнал «Плодово-овощное хозяйство» статью «Облепиха».

«...Обладая замечательно приятным ананасным ароматом, плоды облепихи превосходны и прямо-таки незаменимы для некоторых видов переработки и хозяйственного использования, например, для киселей и водочных ликеров.

В заключение хотелось бы обратить внимание соответствующих научно-исследовательских организаций на необходимость производства точного и всестороннего анализа плодов и семян облепихи».

«Неиспользованные сокровища», «Ягодники — основа мичуринской работы на Алтае», «Селекция плодово-ягодных растений», «Состояние и задачи садоводства на Алтае», «О развитии колхозного садоводства в Алтайском крае», «Сады Алтая» — это далеко не полный перечень выступлений тех лет М. А. Лисавенко в печати и по радио.

«Мы имеем на Алтае ряд замечательных разновидностей крыжовника, смородины, малины, ежевики и других ягодных кустарников, ценных по своей выносливости и качеству плодов. Наша задача состоит в том, чтобы окультивировать дикие алтайские ягодники, продвинуть их в колхозные и совхозные сады Советского Союза, вывести на основе этого фозы, еще невиданные сорта высокоурожайных и выносливых ягодных кустарников» («Звезда Алтая», 30 июня 1934 года).

Михаил Афанасьевич по натуре скромный, тактичный, лишний раз лезть в глаза не любил. Но он поступался этим правилом, если дело касалось судьбы его любимого детища — садоводства. Однако и тут тактичность не покидала его. Он старался все заранее предусмотреть. Например, ему казалось, что визит начальству лучше наносить с утра. Так легче застать нужного человека на месте, а главное — у того, нужного тебе человека, настроение еще ничем не испорчено, после ночного отдыха его душа напоминает фотопластинку, только что заложенную в аппарат — ничто на ней не успело еще отпечататься.

Руководствуясь такими «принципами», Михаил Афанасьевич и заявился к секретарю обкома П. С. Хабарову. Поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, извлек из кармана часы. Без пяти девять — самый раз.

Открыл дверь приемной — Хабаров, в кепке, с брезентовым дождевиком на руке, прикрывающим обшарпанный портфель, толкует секретарше:

— Я — в Майму, оттуда — в Шебалино... Сегодня уже не буду.

Михаил Афанасьевич поздоровался. Секретарь привычно кивнул и мимо — стремительно в коридор.

Лисавенко растерянно развел руки. Вот тебе и на!..

Дверь тем временем открылась.

— Лисавенко! Как съездил?

— Да хорошо съездил. Очень даже хорошо... — схватился как за спасательный круг Михаил Афанасьевич. — Только тут вот ничего не изменилось. На точке замерзания...

— Как! — Хабаров положил Лисавенко на плечо руку. — Ну-ка пошли. Вот ведь, хотел улизнуть. Ох, и хитрый ты, Лисавенко!.. Знаешь, когда накрыть...

Несколько минут спустя Хабаров говорил в телефонную трубку:

— Ты вот мне скажи, каким должен быть руководящий советский работник? Должен он вдаль смотреть или все время — в землю, под ноги себе? Значит, вдаль? Чтобы видеть будущее? Согласен. Ну, а почему же тогда ты не видишь большого будущего садоводства у нас? Выходит, не смотришь вдаль. Почему тянете с выделением участка? Не жалуетесь, а требует с полным основанием. С жильем тоже нечего медлить. Изба нужна с участком. Лисавенко необходимо экспериментировать. Это и его жилье, и его лаборатория... Создаем, понимаешь, трудность человеку. Да что там землеустроители!..

«...в конце сентября Облисполком купил мне избу на Ленинской улице, № 11, в которой я жил до 1936 года, когда смог позволить себе переехать на место работы — на свой участок. Много пришлось пере-

нести мытарств, пока, наконец, Ойрот-Туринский горсовет вынес в октябре 1933 года краткое постановление: «Для развода садоводства отвести место в Татанаковском логу». (М. Лисавенко, Автобиография, 1937 г.).

Возможно, в истории с отведением участка сыграл свою отрицательную роль психологический фактор. Извечно Татанакровский лог был местом, где паслись коровы горожан. А этому чудаку подай его под сад. Да какой там сад! Вздор! Ему предлагают то и другое, а он толкует о каком-то микроклимате, ни на что не соглашается, знай себе требует коровий выгон. К тому же землеустроители уперлись — толкуют, что горсовет не правомочен отдавать выгон.

Забегая вперед, скажем, что, когда Татанакровский лог неузнаваемо преобразился, зацвел, заблагоухал, заплодоносил, многочисленные экскурсанты и любители упорно допытывались, как и с чего тут все начиналось, и Михаил Афанасьевич с хитрой усмешкой отвечал, что все начиналось с коров. Коровы, будь они неладны, — злейшие враги садоводства. Никаких постановлений и запретов в резон не берут, лезут по укоренившейся привычке, перемахивают канаву...

«Разрешив дело с участком, я закупил в Бийске свыше тысячи привитых яблонь, несколько тысяч дичков (из них пять тысяч были привиты в последующем 1934 году), несколько тысяч кустов малины — на всю сумму, которая оставалась в моем бюджете, и, кроме того, чтобы придать делу более общественный характер и интерес, я приобрел саженцы ряду городских организаций, чтобы одновременно произвести посадку на их приусадебных участках и начать работу по озеленению Ойрот-Туры. Но доставку из Бийска пришлось отложить до весны, несмотря на все мои старания, не удалось достать автомашины для перевозки». (М. Лисавенко, Автобиография, 1937 г.).

Хотя минуло тридцать шесть лет, некоторые старожилы Горно-Алтайска помнят М. А. Лисавенко, когда он жил по улице Ленинской, № 11. Жил будущий академик неустроенно, одевался неказисто — фотографии тех лет запечатлели его в фуфайке, сапогах, а в руках непременно нож или секатор. Родители — в Бийске, он — один в неуютной избе, где на подоконниках и на лавках — ящики со всевозможными сеянцами. Приусадебный участок тоже сплошь засажен. Отсутствие штата только что народившегося опорного пункта научно-исследовательского института плодоводства частично восполняли досужие школьники-добродушники. Они и землю сеяли, отделяли от сорняков, набивали ею посевные ящики и, когда требовалось, выносили эти ящики из избы на воздух.

Михаил Афанасьевич доходчиво толковал детворе, зачем и к чему все делается. Вот, мол, если угодит какая-нибудь грибковая, незаметная глазом болезнь, то и растение заболит, пропадет. Потому земля должна быть свежей, лучше всего, когда она дерновая. И от сорняков всяких, одуванчиков там или даже вот такого малоприметного корневища пырея, вред немалый: разрастется, захапает все питание — слабому ростку из семечка ничего не достанется.

На доверчивость детвора отвечала доверчивостью, откровением. Как-то пятилетняя Маша, соседка, сказала:

— Дядя Миш, а у нашей Клавы человенок родился. Вчера привезли. Махонький-махонький...

— Кто-кто родился?

— Человенок... — не очень уверенно повторила Маша.

— Дядя Миш, вы только ее слушайте. Без соображения плетет что ни попадя... — Школьник Санька укоризненно щелкнул сестренку по носу: — Человенок! Жеребенок!..

— Что ты, Саня? Это же здорово! — Михаил Афанасьевич «земляными» руками подхватил Машу под мышки, поднял: — Ух ты, умница! Вот бы Корней Иванович Чуковский услышал!..

В другой раз ребятишки доложили:

— Дядя Миш, а вон там за Улалушкин дом в четыре окна. Знаете? Ох и ядреная там земляника! Ни у кого такой нет.

— И сладкая! — с восхищением добавил другой.

— Откуда вам такое известно? — хитро прищурился Михаил Афанасьевич.

Ребята смутились.

— Да уж известно...

— Надо будет заглянуть.

— Вы только не скажите...

— Хорошо, не выдам, если не станете больше своевольничать. Люди ведь стараются, сил сколько убивают...

Умел Лисавенко найти общий язык и с молодежью, комсомольцами. Свою мысль о посадке в центре тогдашней Ойрот-Туры сквера Михаил Афанасьевич понес в горком комсомола. Молодежь, комсомольцы строят новые города, дома, шахты... Озеленение родного города — дело теперь немаловажное, нужное. Выступил по радио, в газете. И молодежь, конечно, подхватила горячий порыв садовода.

Весной 1934 года грязная базарная площадь заполнилась молодыми голосами, смехом, песнями, звоном лопат, тюканьем топоров. И там, где гнили кучи мусора, где кривились, утопая в грязи, лавки, торговые ряды, встали милые и немощные, как малые дети, березки, тополи, рябины, пихты, кустики черемухи и еще какой-то не виданной в этих ме-

стах сирени. На тщательно спланированных дорожках с приятной упругостью закрипел под ногами песок.

Позднее, когда скот и нерадивые бездумные люди начнут губить нежные, еще неокрепшие посадки, Михаил Афанасьевич через газету и радио поднимет молодежь на защиту сквера, а спустя много лет с удовлетворением напишет: «Этот сквер является теперь не только гордостью Горно-Алтайска, но и всего нашего края».

От первых, еще неуверенных шагов своей деятельности в Ачинске, и до последних в Барнауле, когда Михаил Афанасьевич стал большим, признанным авторитетом в научном и практическом садоводстве, его волновало и гневно возмущало нерадивое, а порой просто хищническое отношение к родной природе. Он, может быть, как никто другой любил и восхищался русской березкой и потому как никто другой возмущался, негодовал, когда эту березку хищно губили.

«Я встречаю 61-ю весну в своей жизни. Но и сейчас, так же как и 10 или 50 лет назад, тепло и солнечно на душе, когда видишь, как река рвет свои зимние оковы, когда с шумом и грохотом идет неудержимо ледоход, и нетерпеливый рыбак забрасывает свою немудреную снасть в неосветленные еще воды; когда в небе призывно и торжественно звучит клич журавлиной стаи, сливаясь с пестрым щебетаньем веселых скворцов, славящих родные места после долгого пребывания на зимней чужбине; когда лопаются почки на деревьях, а из полусгнившей прошлогодней листвы робко выглядывает первый нежный, сверкающий чистойшей белизной подснежник. Весна пришла!

...Но вот — кто это подкрадывается с ножом к нежной весенней березке?

Это злой враг нашего друга — леса, темная душа несознательного человека, жаждущего испить крови дерева — соков только что проснувшейся после зимней летаргии березы. Иной ножом, а другой — топором надсекает рану на белоснежном стволе, и капля за каплей вытекает сок, призванный питать и оживлять дерево. Из-за нескольких глотков сладковатой водицы чахнет и гибнет русская красавица — береза. Вот этот убийца стошел от своей жертвы и направился к другой, чтобы нанести ей тяжелые раны, а за ней к третьей, четвертой, пятой. Взгляните на эти березы, и вы увидите, что рана, из которой вышел сок, стала красной, как будто она покрылась кровью. Нет, я не могу равнодушно говорить о таких вещах!..

...В нашей стране с каждым годом все шире становится движение за разумное сохранение леса и за его возобновление там, где он исчез. И не случайно, что первая премия имени великого Ленина присуждена советскому писателю Леониду Максимовичу Леонову за его роман «Русский

лес», в котором писатель честно и гневно выступил против грацианских, против врагов леса, этих подлинных врагов народа, врагов не только и не столько настоящего, как грядущего на смену нам поколения» («Озеленяйте сибирские города и села!», 1958 г.).

Попутно не лишне будет, пожалуй, сказать, что высокая оценка Лисавенко романа «Русский лес» еще раньше дошла до его автора, и тот не преминул откликнуться письмом, в котором были такие строки:

«Дорогой Михаил Афанасьевич,

Мариэтта Шагинян передала мне Ваше письмо к ней с добрым отзывом о моей книге «Русский лес». Не могу передать Вам, как лестно было мне услышать, вернее — прочесть это. Всяческая зелень — страсть моя (видимо, в прошлом воплощении, говоря по-индийски, был деревом сам!), и мне уже давно хотелось вступить за нее. А дело ее на земле очень плохо, у нас же — в особенности. Буквально треск стоит от топора...

Обилие писем показывает мне, впрочем, как сильна любовь к «зеленому другу» в нашем народе. Авось когда-нибудь примемся за (хотя бы частичное) лесовозобновление. (...)

Привет мой Вам — Леонид Леонов».

24. XII. 1954.

В то лето 1933 года Михаил Осипович Пантюхов времени даром не терял. Он писал Лисавенко, что с его стороны будет преступлением, если он займется только селекционной работой, будет, так сказать, исподволь готовить базу для садоводства. Нет, наше горячее, бурное время этого не потерпит. Надо науку немедленно совмещать с практикой, надо на деле немедленно доказывать, что садоводство в Сибири возможно и нужно.

Михаил Афанасьевич, читая взволнованные письма Пантюхова, усмехался: и чего он только меня агитирует! Конечно, надо сады закладывать. Есть мичуринские Ермак и Таежное, сорта Кащенко, Олониченко, народные сорта. А неугомонный Пантюхов уже сообщал, что «Крестьянка» задумала и утрясает одно грандиозное мероприятие. Короче — просил находиться в полной боевой, ждать сигнала. И на рукопись «Плоды и ягоды на север» нажимать.

И вот — вызов в Топкинский район Кузбасса. Выездная редакция «Крестьянской газеты» уже там, туда же выехали известные садоводы А. Д. Кизюрин из Омска и Н. А. Иваницкий из Томска.

«...я направился в Топки, где в октябре—ноябре 1933 года проводил работу совместно с выездной редакцией «Крестьянской газеты», ко-

торая проделала здесь большой важности для сибирского плодоводства дело: организовала топкинских колхозников сделать широкий почин насаждения садов в колхозах и на приусадебных участках, и это — в районе, где понятия не имели о садоводстве. Мероприятие это нашло широкий отклик со стороны колхозного актива и, благодаря энергии редактора выездной редакции т. Пантюхова и секретаря райкома т. Тулина, отклик топкинских колхозников принял конкретное содержание. Весьма показательным для многих еще не веривших в сибирское садоводство явилось ответное письмо секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) т. Р. И. Эйхе на обращение к нему топкинцев; в своем письме т. Эйхе приветствовал их начинание и твердо указал, что сибирскому плодоводству долгие годы уделено серьезное внимание. Это письмо открыло и меня, сгладив горечь временных неудач». (М. Лисавенко. Автобиография, 1937 г.).

Из Топков Михаил Афанасьевич поехал в Мичуринск.

Кончался декабрь. Декабрь тридцать третьего. Поезд шел без спешки. Смещались, плыли заснеженные поля, перелески. В зависимости от погоды белый наряд то искрился; то густо синел, укрытый тенью плотных и низких облаков.

Михаил Афанасьевич подолгу стоял у окна, курил. Было досадно и непривычно — сутки за сутками проходят в томительной бездеятельности. Пытался мысленно представить первую встречу с Мичуриным. В том, что она должна состояться, теперь, кажется, не было сомнения. Пантюхов тоже уверен в этом. Прочитав телеграфный вызов, он сказал: «Старик желает воочию убедиться, каков его полномочный представитель в Сибири». И многозначительно и как-то заговорщически подмигнул, точно хотел добавить, что он к этому непосредственно причастен.

Еще до этого Пантюхов прочитал и похвалил рукопись книги «Плоды и ягоды на север», и теперь Михаил Афанасьевич, пристроясь к столику, пытался еще раз посмотреть ее. Но сосредоточиться было трудно. На каждой остановке поезд подвергался отчаянным атакам.

В Свердловске покинул вагон на удивление начитанный и словоохотливый плотник средних лет. Пробирался из деревни на «какую ни то большую стройку». Кивнул в последний раз и взгромоздил на плечо ладно залаженный ящик с инструментом, поправил на поясе чайник и двинулся в тамбур. Не успел скрыться — на его место сразу несколько запылавшихся претендентов. Михаилу Афанасьевичу стало слегка грустно, и невольно подумалось о том, что вагон — это конденсат той большой жизни, которая вздыбилась на крутом повороте. Плотника, поклонника Льва Толстого, он, конечно, больше не увидит. Был и будто не был. Своя забота каждого — в сущности, отражение судьбы всей

страны, смело взявшей неизведанный курс. Колхозники, плотники, шумная артель землекопов... И его вот дела и заботы...

...«Уважаемому Михаилу Афанасьевичу Лисавенко на добрую память.

И. В. Мичурин.

2 января 1934».

Фотопортретом Мичурина с дарственной надписью Михаил Афанасьевич очень дорожил, до последних дней своих имел его перед глазами, будто постоянно советовался с обожаемым учителем. Чуть что — взглянет и явственно услышит тихий, но твердый голос:

— Иди напролом! Умей стоять за свое дело.

Фотография разительно отличалась от широкоизвестных. Тут он, избавленный от «хрестоматийного глянца», больше всего походил на самого себя. Войлочная шляпа с загнутыми полями совсем неказиста. И такая же неказистая лохматая шуба, заметно вытертая от привычки держать левую руку за бортом. Бородка, усы. Правый закручен (тоже, похоже, привычка), а левый пушисто сник. Но главное, пожалуй, — широко поставленные, узковатые мудрые глаза. В них добрая простота сочетается с твердостью, непреклонной волей.

— Иди напролом! Умей стоять за свое дело.

Последующие годы Михаил Афанасьевич неоднократно вспоминал свои знаменательные встречи с учителем. Иван Владимирович превзошел все его представления. Все в нем удивляло и восхищало.

...«Скромный письменный стол со стопкой книг, лупой, микроскопом и другими приборами. На стене — часы, барометр, гигрометр. (Не самим ли Мичуриным все это сделано? Известно его пристрастие к точным механизмам). Тут же — верстак, токарный станок. В углу — резной шкаф — подарок Михаила Ивановича Калинина.

— Ну, садись, рассказывай, как идут дела там, в твоих горах, — просто и ласково сказал Мичурин после сердечного рукопожатия.

Я сразу почувствовал себя спокойно.

...Его интересовало все: какие сорта растут на усадьбах садоводов-любителей, встречал ли я в горах миндаль и к какому виду он относится, попадалась ли жимолость со съедобными ягодами, болеет ли дикий алтайский крыжовник, употребляют ли в пищу «согоно»¹ алтайцы и в каком виде. Иван Владимирович расспрашивал, какие из растений использует местное население в народной медицине.

¹ Разновидность алтайского дикого лука.

...Видя, что я потянулся было в карман за портсигаром, но постепенно закурить, Иван Владимирович достал банку с мелко нарезанным табаком, завернул тонкую длинную папиросу, вставил ее в такой же тонкий мундштук и предложил мне испробовать табачок.

Я пожадничал — очень хотелось курить — и завернул папиросу толщиной в палец... Курильщик я отчаянный, но табак был настолько крепок, что я поперхнулся и закашлялся.

Мичурин лукаво посмотрел на меня.

— Ну, каков табачок?

— Хорош, — отвечаю. — Да очень крепок.

— Ну, то-то же! Вот посмотри-ка машинку, какую я смастерил для резки табака. А то ведь когда я захотел заказать на фабрике, так мне, дураки, предложили в двести пудов! Слышал? — И Мичурин заразительно рассмеялся». (М. А. Лисавенко. «Учение Мичурина в действии», Барнаул, 1958 г.).

«...Очень был заинтересован Иван Владимирович нашими дикими алтайскими луками, придавал им большое значение для получения новых сортов морозоустойчивого лука.

Мичурин стремился... заставить растения служить с полной нагрузкой на пользу человека, повысить их урожай, повысить качество. Он стремился максимально использовать дикую природу, вырывая у нее все новые и новые растения для культуры». (М. Лисавенко. «По мичуринскому пути». Барнаул, 1950 г.).

Михаила Афанасьевича восхищает стремление Мичурина «рационально» использовать свое время, его изобретательность и умение сделать все нужное собственными руками. В дореволюционное время Иван Владимирович не имел возможности приобрести нужный для работы фотоаппарат и — сделал его сам. Так же, когда возникла необходимость, он изготовил собственными руками крохотную динамомашину, аппарат для выгонки розового масла, нож для прививки растений и многое другое.

«Жизнь коротка, — говорил Иван Владимирович. — А многие опыты с растениями требуют многолетнего терпения, кропотливого труда, упорных дум. Всякую смелую мысль надо и смело осуществлять, не откладывая. Время надо беречь. Нельзя ходить и разыскивать предметы. Их нужно всегда иметь под рукой. И я работаю, часто не сходя с места. Произвожу какой-нибудь опыт, пишу, читаю, узнаю погоду, держу связь с нужными людьми, на одном приборе проверяю точность другого. Для моей работы требуются многие приборы. Часто бывает

так, что приборы и инструменты не отвечают моим опытам, и я изобретаю их сам» (М. Лисавенко. «По мичуринскому пути», Барнаул, 1950 г.).

Между ними легко и сразу установился душевный контакт и понимание. Мичурин, несмотря на частые недомогания, был оживлен. Годы и болезни не одолели его трудолюбия, целеустремленности, прозорливости.

Разговор зашел о перспективах селекционной работы на Алтае.

— У вас там чудесная смородина. Я давно это заметил. Говорил о ней в печати.

— Да, еще в девятьсот десятом году.

Наставник покосился на Михаила Афанасьевича, удовлетворенно крутнул правый ус.

— Вот и работайте с ней. Прекрасный материал. И не только смородина. Сами говорите — растительный мир Алтая богат. Надо шире использовать его на пользу человека. Шире и смелей, Михаил Афанасьевич. А в работе с плодовыми опирайтесь на дикую сибирскую яблоню. Лучшего исходного материала нечего желать. Создание яблони ранетки — это ведь только начало, первый этап. Теперь надо использовать ранетку для второй генерации. Берите ее материнским растением, опыляйте среднерусскими сортами. Попробуйте мои крупноплодные... Ранетка должна хорошо передать гибридному потомству свою зимостойкость. А все остальное добивайтесь от крупноплодных. Так что действуйте, Михаил Афанасьевич. Жизни у вас — еще поле неоглядное. Энергии, как мне кажется, тоже не занимать. Но не надейтесь, что все сделаете сами. Один в поле не воин. Привлекайте к делу садоводства массы, внедряйте любовь к садам, интерес к селекционной работе.

Иван Владимирович устало примолк. Открыв ящик стола, достал рукопись — его, Лисавенко — «Плоды и ягоды на север». Вот он, решающий момент. Михаил Афанасьевич внутренне заволновался.

— Прочитал. И вот написал. Обращение к колхозникам и специалистам сельского хозяйства Западной Сибири написал. Пойдет предисловием к твоей книге. Издаст «Крестьянская газета»!

«...я передвинул далеко к северу границы произрастания таких южных растений, как виноград, абрикос, черешня, слива Ренклюд, грецкий орех и лучшие зимние сорта яблонь и груш.

Этого с большим или меньшим счастьем можно достигнуть и в Сибири. Но для этого нужны талантливые, неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты.

К таким людям я отношу прежде всего автора этой книги М. А. Лисавенко — одного из самых серьезных селекционеров-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело...»

Михаил Афанасьевич, прочитав эти строчки из предисловия, встал из-за неказистого столика, нетерпеливо закурил.

Гостиничная комната вдруг показалась душной и тесной, и ему нестерпимо захотелось к себе в горы. Побродить по узким тропинкам, не спеша подумать, упиваясь морозным воздухом. А вокруг — несравненная белизна. Питомцы его, тепло укрытые снежной шубой, терпеливо ждут, когда ослепляющее солнце пробудит в них буйную жизнь.

Да, ушедший тридцать третий дал ему немало. Не на потребу, конечно, тщеславию, а на пользу любимому делу. Письмо Эйхе. Лестные слова Ивана Владимировича. Хотя старик, пожалуй, не столько признает, сколько обязывает: дескать, мне хочется, чтобы ты стал «одним из самых серьезных». Да, это, несомненно, аванс...

Он как-то уже привык одолевать невгоды в одиночку, а вот со счастьем, так внезапно свалившимся, справиться в одиночку было трудно, и он подумал о том, что родители, пожалуй, бывают правы, когда упрекают, а больше, кажется, сокрушаются его «бобыльской», нестроенной жизнью. Отец как-то заметил: «Ты, Михаил, обжегшись на молоке, дуешь на воду.» Потом подумал и добавил: «Хотя женитьба — это, брат, что игра в орлянку. Как выпадет»...

В сентябре 1934 года исполнялось шестьдесят лет творческой деятельности Ивана Владимировича. К этой дате приурочили большой слет последователей Мичурина, его учеников, энтузиастов нового и большого дела. Пригласили и Лисавенко.

Михаил Афанасьевич отправился в дорогу с легким сердцем. За лето было сделано немало: тысяча молодых яблонек буйно обживала Татанакровский лог. Пять тысяч привитых дичков сибирской яблони уютно чувствовали себя на участке питомника. Радовали глаз всходы смородины, малины, крыжовника, облепихи, ежевики... Пробудилось к жизни многое из того, что он собрал из прошлогодней поездки с Михайлом Пузановым, немало всяких семян пришло непосредственно от Мичурина и в конвертах писем любителей. Успешно завершилась на Алтае одобренная Мичуриным Всесоюзная пионерская экспедиция. Работать пришлось без всякого учета времени, но зато чувствовал он себя в поезде хорошо, веселил безобидными шутками, анекдотами. Спутники хохотали, а у него мелькала мысль о том, что чувство исполненного долга и есть, пожалуй, то главное, большое счастье жизни человека.

Счастье омрачилось по приезде в Мичуринск, когда услышал, что здоровье Ивана Владимировича ухудшилось настолько, что он вряд ли сможет присутствовать на своем юбилейном торжестве.

Но Мичурин нашел в себе силы — приехал. Даже с первого взгляда

было заметно, как он за последнее время исхудал, ослаб. Добавилось морщин на лице. Но в глазах горел огонь жизни.

«...В июне 1935 года Мичурин скончался. В те дни я прочитал на страницах «Крестьянской газеты» рассказ старого мичуринца — учителя Ф. И. Львова из села Рыбного Московской области. Львов описывал, как незадолго до смерти Иван Владимирович, уже безнадежно больной, принимал его у себя. Внимательно выслушав сообщение об успехах рыбновских мичуринцев, закладывавших молодые сады, Мичурин обронил задумчиво:

— Сегодня в Рыбном, завтра — на Алтае... Какие сады будут, как жить будут!

До слез тронули меня эти слова. Они свидетельствовали, что Мичурин до последних дней своей жизни помнил о сибиряках, о их стремлениях к садам». (М. Лисавенко. «Учение Мичурина в действии», Барнаул, 1958 г.).

Мичурин не ошибся в своей оценке М. А. Лисавенко. Он, действительно, оказался талантливым, неутомимым, верным энтузиастом дела садоводства в Сибири.

Тридцать два года после кончины Мичурина — до последних дней своих М. А. Лисавенко неутомимо и талантливо развивал революционную мичуринскую науку.

Неутомимо и талантливо осуществлял ее на практике.

Неутомимо и талантливо пропагандировал.

Неутомимо и талантливо отстаивал ее от всевозможных наскоков.

«По пути, указанному Мичуринным», «Мичурин и сибиряки», «Роль Мичурина в зарождении и развитии северного садоводства», «Мичуринское решение проблемы сорта в сибирском садоводстве», «Мичурин и опытники-мичуринцы в борьбе за яблони в Сибири», «Вегетативный гибрид мичуринских сортов яблони», «Юным мичуринцам», «Алтайские мичуринцы»...

Это далеко не полный перечень работ, в которых М. А. Лисавенко развивает и пропагандирует революционное учение И. В. Мичурина.

«Вся жизнь Ивача Владимировича — трудовой подвиг. Не ради гоголого теоретизирования, не ради «науки для науки», а для народа, на благо Родины, для непосредственных запросов производства была направлена жизнь и работа Мичурина». (М. А. Лисавенко).

«Идеи и учение Мичурина есть и будут руководством к действию во всех областях теоретической и практической деятельности садоводов Севера». (М. А. Лисавенко).

Строки из письма товарища по гимназии Сергея Федоровича З.
«22 мая 1961 г.

Полтава.

Здравствуй, Миша!

Сегодня, 22 мая, часов в 9 или 10 утра по радио передавали коротенькое сообщение на тему: «На Алтае цветут сады».

Выступавший (фамилии его я не разобрал) говорил о том, что сады цветут на Алтае благодаря Михаилу Афанасьевичу Лисавенко, который лет тридцать назад заложил здесь первый сад, а теперь чуть не все колхозы Алтая получают саженцы из питомника Лисавенко.

Потом сказал несколько слов и сам Лисавенко о фруктовых и декоративных деревьях, черной смородине и прочем.

Передача была небольшая, всего минут на пять, но она меня взволновала. (...)

С высоты своих 63 лет я иногда оглядываюсь на прошлое, вспоминая своих гимназических товарищей. О большинстве из них я почти ничего не знаю, о некоторых кое-что знаю, а о некоторых, как, например, Мишка Лисавенко, знаю, пожалуй, больше всех. Знаю, завидую ему в том, что он с молодых лет твердо идет к поставленной цели и не сворачивает с намеченного пути. Завидую ему в том, что он живет и работает по влечению души и сердца. Зависть — чувство, конечно, нехорошее, но моя зависть не зловредная, зависть благожелательная (если можно так выразиться). «Вот у Мишки жизненный путь прямой, а у меня извилистый», — думаю я иногда. (...)

Собирался я стать агрономом (до сих пор люблю землю), но вместо агронома из меня получился неважный преподаватель немецкого языка, а потом бухгалтер. (...) Работал и частенько думал (особенно, когда наступали бухгалтерские отчеты): «Брошу все к черту и уеду в Горно-Алтайск к Мишке Лисавенко. Он найдет мне какое-нибудь более подходящее дело...» (...)

Документы архива Лисавенко, беседы о нем с работниками станции постепенно и незаметно сделали свое дело — стал он для меня своего рода эталоном лучших человеческих качеств.

Убеденность, цельность натуры, честность, объективность, доброжелательность никогда не теряли своей ценности, а в наше время значимость их неимоверно возросла. О них теперь как никогда много говорят, их стараются всячески привить, сделать, так сказать, массовыми,

и вот уже появились прилипалы-паразиты. Чутко уловив обстановку, они ловко играют в эти качества, сноровисто ими прикрываются. С первого взгляда кажется — человек всех достоинств, а на поверку потом — все эти достоинства не больше как ширма, за ней нутро махрового общества, демагога, себялюбца. Такой — сам для себя. Отдельные люди, общество, государство его интересуют лишь с точки зрения извлечения личной выгоды.

И тут невольно и непременно вспоминаешь Михаила Афанасьевича. Возьмем его автобиографию. Михаил Афанасьевич, похоже, по запросу какого-то вышестоящего отдела или управления кадров, начал рассказывать о себе, то и дело сбивается на дела опорного пункта, на дела сибирского садоводства. А заметив это, оправдывается:

«Невольно, начав говорить о себе, я перешел к работе Алтайского опорного пункта. Это потому, что моя жизнь и работа тесно связаны с его жизнью и ростом, который является и моим ростом, как опытного мичуринца».

Последнее, на наш взгляд, очень важно: Михаил Афанасьевич, совершенно не задумываясь о себе, своим благополучии, целиком отдался делу садоводства, всеми силами поднимал его, а сибирское садоводство, вырастая, в свою очередь поднимало Лисавенко.

Десятилетия неустанного творческого поиска и горения принесли свои результаты — из безвестного опытного работника Михаил Афанасьевич вырастает в лауреата Государственной премии, Героя социалистического труда, академика ВАСХНИЛ. В 1961 году Алтайская опытная станция, участвуя в международной выставке садоводства в г. Эрфурте (ГДР), получает Диплом Почета, две золотые медали и одну серебряную. Авторитет Михаила Афанасьевича колоссален. Видные ученые пишут из столицы, что хотели бы видеть Лисавенко в должности руководителя всей плодово-ягодной науки Российской Федерации: «Сколько было бы пользы делу садоводства при едином, квалифицированном, а главное — разумном руководстве».

Когда последовало официальное приглашение возглавить кафедру плодоводства в сельскохозяйственной Академии имени Тимирязева, Михаил Афанасьевич сослался на преклонный возраст и слабое здоровье. Оно, действительно, ослабло. Сказывались ночные бдения, работа без выходных. У него никогда не хватало времени на поездки на курорт, на систематическое лечение. Однако истинная причина отказа от столь почетного предложения была, пожалуй, иная: он не мог представить свою жизнь вне Сибири. Оказавшись за Уралом, он скучал по сибирским просторам, по искристым снегам, бодрящим морозам. И все на-всегда покинуть? Оставить свое детище — станцию, ее людей, которых на протяжении многих лет бережно воспитывал, всячески опекал, делил

с ними радости и горе любимого дела? А друзья-единомышленники, неутомимые энтузиасты в колхозах, совхозах? Все они насторожились, ждут. А некоторые, не выдержав, писали: «Ох, чует мое сердце — покинете Вы нас».

И он не покинул. Он просто не мог этого сделать, потому что все тут близко и дорого его сердцу.

За победным торжеством своего дела он не забывал прошлого сибирского садоводства, по достоинству ценил его зачинателей, своих предшественников.

«Конец прошлого столетия явился начальной стадией сибирского садоводства. Именно в то время, на фоне тусклой действительности тогдашнего Севера, вспыхнуло целое созвездие славных зачинателей и энтузиастов северного садоводства... Н. Ф. Кащенко в Томске, братья Крутовские и А. И. Олониченко в Красноярске, М. Г. Никифоров в Минусинском уезде Енисейской губернии, И. А. Ефремов в еще более далеком Благовещенске, под Владивостоком И. Л. Худяков»... (М. А. Лисавенко. «Учение Мичурина в действии». Барнаул, 1958 г.).

* Лисавенко волновала трагическая судьба Павла Савельевича Комиссарова, который, переселись мальчиком в Сибирь, не мог избавиться от чудесного видения цветущих садов на своей родине в Казанской губернии. Должны и тут расти сады. Не может быть, чтобы не росли. С этой мыслью полуграмотный Комиссаров арендует под сад 24 десятины земли. Неимоверным, прямо-таки нечеловеческим трудом ему удалось добиться некоторых успехов — из семян крупноплодных яблонь выращены морозостойкие деревья. Правда, плоды их мельче материнских, но вполне пригодны для варенья и пирогов. Окрыленный успехом, Комиссаров писал:

«Пора отрешиться от старых предрассудков и думать о Сибири не так, как думали наши предшественники, что в Сибири, кроме березы, бузины да акаций с осиной, никакие больше благородные деревья, то есть растущие в России, Америке, Манчжурии и прочих местах земного шара, расти не могут».

Но предрассудки-то как раз и сгубили П. С. Комиссарова. Казаки-богатеи давно косились на «колдуна». Комиссарова, считали его виновником всех бед в станице, будь то засуха, градобой или падеж скота. Все кончилось тем, что сад был разрушен. Это сломило Комиссарова. В сорок семь лет он выглядел дряхлым стариком. Зимой без шапки бродил по Омску и каждому встречному доказывал, что сады в Сибири могут и должны расти.

С большим уважением относился М. А. Лисавенко к садоводческой деятельности Н. Ф. Кащенко, профессору зоологии Томского университета. Он вывел и теперь довольно популярный сорт полукультурки — Сибирское золото, а также Багрянку Кащенко, Сибирскую звезду, Сибирскую звезду, Янтарку, Белопятнистое.

Лисавенко считал Н. Ф. Кащенко основоположником научного сибирского плодоводства, который отказался от селекции вслепую, наугад, применил селекцию осмысленную, целенаправленную.

Объективность Михаила Афанасьевича Лисавенко смыкается с его сердечностью, доброжелательностью. Они были нормой его поведения, его характером.

Михаил Афанасьевич не только говорил и писал о заслугах пионера сибирского садоводства красноярца Алексея Ивановича Олониченко, но постоянно заботился о нем, просил не обходить его вниманием руководство Красноярской опытной станции, где трудился престарелый опытник. Михаил Афанасьевич напоминал, что старость добавляет людям странности, с ними необходимо считаться, никто из нас в будущем от них не избавлен. А когда А. И. Олониченко умер, Лисавенко в письме Красноярскому крайисполкому просил проявить должное внимание о материальном обеспечении его жены. Побеспокоился Михаил Афанасьевич и об архиве А. И. Олониченко.

В Усть-Каменогорске много лет отдали опытам по возделыванию винограда отец и дочь Панкратьевы. Их совместный труд, небольшая по объему книга «Виноградники Алтая», дважды выпускался в издательстве «Кайнар».

В архиве М. А. Лисавенко сохранились письма Е. Д. Панкратьевой. Начало переписки относится к тому периоду, когда отец умер, а тяжело больная дочь пишет о том, что, по мнению врачей, ей мог бы помочь импортный препарат кортизон, но получить его в их условиях она не может.

Во втором письме, написанном вскоре после первого, Е. Д. Панкратьева горячо благодарит Михаила Афанасьевича за лекарство. Последнее письмо Панкратовой относится к 15 декабря 1965 года.

«...Дорогой Михаил Афанасьевич, как много надо сказать Вам, о многом поговорить, но сил уже нет никаких. Скажу только одно: сколько бы я еще ни прожила, я до последней минуты буду видеть в Вас самого дорогого мне и уважаемого человека, жизнь, дела и душа которого были и есть постоянным примером для меня. Вы стали моим духовным отцом в самый тяжелый период моей жизни — период моей болезни и физической беспомощности. Вы столько сделали мне добра, так помогли переносить невзгоды, что только благодаря Вам я прожи-

ла эти последние годы... Хочется так искренне, сердечно все сказать, а ничего не получается. Вы уж простите меня, но это мои последние «сказания», больше едва ли смогу писать, разве что под диктовку...

Уважающая Вас всей душой Е. Панкратьева.¹

Еще немалое количество писем разных лет от разных по возрасту и общественному положению людей. Все они полны благодарности Михаилу Афанасьевичу за его чуткость, внимание и доброту.

Бывшая работница станции взволнованно сообщает из дома престарелых, что деньги получила как раз накануне Нового года. «Осчастливили Вы меня, дорогой Михаил Афанасьевич. Когда человек, достигнутый старостью, оказывается не у дел, ему все кажется, что все о нем забыли, он стал лишним. Это чувство самое неприятное. А Вы вот взяли и развеяли его, доказали, что помните меня, не забыли. Теперь я весь год буду жить этим сознанием...»

Другой работник станции писал: «Благодаря Вашим хлопотам я первый раз в жизни нахожусь на курорте, избавляюсь от ревматизма, который в последнее время здорово давал о себе знать».

Безжалостно обошлась судьба с бывшим моряком, старым коммунистом М. О. Пантюховым, и Лисавенко не без риска для себя пришел другу на помощь — дал работу.

Всякое новое дело требует особого энтузиазма, а порой настоящего подвижничества. Сибирское садоводство на первых шагах своего развития не являлось исключением из этого правила.

Можно бесконечно рассказывать, как упорно и последовательно на протяжении многих лет готовил Лисавенко кадры своих соратников, последователей, как зажигал их энтузиазмом, учил упорству в достижении цели.

«Сибирский садовод не просто садовник, все заботы которого сводятся к тому, чтобы только вырастить урожай. Он оправдывает свое значение, если будет не только садовником, но и общественным деятелем, проявляющим активную и действенную заботу о материальном подъеме колхоза, о повышении благосостояния колхозников, о развитии

¹ Желая ознакомиться с содержанием писем Михаила Афанасьевича к Е. Д. Панкратьевой, я написал в Усть-Каменогорск. Ответила сестра Панкратьевой. Она сообщила, что Е. Д. не надолго пережила Михаила Афанасьевича. Накануне смерти она была обеспокоена судьбой своего архива. По ее просьбе документы были приведены в порядок, большая часть их сдана в областной архив. Там, по-видимому, находятся и письма М. А. Лисавенко.

местной пищевой промышленности, о здоровье советских людей, которые в полной мере должны пользоваться и такими благами, как фрукты и ягоды». (М. А. Лисавенко. «Вопросы сибирского садоводства». Новосибирск, 1958 г.).

К таким энтузиастам-общественникам, способным ломать рутину неверия в новое и добиваться намеченной цели, Лисавенко отнесил прежде всего Федора Митрофановича Гринько.

Книжица объемом в семьдесят пять страниц. Хотя библиотечные работники станции бережно подклеили ее, обернули, тридцать лет взяли свое. Издана она Сельхозгизом под рубрикой «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка». В ней Лисавенко рассказывает об опыте садоводства колхоза «Родина» Шипуновского района. Приводятся слова И. В. Мичурина о том, что развитие сибирского садоводства не под силу одиночкам, хотя бы и талантливым. Это дело может восторжествовать только тогда, когда к нему будут привлечены массы.

А дальше вот такая выразительная сцена:

«Члены коммуны «Новый свет» были поражены неожиданным, прямо ошеломляющим предложением, которое им сделал председатель: посадить в коммуне яблони.

Старики крутили головой.

— Ведь что придумал этот Гринько! Где это видано, чтоб в Сибири росли яблоки? Молод больно, еще прыти в нем много!

Кулаки нашептывали:

— Слыхали? Садок коммунисты вздумали разводить! Самим жрать нечего, хлеба не хватает, скотина отошала, а Гринько яблоков захотел. Измываются коммунисты над нашим братом мужиком!

Но Гринько терпеливо и настойчиво вел свою линию. Он рисовал перед коммунистами увлекательные картины колхозного расцвета. И неизменно в этой картине фигурировал сад, красивый цветущий сад, такой же цветущий, какой будет их жизнь. Он живо представлял в своем воображении обремененные плодами яблони — он видел их на Украине, когда бил там махновцев, — разве не могут большевики заставить расти яблоки в Сибири?

У одних он будил воспоминания о покинутых их отцами садах на родной Волыни или Киевщине. У других Гринько старался расшевелить хозяйственную струнку — ведь должен же сад приносить доход, не для забавы его устраиваем!

Ему удалось добиться своего...

Осенью 1930 года Гринько привез 252 саженца из единственного тогда в крае питомника «Алтайская флора» в Бийске. Сортов было много, но названия звучали необычно: Непобедимая, Тунгус, Сибирская

красавица, Сибирская заря, Ранет пурпуровый, Желтый чалдон, Ермак...»

Далее Михаил Афанасьевич взволнованно описывает радость и удивление колхозников, когда они весной 1934 года впервые в своей жизни увидели цветущий сад. Цветение оказалось настолько обильным, что скрыло листья и ветви яблонь. Легкое дыхание ветерка приносило в колхозный поселок чудесный аромат, через открытые окна он проникал в дома. Деловито жужжали пчелы.

Весть о «гриньковском» саде облетела все степные районы Алтая. Повалили любознательные.

— Покажи, Митрофаныч, что там у тебя за чудо.

Вздыхали и ахали от удивления, видя, как гнутся ветки от тяжести обильных плодов, писали в книге отзывов:

«Никогда не поверил бы, если бы не увидел, что у нас могут расти такие яблоки».

«Век доживаю, а растущих в Сибири яблочек не видывал».

Осенью 1934 года впервые в сибирском колхозе яблоки и ягоды распределялись на трудодни.

Колхозный сад год от года рос, расширялся, не выдержавшие суровых испытаний сорта заменялись новыми, более устойчивыми, лучшими по качеству плодов. Превращенный в опорный пункт Алтайской опытной станции, колхозный сад становился очагом садоводства во всей степной части Алтая.

Пример Ф. М. Гринько укрепил Василия Степановича Дубского в возможности разведения сада в своем родном колхозе имени Серго Орджоникидзе, находящимся в Алейской степи.

В свое время «Алтайская правда» публиковала открытое письмо М. А. Лисавенко председателю этого колхоза Е. М. Бочкареву. Известен и ответ членов сельхозартели М. А. Лисавенко. Там они писали:

«...Вы справедливо упрекнули руководство нашего колхоза за то, что оно подчас из-за скопления других хозяйственных дел мало уделяет внимания саду и что правление артели недостаточно заботилось о дальнейшем расширении садоводства».

Мы отдаем должное нашему садоводу тов. Дубскому, который своим настойчивым и кропотливым трудом помог колхозу вырастить такой замечательный сад».

В 1961 году альманах «Алтай» опубликовал очерк В. Сидорова, раскрывающий настойчивость и упорство В. С. Дубского по созданию колхозного сада. Интересуясь взаимоотношениями М. А. Лисавенко с колхозными и совхозными садоводами, я через работников станции обратился с письмом к В. С. Дубскому. Вот что он рассказал:

«...Я всегда с удовольствием вспоминаю и всем рассказываю о своем знакомстве с Михаилом Афанасьевичем.

Шел первый тяжелый год Великой Отечественной войны. Я, по приглашению Михаила Афанасьевича, приехал в Горно-Алтайск на опытную станцию. Как сейчас помню — зашел в контору и спросил, где можно увидеть Михаила Афанасьевича. Он в это время с несколькими товарищами сидел за большим столом. Они что-то деловито обсуждали. Увидев меня, Лисавенко прикрыл беседу, встал и пошел мне навстречу и, не спрашивая, кто я, дружески пожал мою руку и сказал:

— Таким именно я вас и представлял, Василий Степанович.

Он взял меня под руку и сразу повел в сад. Мы шли с ним с участка на участок, от дерева к дереву, и он с достоинством ученого объяснял мне, что им уже удалось сделать по развитию садоводства на Алтае, что они собираются делать в ближайшие годы, рекомендовал и советовал, что надо нам делать в своем колхозе.

Весь день я пробыл с Михаилом Афанасьевичем. По его указанию мне были приготовлены два мешка с лучшими сортами саженцев яблонь, смородины, сливо-вишневых гибридов, клубни и семена различных цветов.

На следующий день рано утром он сам разбудил меня (я спал у него в кабинете на диване) и сказал, что пора ехать, мои саженцы уже погружены на машину.

Прощаясь, он советовал:

— Смело берись, Василий Степанович, за дело. Трудностей будет немало, но ты пропагандируй садоводство среди колхозников. Они подержат. Мы тоже будем всячески помогать.

Окрыленный теплой встречей, деловыми советами и помощью Михаила Афанасьевича, я с энтузиазмом взялся за расширение сада в своем колхозе. Осенью того же года побывал по совету Михаила Афанасьевича в колхозе «Родина», которым руководил депутат Верховного Совета СССР т. Гринько Ф. М., и получил там саженцы. А через несколько лет мы завели свой питомник и снабжали саженцами колхозы Алейского и Шипуновского районов.

К концу войны наш колхозный сад составлял уже 12 га, в 1950 году — 20 га. Колхоз стал получать по 130—150 тысяч рублей ежегодного дохода от реализации плодов и ягод.

...Колхозным садоводом я проработал 30 лет. Теперь мне 75 лет, я нахожусь на пенсии.

Писем Михаил Афанасьевич посылал мне много, но, к сожалению, по моей халатности они не сохранились.

С глубоким уважением В. Дубский.

16. XII. 1968 г.»

Садоводство в Сибири — дело новое, необычное, но если человек с огоньком в душе, он непременно им увлекался: плохо ли в своем колхозе вырастить сад! Люди всю жизнь кочевали, степи в закопченных аилах, бани не знали, а тут — дома и сад. Большую роль, конечно, играло и то, что пропагандист садоводства был человеком умным, обаятельным, с горячей верой в свое дело. Такому не хочешь, так поверишь.

Михаил Афанасьевич с живым блеском в глазах не раз вспоминал Степана Гавриловича Кашина, председателя колхоза «Кызыл Мерей». Познакомились они почти сразу по приезде Лисавенко. Тот встретил как-то на улице, остановил.

— Слушай, Лисавенко, кажется? Расскажи мне толком о своей задумке. Шибко интересуюсь.

Рассказывая, Михаил Афанасьевич видел, как воодушевляется его собеседник.

— А это ведь здорово, если, конечно, получится!

— Почему же не получится?

— Поселок у нас — все алтайцы, только с седла слезли. Я один там затесался... И вот — сад. Только представь! Это ведь здорово, а! Сад и детишки!.. Как сказка. Честное слово!

С тех пор Степан Гаврилович, приезжая в город по служебным делам, непременно «заскакивал» на опорный пункт садоводства, присматривался ко всему, придирчиво расспрашивал. И все интересовался, когда он сможет получить саженцы. А Михаил Афанасьевич сам с нетерпением ждал дня, когда его питомцы впервые двинутся обживать колхозные и совхозные поля, пришкольные участки...

Этот день настал весной 1935 года. Грязь была повсюду такая, что чуть с тракта ступил — ноги не вытянешь. Кашин с радостью первым получил саженцы. Приехал он верхом, а обратно ехать — поопасался поломать нежные побеги саженцев. Понес груз на себе. За тридцать километров понес. Но невообразимой грязи...

«И в прямом и в переносном смысле, коммунист Кашин нес на своих плечах в алтайский колхоз русскую исконную культуру...»
(М. А. Лисавенко. «Учение Мичурина в действии». Барнаул, 1958 г.).

И. И. Воронков, бывший учитель, положил начало колхозному саду в селе Амос, С. Фролов из Усть-Коксы неимоверным упорством одолел и чеверие сельчан и ледяное дыхание Белухи — вырастил прекрасный сад на километровой высоте над уровнем моря. От одного — к другому, вот так и пошла цепная реакция садоводства. Десятки, сотни, тысячи энтузиастов смело осваивали новое дело. А. К. Захаров в Рубцовске,

Н. П. Смирнов на Телецком озере, Т. А. Корниенко в Локтевском районе, И. В. Украинский в Романовском, И. А. Быков в Тальменском, Б. Е. Бабин в Онгудае... А начало всему — М. А. Лисавенко, его вера, самозабвенный труд, умная пропагандистская и организаторская деятельность, его одержимость. Однако Михаил Афанасьевич нигде и никогда не подчеркивал и не выделял своей ведущей роли. Наоборот...

«27 ноября 1957 г.

Тальменка, Тальменский совхоз.

Тт. Быкову, Миллеру А., Русину И., Назарову А... (всего двадцать одна фамилия).

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за поздравления по поводу моего шестидесятилетия и награждения орденом Ленина.

Эта высокая награда, как вы прекрасно сами понимаете, является общей для нас наградой, ибо она дана за заслуги по развитию садоводства в Сибири. Указ Президиума Верховного Совета СССР есть акт высокого признания той деятельности, которой мы с вами посвятили свою жизнь. Поэтому я шлю вам взаимные поздравления и пожелание успехов в нашей совместной дружной работе, направленной на развитие сибирского садоводства.

Жму ваши руки.

Уважающий вас М. Лисавенко.

Последнее время часто приходится слышать: «Он защищается... Он защитился». «Защита» стала каким-то поветрием. Молодые люди, еще не захлопнув за собой двери института, усиленно ломают голову, на чем бы им «защититься». И тут снова невольно вспоминается Михаил Афанасьевич Лисавенко.

1943 год. За десять лет опорный пункт, начатый одним человеком, вырос в станцию. Вырос и коллектив, в котором все, начиная от директора и кончая кучером, живут единими интересами. Достигнуты немалые успехи в селекционной работе. Уже родилась знаменитая Горно-алтайская и другие сорта полукультурок, стойких к морозам, с довольно крупными вкусными плодами. Еще лучше результаты по ягодникам. Опубликовано столько трудов. Короче — научно-практического материала накопилось столько, что можно не один раз «защититься». Однако Михаил Афанасьевич все еще без степени. И когда ему напоминали об этом, он отмахивался, дескать, не уйдет, работать надо. Успеется.

— Михаил Афанасьевич, кабинет напротив временно пустует, —

сказал как-то первый секретарь обкома партии. — Все по боку, а пиши кандидатскую. Телефон отключим. Можем даже закрывать...

Заметив протестующий жест Лисавенко, секретарь добавил:

— Надо. Для авторитета станции надо, тем более — мичуринский институт приехал. Там вон какие зубры, а ты до сих пор простой смертный.

Михаил Афанасьевич хлопнул себя по колену и рассмеялся.

— Доводы вполне убедительные. Придется засесть, с месяц пожертвовать на бессмертие.

Диссертация «Селекция ягодных культур на Алтае» была написана быстро, блестящим языком, с убедительными обоснованиями и точными выводами.

Начиналась она с благодарностей: Нине Михайловне Павловой «за помощь, оказанную ею Алтайской плодово-ягодной опытной станции в работе по сортоиспытанию и селекции ягодных культур, а также Надежде Ивановне Кравцевой, научному сотруднику по ягодникам, которая с 1938 года по сей день ведет кропотливую, напряженную исследовательскую работу на селекционных и сортоиспытательных участках станции наряду с производственной на них деятельностью».

Защита прошла блестяще.

Научные работники, отдавшие станции по десять—двадцать лет и более, единодушно утверждают, что с Михаилом Афанасьевичем работалось легко и радостно. Он умел видеть далеко вперед, умел из многого второстепенного выделить главное, без какого-либо нажима заинтересовать этим главным так, что человек надолго загорался. Григорий Владимирович Васильченко говорит, что Лисавенко обратил его внимание на снег, его огромную роль в сибирском садоводстве, и это теперь вырастает в докторскую диссертацию. Архивы же сохранили следы, по которым можно понять, что Михаил Афанасьевич, переписываясь с видными учеными, заинтересовывал их кандидатской работой своего подопечного.

Зинаида Ивановна Лучник, Ирина Викторовна Верещагина, кандидаты сельскохозяйственных наук, авторитетные специалисты по цветоводству, вспоминают, как на заре жизни станции Михаил Афанасьевич постоянно обращал их внимание на дикие декоративные растения и на необходимость введения лучших из них в культуру. Лисавенко говорил о том, что не за горами время, когда цветы станут духовной потребностью советского человека, и, не дожидаясь указаний сверху, нам надо готовиться к этому времени. А когда это время пришло и поступило указание сверху, станция уже имела один из крупнейших в Сибири дендрариев, имела богатейшие коллекции цветочных растений.

Целесообразность, благоразумие были основными принципами, ко-

торыми руководствовался Лисавенко на протяжении всей своей многолетней деятельности. И «защита» не была здесь исключением. Она никогда не превращалась в самоцель.

Теперь на станции большая часть научных работников имеет кандидатские степени, некоторые готовят докторские. А вот Надежда Ивановна Кравцева без степени. Больше тридцати лет она отдала работе с ягодниками, имеет самое непосредственное причастие к созданию таких сортов, которые получили популярность не только в нашей стране, но и ушли за рубеж. Надежда Ивановна располагает богатейшим научно-практическим материалом, но подготовить и защитить диссертацию у нее никак не хватает времени. Отсутствие научной степени никак не умаляет авторитета Кравцевой, на станции ее уважают, с ее мнением считаются. Однако оплата труда таких вот энтузиастов возмущала в свое время Лисавенко, он считал ее несправедливой и выступал по этому вопросу в печати.

Трудно отказать себе в том, чтобы не привести слова Зинаиды Ивановны Лучник, когда я спросил, как у нее обстоит с докторской.

— А я особенно не спешу. Станешь доктором — своим делом некогда заниматься будет. — Помолчав, Зинаида Ивановна добавила: — А денег мне, старому человеку, много не требуется.

Снова лисавенковский принцип целесообразности, благоразумия. Теперь в другом человеке. Два года спустя после смерти Михаила Афанасьевича.

6

Директором станции теперь Ида Павловна Калинина, кандидат сельскохозяйственных наук, ученица и соратница Лисавенко.

Кабинет тот самый. Добавилось только одно — портрет Михаила Афанасьевича. Смотрит он с фотографии последних лет чуть устало, умно.

Третий год станция живет без своего основателя, но третий год его фамилия открывает список научных сотрудников. Только в отличие от других его фамилия аккуратно обведена рамкой. И нет восьмерок, обозначающих отработанные часы на каждый день.

Он умер 27 августа, и два раза к этой дате появлялась стенгазета, специальный выпуск. Там — портрет Михаила Афанасьевича, рассказ о делах станции и непременно стихи Надежды Ивановны Кравцевой.

Как-то, интересуясь гладиолусами, я среди других сортов встретил сорт Лисавенко. В одной из комнат сотрудники станции любовно оборудовали мемориальный музей Лисавенко.

Но это все, так сказать, внешние признаки дани памяти учителя. А вот иные.

Присутствуя на заседании Ученого совета, я то и дело слышал:

— А помните — при Михаиле Афанасьевиче...

— Михаил Афанасьевич говорил...

После заседания Ида Павловна занялась вопросом, который на первый взгляд кажется довольно прозаическим, а на самом деле самым, пожалуй, главным — распределением квартир.

Из двух квартир одна была на отделении, находящемся в нескольких километрах, а вторая здесь, на станции. Претенденты были людьми скромными, тактичными, ни один из них не сказал: «Дайте мне», — но чувствовалось, что каждому хочется остаться на станции.

— В таком случае бросайте жребий, — предложила Ида Павловна.

И я подумал, что это, пожалуй, по-лисавенковски. Он страсть как не любил нажимов и всякого рода администрирования. Говорят, что за всю свою многолетнюю деятельность он не издал ни одного приказа, в котором бы предупреждал, ставил на вид, объявлял выговор. Хотя нарушения дисциплины и проступки всякого рода, конечно, были, но Михаил Афанасьевич умел воспитывать людей без приказов. И поучать, тыкать пальцем он тоже не любил...

И тут мне вдруг стало досадно оттого, что я так долго упустил из вида самое, пожалуй, главное.

Я немало затратил сил на то, чтобы из отдельных фактов и разрозненных черт создать образ Михаила Афанасьевича. Создал, как умел, мысленно поставил его особняком и люблюсь. Любуюсь, совсем не замечая того, что все хорошее перешло от Лисавенко в людей, которые на протяжении многих лет делили с ним муки и радости творческого труда. Перешло и прочно впиталось, стало их характером, их натурой.

Зинаида Ивановна Лучник, Надежда Ивановна Кравцева, Ида Павловна Калинина, Григорий Владимирович Васильченко, Екатерина Антоновна Важенина, Владимир Сергеевич Путов, Зоя Сергеевна Зотова, Викентий Иванович Харламов, Ирина Викторовна Верещагина, Анатолий Александрович Семенов, Екатерина Евгеньевна Шишкина, Юрий Дмитриевич Бурый и многие другие... Откуда в них сердечная доброжелательность, самоотверженная преданность делу, энтузиазм, полное отсутствие заботы, тщеславия? Все от него — наставника Лисавенко.

...Каждую весну на Алтае зацветают сады. Цветут они высоко в горах, в долинах, на степных просторах. Цветут на многих тысячах гектаров. На станции имени академика М. А. Лисавенко в это время благоухает сирень, распускаются тюльпаны, нарциссы...

Остаться жить в делах своих, в сердцах и душах людей, в их делах — не в этом ли самое высокое назначение человека!

1969 г.

Тополинный снег

РАССКАЗ

Приходилось ли вам возвращаться через много лет в свои родные места? Туда, где промелькнуло ваше детство, откуда ушли на большую и не всегда ровную дорогу жизни. Как стрижи пронеслись годы, вы выросли, мужали, теряли детские иллюзии об окружающем вас мире и, чего таить, черствели душою, а родительский дом оставался для вас землей обетованной, куда вы никак не могли собраться. Но чем старше становились, тем чаще и чаще вспоминали вы отчий край, светлые детские годы и, наконец, не выдержав или по какому-нибудь случаю, собирались и ехали хоть одним глазком взглянуть на ту давнюю полузабытую синюю даль, что зовется босоногим детством.

Чем пахнет детство? Летом, солнцем, ягодой, веселою грозой, степными травами. Мало у человека зимних воспоминаний о детстве; этого ему хватает во взрослой жизни...

Видимо, и еще тридцать лет не побывал бы я на родине, если бы не «горящая» путевка и не мой радикулит.

С поезда я сошел в Бийске. Смотрел на белое каменное здание вокзала, на высокие тополя, на подходившие за курортниками автобусы со знакомыми и полузабытыми названиями селений, через которые они держат путь, и та давняя милая жизнь, сам воздух детства окружили и заполнили меня.

Я сел в автобус «Бийск—Белокуриха», заранее волнуясь от того, что на полпути этого маршрута лежит мое село, что я увижу его и вернусь в далекое прошлое.

Автобус трясся по булыжным мостовым, и я не узнавал города, но по

каким-то мне самому непонятым приметам догадывался, что вот именно по этой улице ехал когда-то с отцом на райкомовской «эмке», а по этой вот шел с ним на фильм «Мы из Кронштадта», который потряс меня событиями, рассказанными в нем, а главное, может быть, звуком, ибо до этого в своем селе я видел только немые кинокартины.

Когда выехали на берег Бии, увиделся на другой стороне великолепный сосновый бор. В нем была больница, она и сейчас, наверное, там стоит. Когда-то из той больницы мы с отцом увозили мать после операции, не ведая, что через два дня будет она лежать на простом кухонном столе и ей будут зашивать лопнувшие швы на животе, а в окнах будет полыхать отсвет пожара. Зимней морозной ночью подожгут кулаки райком партии.

Старого разводного моста через Бию не оказалось, над рекой высился новый добротный мост, под которым свободно проходили пароходы. И дорога, после моста повернувшая вдоль светлого бора на курорт, была совсем другая — асфальтированная, прямая взамен ухабистой и петливой. Даль, открывшаяся отсюда, синие горы в степном мареве, и сама степь, обдута ветрами, и низина, зажата двумя реками — Бией и Катунью, — все это, освещенное полдненным солнцем, было памятным, до боли в сердце родным, ничего здесь не изменилось, и я сразу узнал все.

Проехали долину, которая в половодье заливается двумя реками и превращается в море, и наш автобус подошел к наплавному мосту через Катунь, холодную и быструю. Тогда его не было, и мы всегда ждали парома. Ранним утром, после тягостного ожидания и надрывного крика «Паро-ом!», он выплывал из розового от восходящего солнца тумана, сначала смутно и расплывчато чернея неясной грудой. Потом все отчетливее прорисовывалась какая-нибудь повозка или оседланный конь. Снесенный свирепым течением, паром выплывал откуда-то сбоку и, казалось, проскочит мимо, не угадает к причалу. Но вот уже слышно, как перебирает, волнуясь, ногами конь, гулко стучит подковами по дощатому настилу, вот уже глухо шаркает о причал паром и замирает, натянув канат. Вот уже облегченно ступает конь по сходящим, косит настороженным глазом на воду, стараясь побыстрее сойти с неверной опоры.

И вот уже наша телега на пароме. И снова зыбится туман и просвечивает где-то внизу и сбоку белая, чуть подсиненная Катунь. И река кажется безбрежной и враждебной, и мне, мальчишке, жутко, но я не признаюсь и сижу, нахохлившись, на возу сена, которое мы с дедом везем в город продавать. Сажу, прикрытый попоной, пропахшей лошадиным потом, а подо мною холодное шуршащее сено с чистым и крепким запахом разнотравья. От одной мысли, что где-то внизу, под тонким настилом катит студеная волна, у меня по спине ползут знобкие мурашки. На такое жестокое испытание я соглашаюсь только из-за волшебного слова «город», из-за этого сказочного царства с его пыльными мостовыми, с базаром, шумным

и пестрым, с женщиной-пауком в балагане. Каждый раз, когда я видел человечью улыбающуюся голову на фоне зеркала и вместо рук и ног паучьи лапки, меня охватывал сладкий страх. Как достигался этот фокус, до сих пор не знаю. Видимо, при помощи оптического обмана, так как вокруг этой женщины-паука было много зеркал.

А еще меня ждали в городе медовые пряники и восхитительное мороженое, которое иные пацаны в селе нашем и не едали. И еще шипучая розовая вода, бьющая в нос. Пьешь ее — и дух захватывает. Город — это другая земля, другой мир, и уже накануне я обмирал от счастливого трепета и никак не мог уснуть, а ночью вскакивал с ужасной мыслью: «Проспал!» Но нет, даже дед еще не вставал, рассвет едва-едва брезжил в окне, и я засыпал в счастливом нетерпении...

А автобус все катит и катит по сверкающему зеркалу асфальта туда, где лежит мое село, где мечтал я о чем-то далеком, горел непонятной любовью, не сознавая, что именно люблю. И только позднее, когда лишился всего этого, понял, что люблю эту степь, это несказанно высокое небо, синие горы на горизонте. Теперь с понятием «родина» я связываю именно эти места. А тогда я не понимал, что самое яркое, самое дорогое, самое чудесное и неповторимое в мире — это мое детство здесь.

У обочины дороги пасутся две лошади. Бозле них взбрыкивает на тонких ножках — сыт и весел! — рыжий сосунок-жеребенок. Его мало еще интересует трава, ему довольно материнского молока, и он любопытен, глуп и шаловлив. Он изумленно уставился на автобус и вдруг, решив потягаться с ним в скорости, выскочил на асфальт и припустил впереди машины. Ах, как он старался, как выцокивал по асфальту, показывая нежное светлое подхвостье и распушив по вольному ветру мягкую гривку! Шофер потихоньку гудел, сбавив скорость, а жеребенок все надавал и надавал, гордый, что вот бежит впереди дурно пахнущей машины и она не может догнать его, и косил на нас ясной черносливиной глаза. Одна лошадь подняла голову и заржала. Чисто и звонко отозвался на зов жеребенок, отскочил на обочину, взбрыкнул, показав нам опять нежное подхвостье, и, прядая торчком поставленными ушами, будто наострив их в ответ на призывное ржание матери, запылил бодро к ней, видимо, тут же забыв о нашем существовании. А лошадь-мать снова опустила голову и спокойно, трудолюбиво щиплет окрепшую и набравшую силу траву.

Я оглянулся и увидел, что жеребенок уже толкает мордой под материнский пах, хвост его дрожит от нетерпения и, видимо, он уже захлебывается теплым молоком.

В автобусе повеселели, заулыбались, оттаяли сердцем. И подумалось мне: счастлив тот человек, детство которого прошло в деревне. Он ближе к природе душевно, лучше понимает ее, острее чувствует. Эта степь, эти березы, этот осинник, этот жеребенок, светлый и чистый в своей детско-

сти — все это родина. Да разве заменишь эту опушку леса каким-нибудь городским сквером, порою небрежно и безвкусно возделанным, с подстриженными по ранжиру кустными деревьями! Сейчас вошло в моду отпиливать верхушки деревьев, и стоят они жалкие, обезображенные, неэстетичные, отмеренные прокрустовой меркой. Спросите у городского жителя, что он помнит из детства, и он ответит: как ездил в деревню к бабушке или в пионерлагерь, как удил рыбу или ходил на охоту, то есть вспомнит лучшие часы, проведенные на природе.

Деревня — исконное, изначальное селение человеческое, и оно остается в нас, хотим мы этого или не хотим. И как много теряют городские ребята, пресыщенные благами цивилизации, но не видевшие ни коровы, ни овцы; я не говорю уж о таком вот жеребенке, один взгляд на которого способен осчастливить любого мальчишку. Пожалуй, отсюда и возникает потребительское отношение к природе, неуважение к ней. Посмотрите лес, поляну или берег реки после иной воскресной вылазки городской молодежи, грамотной, модной, с транзисторами, орущими в первородной тиши леса или степи. Обрывки грязных газет, пустые консервные банки, разбитые бутылки, остатки еды, сломанные и срубленные деревья, вытоптанная трава... Недаром ведь впервые за всю историю человечества пришлось создать закон об охране природы, и не просто какого-нибудь участка, а всей природы в целом!

Я попросил остановить автобус, прихватил свой чемоданчик и под удивленные взгляды пассажиров сошел. И сразу же оказался в степном безмолвии, на теплой земле среди духмяного запаха нагретых трав и поспевающих хлебов. Вдруг я уловил сухой горьковатый дурман, памятный с детства. По обочине дороги росла полынь. Мы ломали ее на веники; зимой хорошо таким веником обметать валенки. Не удержался и вошел в полынь, высокую, по пояс. Она цвела мелкими желтыми пуговками и была удивительно похожа на мимозу, которую в Москве к Восьмому марта продают на всех углах за бешеные деньги. Такой же мелкий цвет, такая же ветка, такой же крохотный листок. И ведь не поверит иной городской житель, что запах у полыни приятный, просто великолепный запах. Уж очень ее охаяли в литературе. И вдовья-то трава она, и судьбину горькую опять же с ней сравнивают, и еще всяких нелестных эпитетов надумали. А трава эта полезна, и не только тем, что идет на веники. И лекарства из нее изготавливают, и запах, повторяю, отменный, в комнате освежает, и блох не будет — не терпят они полыни.

Вдали на тракторном прицепе таскали сенокосилку. В этих местах когда-то косили и мы. Вон там, на опушке, стоял наш шалаш. Может, правда, и не на той опушке, но очень похожей на ту, давнюю, и мне хочется, чтобы это была именно она. Сейчас вот стрекочет сенокосилка, а тогда — вручную. И старики, и бабы, и пацанва постарше становились в ряд с му-

жиками. А девчонки ворошили граблями сено в валках. В обед, когда старшие отдыхали в тени, бродили мы по скошенным луговинам, подбирая осыпанную клубнику. А вечером, когда остывшее солнце уйдет за горизонт, когда в лощинах соберутся синие сумерки и потянет свежестью, лежим мы на холодеющей траве или у костра и слушаем страшные истории про чертей и нечистую силу и робеем отбежать от костра в темноту даже по крайней нужде. Сидишь, слушаешь, покуда сладкая истома не разольется по телу и не слипнутся глаза. Еще слышишь непонятное «бу-бу-бу», а сам уже спишь, и только почувствуешь сквозь сон, как кто-то заботливо накроет тебя дерюжкой. А утром проснешься от звука натачиваемой косы: взрослые уже встали и готовятся к покосу.

Эти детские сенокосные дни! Работашь только по охотке, купаешься вволю, носишься по лугам — свободный, счастливый и беззаботный. И сердце легкое и крылатое. И минутные беды проходят быстро. Не успеют еще просохнуть слезы, еще искрятся они на ресницах, а уже смеется пацан и несется сломя голову по вольной волюшке — степи зеленой.

Я иду по шоссе, меня обгоняют машины, гудят, шоферы предлагают подвезти. Я отказываюсь, я хочу войти в свое детство пешком. Много раз протопал я по этой дороге, тогда пыльной и разбитой, протопал навстречу удивительному и прекрасному, и жизнь казалась бесконечной. С детства тянет человека в даль, в неизвестное, навстречу какому-то чуду, и часто, ох как часто он его не находит! И оглянется человек, и увидит, что самое счастливое уже прошло, промелькнуло, а он его и не заметил. И все же какой удивительный дар дан человеку — всегда надеяться на лучшее!

Сколько раз здесь, в степи, заставляла нас гроза. Обломится небо, ответный гул прокатится по земле, а за ним ливень хлынет: беги не беги — все равно не удерешь. А после дождя засверкает на солнце степь — глаз режет, и несемся мы по мокрой траве, поднимая брызги, несемся навстречу радуге, вставшей над землей в полнеба. Набегаемся, уморимся и долго еще месим грязь до села. Придем такие усталые, что за столом засыпаем. А утром, едва перехватив чего-нибудь и припрятав горбушку хлеба за пазуху, снова в степь, на волю, в синь!

А вот и увал. Увал моего детства. Тогда он мне казался гораздо выше. Прямо передо мной, внизу, раскинулось село. Боже мой, тогда мы от села до этого увала шагали-шагали, а он, оказывается, совсем рядом! Нет, пожалуй, все же это село так разрослось и подступило к самому увалу.

Я ложусь в тихие травы и лежу, как когда-то в детстве. Куда ни кинь глаз — колосятся овсы, зеленеют островки березника, на далеком и высоком горизонте, будто приподнятые над землей, парят горы. И тишина, тишина, несказанно прекрасный покой.

Тогда мы любили лежать здесь после разбойных набегов на степь, глядеть на непостижимую красоту неба, на белые легкие облака, и хоте-

лось плыть с ними куда-то далеко-далеко по спящей синеве в тот прекрасный и яростный мир, который ждал нас. О-о, сколько воспоминаний связано у меня с увалом! Здесь мы гоняли в догоняшки, едва сойдет снег, здесь мечтали летом о дальних странах и морях-океанах, сюда приходили зимой кататься на лыжах. Избегивались мы по степи так, что ребра просвечивали сквозь кожу, носы лупились и с плеч сползало по десять шкур. И вот теперь лежу на увале, и кажется, не было тридцати лет, как уехал отсюда. Ибо где же они, эти годы? Куда подевались? И кто я? Прежний мальчишка или взрослый поседевший мужчина? Неужели прошло целых тридцать лет? Целая жизнь? Но я и сейчас готов мечтать о дальних странах, о неведомых островах, о морях-океанах, о диве дивном, о чуде чудном. Я готов побежать и босиком, разве что сердце заколотится — не позволит, а так я все тот же мальчишка. Вон идет в степь орава пацанов, размахивают руками, горланят от избытка чувств. Кто они? Может, мои сверстники? Эй, ребята, возьмите меня с собой! Куда вы идете? Остановитесь! Счастье здесь, диво дивное здесь, чудо чудное здесь. «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Нет, летит, не остановится. И тридцать лет — как мгновение!..

Под увалом обелиск — памятник расстрелянным за Советскую власть в девятнадцатом году; в моем детстве его еще не было. Много изменилось, многого и нет. Нет, например, знакомой церкви. Влезли мы однажды тайком на ее колокольню и впервые испытали чувство высоты, задохнулись от счастья и страха, увидев под ногами село. Может, тогда и родилось желание стать летчиком. Мы долго не решались тронуть колокол, висевший на перекладине, белой от голубинового помета, а когда тронули, низким утробным гудом отозвалась медь. Я помню, как снимали с той церкви крест, как ночью ударил колокол, а наутро по селу пополз слух, что господь разгневался и быть беде великой. А через несколько дней сгорел райком и в отца моего стреляли...

Нет церкви, снесли. На ее месте стоит новый, красивый клуб. Нет и деревенского погоста с часовенкой, где поздним вечером увидели мы жуткого человека, волчьим порыском уходившего в степь. Потом узнали: бандит это был, а еще позднее сами видели, как ловили его милиционеры. Кладбище теперь на новом месте, а здесь, на старом, разбит сквер, а рядом стадион. Характерная и необъяснимая черта нашего времени: создавать скверы и парки на старых кладбищах. Надрывается джаз, длиннолобые, бледнолицые извиваются в твисте или шейке, а внизу лежат кости суровых дедов и бессловесных бабок. И не могут родственники прийти на могилку и помянуть дорогих людей, подправить холмик, посадить цветы. Как будто нельзя парки и скверы разбивать на новых местах, а старые кладбища сохранять в память и уважение к своим предкам, к тем, кто нам даровал жизнь!

Я оглядываю запущенный сквер, зная, что где-то здесь лежит дорогой мне человек, Ликановна, старушка-соседка, которая спасла меня, когда меня топил в реке кулацкий сын. К ней бегал я осенью лакомиться сладкими паренками — тыквенными ломтиками, паренными в русской печи. И не было ничего слаще их! Она следила за мной и нашим домом, когда болела мать. Куда я положу букетик полевых цветов и где постою в грусти?

Возле сквера воздвигнут еще один обелиск — погибшим в Отечественную войну. На нем имена. Много имен, очень много. Далекое сибирское село отдало полтысячи своих сынов на алтарь Отечества. Я читаю длинный список и вижу знакомые фамилии, но не знаю, те ли это люди, о которых я думаю, или нет. В моем селе, как и во всяком русском, много однофамильцев.

Вот она, война! Не кончилась и не кончится, покуда будут на земле живые люди, покуда будет память о погибших.

У обелиска насыпано белым-бело тополиного пуха, будто снегом запуржило. Мы любили собирать этот снег. Собирали целыми комками, кисти срывали, раскрывали зеленые зерна и вытаскивали из них шелковистые, прохладные, чистые комочки пуха и с удовольствием жевали.

Я подхожу к дому, в котором провел свое детство. Но во двор не вхожу, не знаю почему, но не вхожу. Совсем недавно мой знакомый писатель жаловался: «Понимаешь, приехал на родину, заглянул в дом и все испортил. Пишу книгу, в ней мой дом должен быть тот, давний. А теперь все разрушил, все воспоминания, хоть плачь!»

Странное у меня сейчас состояние. Будто живу в двух измерениях. Знаю, что старого кладбища нет, что вместо него сквер, а все равно вот отошел и опять вижу внутренним взором старое кладбище. И церкви нет, и площадь базарная изменила свой вид, а я все вижу по-старому. Вижу все изменения, а память сопротивляется, ей хочется видеть село тем, давним, селом моего детства.

Я хожу по селу, по берегу речки, хожу и вспоминаю. Вот здесь топили меня. Спасибо Ликановна шла полоскать белье и отняла. А вот тут мы с Вовкой, дружком моим, топили уже совершенно самостоятельно, со страха вцепившись друг в друга. Речка два маха ширины, курица перейдет — перья не замочит, но есть под берегом омутки. В один из них мы и угодили. А вот мост, с которого ныряли. Мост все тот же, только висит дорожный знак, запрещающий въезд машинам. Ветхий стал. Под ним проплыли мы с Женькой на льдине. Приткнулась в половодье к берегу льдина, забрались мы на нее, чтобы показать пацанам свою храбрость. Не успели оглянуться, как уже поплыли. Обсосанные рекой сизые крыги налетали на нашу льдину, и у нас из-под ног уходила зыбкая опора. Поймали нас за селом. Дома так выпороли, что до сих пор помнится.

Хожу я по родному селу, и щемящая грусть заполняет сердце. Никто не знает меня, никто не останавливает. Я из другой жизни.

А вот и школа с ее тополиным садом.

Когда я вспоминаю село, то в первую очередь вспоминаю этот школьный сад, высокие тополя, видимые далеко-далеко в степи. Сюда в первый класс привел меня мой дядя, тогда еще молодой парень. Привел и оставил одного с ребятами, шумевшими вокруг костра. Прозвенел звонок, все разошлись, я остался один, не зная, куда идти и что делать, и робея перед этим длинным одноэтажным зданием. На мое счастье, из четвертого класса в первые же минуты первого урока был изгнан за какую-то проказу Вадим Тонких, старший брат моего друга Толика. Он-то и привел меня в первый класс. Открыл дверь, больно толкнул меня в спину и крикнул учительнице: «Вот вам еще один голопузый!»

Надо мною шумят тополя, увешанные гирляндами белого пуха, и вся земля покрыта тополиным снегом. От легкого ветерка сыплется этот снег мне на голову, которая и без того уже забуранила по вискам.

Здесь горел костер, когда меня принимали в октябрята, а позднее в пионеры. Сейчас в пионеры принимают оптом, всем классом, и хороших учеников и средних. Утверждают, что непедагогично, если принять только лучших. В мое время принимали только лучших. И как же мы старались, чтобы быть принятыми! У меня до сих пор хранятся билеты ударника. Только с таким билетом за учебу и имел право стать пионером. И ничего — педагогично было. Мой же сын не беспокоился: он знал, придет время — примут. И поэтому пионерство для него — пустая формальность. Утеряна революционная романтика слова, а ведь все начинается с малого: и любовь к родине, и сила идеи. «Ну, это уж слишком! — скажет кто-нибудь. — Ведь дети. К чему такие обобщения, к чему такая прямолинейность?» Я так и вижу того писателя, который на одном из совещаний обвинил меня, ни много, ни мало, а в публицистичности моих книг. В одной из них взрослый человек объясняет сыну суть классовой борьбы, объясняет по-взрослому, как равный равному. «Поймет ли мальчик! — воскликнул писатель. — И зачем так прямо, в лоб? Тоньше надо, тоньше!» А я вот думаю: ничего, мы понимали. Да и трудно было не понять, что такое классовая борьба, когда в отца твоего стреляют, когда поджигают райком, когда ломятся ночью в дом вооруженные люди совсем не для того, чтобы пожелать спокойной ночи, когда выходишь утром на крыльцо и видишь прирезанную корову и отравленную собаку. Не до тонкостей было тогда, и почему, спрашивается, сейчас я должен писать обо всем этом «точко»!

В школьный сад выходят окна больницы, где я лежал когда-то после операции, которую сделал Семен Антонович Заовражный, бессменный хирург сельской больницы. Я знал, что где-то рядом находится и домик

хирурга, и без труда нашел его. На крыльце сидели девочка лет двенадцати и мальчик лет восьми. Я подумал, что это дети моего дружка Олега, сына доктора, и спросил, дома ли отец. Они сказали, что папы дома нет. Вышла молодая женщина и подтвердила их слова. Я пообещал зайти попозже и подумал, уходя: «А жена Олега ничего, симпатичная женщина».

Я пошел искать свою первую учительницу, ту самую, к которой меня втолкнул Вадим Тонких на первый урок. Домик ее утонул в сирени. Я вошел в калитку со сложным чувством радости и грусти. Из-за дома, по каким-то своим делам, выскочил огромный рыжий пес. Увидев меня, остолбенел на миг и залился тонким испуганным лаем. Я поспешно брякнул в низкое окно. «Сожрет, дьявол!» На мой стук вышла пожилая женщина, босая, с тяжелыми крестьянскими руками, но лицом еще моложавая, с короткой модной стрижкой. Странно, я почему-то думал, что встречу ту давнюю, молодую и красивую свою учительницу, и хотя знал, что так не может быть, но все же никак не мог представить ее вот такой.

— Евдокия Андреевна? — спросил я, хотя уже видел, что это она.

— Да.

Она выжидательно смотрела на меня. Я назвался.

— Толя! — ахнула Евдокия Андреевна, сразу же вспомнив мое имя, чем немало удивила меня: ведь у нее тысячи учеников. — Боже мой, какой стал! Не узнать!

Где уж было узнать! Целая жизнь прошла. И фронт, и госпиталь, и учеба в институте, и работа на заводах Урала и Сибири — все было в этом многолетнем и мгновенном отрезке времени, который теперь отделял меня от того далекого мальчишки, что учился когда-то выводить первые буквы у этой вот учительницы.

— Да что же мы стоим! — спохватилась Евдокия Андреевна. — Проходи, Толя, проходи!

Страшный рыжий пес умиленно махал хвостом и старался лизнуть мне руку. Теперь только я разглядел, что пес-то совсем еще щенок. Вымахал с телка, а сам еще глуп, любопытен и добродушен.

Евдокия Андреевна хлопотала возле стола и одновременно засыпала меня вопросами.

И вот мы давно уже сидим за столом, на котором начатая бутылка, свежие огурцы, сметана, яичница, успевшая остыть. Мы все говорим, говорим, вспоминаем, вспоминаем.

— А Федю Цыплакова помнишь?

— Нет, — сознаюсь я.

— Ну как же! — удивляется Евдокия Андреевна. — Он все большой палец сосал в первом классе. Все пальцы фиолетовые от чернил, а большой белый. Не помнишь?

— Нет, — улыбаюсь я; что делать, не помню обсосанный палец.

— Вы с ним вышивали лучше всех на уроках труда, — старается напомнить мне Евдокия Андреевна.

Убей, не помню даже, что вышивал когда-то.

— Он еще, когда райком сгорел, когда вы давали клятву бороться за Советскую власть, он тогда расплакался в строю и убежал из класса. Помнишь, как райком горел?

О-о, это я помню! Очень хорошо помню. Райком был напротив нашего дома, через дорогу. Накануне мы с отцом привезли из Бийска мать после тяжелой операции и отец снова уехал в командировку. В ту ночь я проснулся от тревожного стука в окно, на стеклах плясали отблески огня, и мне показалось, что началась война. Я торопливо оделся, выскочил на улицу, в зимнюю ночь, и остолбенел: пылали райком. Яростные клубы огня и дыма рвались из окон, ярко освещая дорогу. На перекрестке стояли два пьяных мужика, и один из них, высокий, в тулупе, говорил: «Надо в райком сообщить, образовался пожар». «Он и есть вот райком», — отвечал другой, поменьше. Высокий тупо глядел на огонь и снова начинал: «Надо в райком известию пустить».

Мать, которой совершенно нельзя было еще подниматься, вышла к калитке и тут же упала. Ее унесли в дом председателя райисполкома и там, на кухонном столе, Семен Антонович Заображный зашил ей лопнувшие швы. А во дворе, в морозном синем воздухе, необычно и крепко пахло духами. Посреди двора были свалены наши вещи, их вытащили и перенесли сюда, боясь, что займется и наш дом.

Утром, в дымном рассвете, стоял я у пепелища. На месте двухэтажного райкома чадили только головешки. Прискакал на запаленном коне отец и долго стоял над пожарищем, а когда поднял голову, я содрогнулся от жесткого взгляда его серых глаз. «Посмотрим, кто кого!» — процедил он сквозь зубы и пошел, прямой, сильный, не заметив даже меня. Этот морозный рассвет, чад пожарища и отца, решительно шагавшего прочь, я запомнил навсегда.

— А Валя Дрезов где? — спрашиваю я о сыне аптекарши.

— Погиб. — вздыхает Евдокия Андреевна. — В самом начале. Он летчиком был. Мать его умом тронулась, как узнала.

Ах, Валька Валька, мой соперник! Мы с ним за одной девчонкой бегали. Валька был примечательный мальчишка. У него был двойной ряд зубов вверх. Как у щуки. Мы им гордились. Не в каждом классе такой найдется.

— А Рита замужем, в Новосибирске живет. Трое детей.

— Какая Рита? — спрашиваю я.

— Перова. Помнишь, нет? Он ей письма с фронта писал. Они ведь договорились пожениться.

Ритка! Это та самая девчонка, за которой мы ухлестывали. У меня

сохранилась фотокарточка, где мы сидим все вместе: Валька, она и я. Отличники. Стриженные под машинку, лопухие и хмурые.

— А Нежданову Риту помнишь? — спрашивает Евдокия Андреевна. Помню, но очень смутно.

— Тоже погибла, — вздыхает Евдокия Андреевна, — медсестрой была. В Берлине уже, после войны. Письмо подружки прислали, писали, что из какого-то дома выстрелили. Очень она уважительная была и стеснительная. Между прочим, о тебе часто вспоминала, все интересовалась, где ты и как.

— Да? — удивляюсь я. — А я ее плохо помню.

— Бывает, — понимающе улыбается Евдокия Андреевна. — Часто мимо человека проходим. Хотя, что я говорю, дети вы совсем были.

Мне становится неловко от того, что не помню я эту девочку. Я понимаю, что хочет сказать учительница. Мы действительно часто проходим мимо настоящей любви, все ищем ее где-то, а порою и не верим, что бывает такая любовь, что, мол, все это писатели напридумывали.

— А Володя Кораблин? — спрашиваю я.

— Это военного комиссара сын?

— Да.

— Без вести пропал. С сорок третьего. Как пошел, так в первый же месяц и пропал.

В сорок третьем. Значит, мы с ним в один год пошли. Его отец катал нас на сером в яблоках рысаке. Таких на лубочных картинках рисовали. Рысак этот у бандита был отобран, у знаменитого в наших краях бандита, кулацкого сына. Мы бегали смотреть, как ловили мартовским утром этого парня на огородах. И несколько дней жили этим событием, играли в игру, где захватывали бандита, и никто не хотел быть им. Помню, когда мы с Вовкой рассказывали Фильке о том, что видели, то он плакал от обиды, что не захватил этого зрелища.

— Я все жду, когда ты спросишь о Филе, — вдруг говорит Евдокия Андреевна, будто прочитав мои мысли. — Не забыл своего дружка? Он здесь, в совхозе работает. Заведующий ремонтной мастерской.

— Жив Филя! — восклицаю я, пораженный. Уж и не знаю откуда, но дошел до меня слух, что дружок мой загадочный погиб на фронте. Поэтому я и не спрашивал учительницу.

— Жив курилка, — улыбается Евдокия Андреевна. — Сходил на войну и жив остался.

— Встретиться бы!

— Встретишься. Раз приехал — встретишься. Он тобою гордится, всем говорит, что на одной парте сидели, дружками были — водой не разольешь. Ты у него — главная тема, как выпьет.

— Далеко он живет?

— Да нет, в новом поселке. У нас теперь новый поселок есть, на берегу Песчанки. Там механизаторы живут. Квартира хорошая у него.

— Ну, и как он? — с нетерпением хочу услышать я о Филе.

— Да как, — замылась было Евдокия Андреевна. — Не знаю, рассказывать ли. Да уж заикнулась — расскажу. Свой ты человек, да и в писательстве, может, пригодится.

Евдокия Андреевна вытирает рукой сухие губы, как это делают пожилые деревенские женщины, и начинает:

— На войну-то он ушел женатым. Рано женился, в семнадцать. А когда вернулся, жена уже двойню принесла.

— О-о! Молодец Филя!

— Молодец, да не он, — с тихой горечью улыбается Евдокия Андреевна. — От другого принесла. Ну, и запил он, забуянил. Убивать ее собирался сколько раз. Она ко мне прибежит, бывало, ночью, трясется вся. Мы тогда в соседях жили, тут вот они жили, через дом. А он ко мне не шел, он меня уважает. Утром я его корю, а он упрет глаза в землю, ровно бык, и гудит басом: «Пушай она на вас молится, Евдокия Андреевна, свечку ставит — решил бы я ее высрать». Посадят, говорю, дурак ты эдакий. Это не резон для меня, говорит. Вот ребятишки осиротеют — жалко. Чего ж ты, говорю, бегаешь за ней с ножом, ежели так? Кровавую обиду нанесла, говорит.

— А кто его жена?

— Как кто! — удивляется Евдокия Андреевна. — Разве я не сказала? Настя Черемшанова.

— Настя! — ахаю я.

— Она, она. Я вам с ней первым билеты ударников выдавала в первом классе.

Вот тебе раз! Настя — Филина жена. Рыжий конопатый Филя и строгая красавица, смуглая, как цыганка, Настя! Интересно! Впрочем, почему — интересно? Жизнь — она такая.

— До сих пор воюют, или как?

— Да нет, приутих Филя. Да и годы прошли. Совместных двоих заимели. А те, двойнята, взрослые уже. У девки-то сын уж народился недавно. А любит ли Филя, как родных. Поколачивает Настю, правда, когда перепьет. А так ничего, живут.

Как же летит время! Филя уже дедушка, во всяком случае, Настя — бабушка. Ах ты жизнь скоротечная! Пыхнет и нету. Хорошо еще, если она ровная, а если нет? Знаю одну семью я, связанную просто условностью. Он изменяет, она тоже. И не любят друг друга, а живут. Он боится подать на развод, боится, что ему влепят строгача и полетит с должности. А она ждет, когда подрастет ребенок. Кому нужна такая семья? Им? Обществу? Партийной организации, которую он боится? И ходят эти двое,

изолгавшиеся, с надломленными душами, и все об этом знают, и делают вид, что все в порядке. Лишь бы внешние приличия были соблюдены, а там — как хотите!

— А Назаровы? — вспоминаю я.

— Старший на Курской дуге в танке сгорел. А младший — инженер, в Бийске на заводе работает. А Борис-то — Герой Советского Союза.

Сгорел Борька! В детстве был слаб здоровьем, все прихварывал, поэтому, видать, и читал много, все рассказывал нам про Робинзона Крузо, про Тиля Уленшпигеля, капитана Кука. Был выдумщик и романтик. Вставал на зорьке и спать ложился тоже рано, с курами. И все тянуло его на свершение дел необычных. К Северному полюсу звал нас: меня и своего братишку Витьку. По пояс в снегу лазали мы за ним по сугробам, представляя, что наша экспедиция идет по следам Роберта Скотта к Южному полюсу. А потом, после таких путешествий, он болел обязательно. А на Курской дуге вел за собой танки капитан Назаров, Герой Советского Союза.

— А Тонких? — с робостью спрашиваю я: уж очень страшные ответы дает на мои вопросы старая учительница.

— Один тоже остался, — вздыхает Евдокия Андреевна. — Вадим разведчиком был. Погиб неизвестно где. А младший учился в институте в Новокузнецке. А потом куда-то уехал. Родители-то их давно уж отсюда уехали. Ведь от родителей все узнаешь, где да как их дети.

И Вадим погиб! Это он пихнул меня в первый класс в тот далекий день первого сентября. И бил однажды. Крепко бил. За то, что предал я его. Стащил Вадим в одно прекрасное утро отцовский наган, спрятал в бревнах перед домом и похвастался мне, когда я ни свет ни заря переперся к его младшему братишке Толику, моему дружку. Обмер я, увидев наган. А когда он сообщил, что собирается с пацанами в степь уток стрелять, я стал проситься с ним. Он сказал, что мальков не берет. Потом мы с Толиком вдвоем просились, опять отказал. И надо же было случиться так, что именно в тот день мы с Толиком, видимо, с горя, решили научиться курить, чтобы почувствовать себя взрослыми. Надергали моху из пазов бани, залезли на чердак и засмолили. За этим восхитительным занятием и застала нас Толикина мать, когда полезла на чердак за веником. Над нами нависла более чем реальная угроза порки. Вот тут-то и ляпнул я, чтобы отвести угрозу, про наган. Тетя Лена ахнула, побелела, кинулась в дом к сундуку, где хранился мужнин наган. Через полчаса в степь ускакало несколько конных милиционеров. Вадим не успел даже выстрелить ни разу, как накрыла их милиция. Потом я носил совершенно справедливые синяки и распухшую губу.

Как-то встретил ты свой смертный час, разведчик Вадим Тонких! Где, когда? Знаю одно: сражался ты на славу. Ты с детства был храбре-

цом. Это ты первым кидался с моста в омут, первым лез драться на зареченских кулацких сынков, это ты на спор ходил на кладбище и просидел там целую ночь, и по огородам тоже лазал первым. Не было тебе равных на селе. Разве что Женька Зорин мог потягаться с тобой.

— А Зорины как? Их тоже было двое. Неужели...

— Нет. Двое и осталось. Повезло. — Евдокия Андреевна вздыхает. — Так повезло, что дальше некуда. Евгений-то вернулся контуженый, на этой почве у него стало тихое помешательство. Живет под Новосибирском, запомновала, как городишко называется. А младший — Витя, кажется?..

— Да, Виктор.

— Он теперь военный, офицер Советской Армии. Ракетами где-то командует.

Вот как прокатился каток войны по моим друзьям и ровесникам. Женька, здоровяк Женька страдает теперь таким недугом. Он был самым сильным из нашего класса. У меня сохранилась фотокарточка, где лежим мы в школьном саду: Борька Назаров, Женька и я. Борька — худенький, болезненный, я — с девчоночьими бровями, за которые меня дразнили, и Женька. И вот самый здоровый из нас — теперь самый больной, а другого нет совсем. Ах ты, распроклятая война!

Я сказал, что был у Заовражного, видел Олегову жену и детей.

— Олеговых? — удивилась Евдокия Андреевна. — Нет, он в Томске живет и дети его там. У него двое: мальчик и девочка.

— Я их видел.

— Нет, — улыбается Евдокия Андреевна. — Это самого Семена Антоновича дети.

— Семена Антоновича? — удивляюсь я и мысленно представляю себе седого еще во времена моего детства доктора.

— Самого. У него другая жена.

— А Мария Павловна?

— Померла. Давно уже. Прямо на огороде и померла, лук полола. Семен Антонович один совсем остался, ну, а пожилому мужчине обиход нужен. Да не только пожилому, — тихая улыбка касается губ учительницы. — Куда вы без нас! Нанял домработницу он, а потом на ней женился. И дети от нее. А Олег знаешь на ком женат?

— На ком?

— На Леле Трусовой.

— Да что вы говорите!

Ну надо же! Филька на Насте женат, а Олег на Леле. Тогда, в далеком детстве, таскал я записки к Леле от Витьки Карташова, самого красивого, на мой взгляд, паренька в школе. Красота его заключалась в том, что у него была сильно разрезана нижняя губа и срослась она неправильно, бугром. И это придавало ему мужественный вид и что-то такое таинст-

венное. Мне очень хотелось тогда, чтобы и у меня была располосована губа. Леля училась в пятом классе тогда, Витька в шестом, Олег тоже в пятом, а я в третьем. И от Лели к Витьке я таскал записки. Их дразнили «жених и невеста». А теперь вот Леля за Олегом.

Мы долго молчим. За окном меркнет день. Солнце низко, блестит на огороде обрызнутая дождичком картофельная ботва, по которой шастает пес-телок.

— Я все спросить хочу, — нарушает молчание Евдокия Андреевна, — почему ты писателем стал?

— Не знаю, — пожимаю плечами я.

Я ответил правду. До сих пор, действительно, не знаю, почему меня потянуло на эту стезю, совсем не усыпанную розами. Свернул на нее и теперь никак не могу выбраться, хотя давно заметил, что по-настоящему счастлив был тогда, когда не был писателем, когда жил нормальной человеческой жизнью. Иной может сказать на это: «Ну, загнул!» Нет! Если к литературе относиться честно и серьезно, если не смотреть на нее как на средство материального обеспечения и удовлетворения тщеславия — то я прав. Это — без преувеличения! — каторжный труд. Постоянное неудовлетворение сделанным, постоянная забота о том, что НАДО сделать, постоянное нервное напряжение, отсутствие душевного спокойствия, отсутствие отдыха — все это накладывает определенный отпечаток на писателя. Правда, по первости, когда я начал печататься, было лестно, что на меня показывают глазами и за спиной шепчут: «Писатель», что в газетах и журналах появляется моя фамилия. Но потом все это стало обычным, а главное — в один прекрасный день понял я, что особое почтение вызывает писатель у тех, кто сам хотел бы стать писателем.

— Тут спор о книжке твоей. Кто хвалит, кто ругает. Наврал, говорят много. Отца не убили тогда, а пишешь, что убили. Мать у тебя была, а в книге ты сирота. Старики говорят, что и покос не на том месте описал.

— Я ведь дух времени хотел сохранить, Евдокия Андреевна, а не документальную точность.

— Я-то понимаю, а вот другие недовольны.

— Всегда найдется кто-то недовольный. Такая уж судьба писателя.

— А много ль получаешь-то?

Ах ты, господи, и Евдокия Андреевна не удержалась, спросила! Ходит у людей превратное мнение о писательском заработке. Каждый писатель — миллионер, богач и все тут! А на самом деле далеко-далеко не так. Чаше всего писатель — если он не знаменит — сидит как раз без гроша, да еще если жена не экономная, то совсем беда. Казалось бы, чего проще: возвращайся к прежней специальности, будешь счастлив, спокоен, твердый заработок обеспечен. Ан нет! Сочинительство ведь так: раз начнешь — уже не бросишь...

Еще долго говорим мы с Евдокией Андреевной, многое вспоминаем. И как мы с Филей вытащили ее из колодца, куда бросили ее ночью кулаки, и как она меня привела домой с разбитым лицом, когда кулацкие сынки били меня за пионерский галстук. Было что вспомнить нам о том сложном и трудном времени.

Свечерело, когда пошел я проведать Заовражного, пообещав Евдокии Андреевне вернуться ночевать.

Седой, с буденновскими усами здоровяк-старик встретил меня улыбкой.

— А я уже знаю, что ты по селу ходишь. Тут тебя уже признали.

Я удивился, кто мог меня признать, если сама учительница не узнала сразу.

— Есть, есть кому признать, — увильнул от ответа доктор. — Ну-ка, покажись, покажись. Вон какой стал, в отца попер. Ну и мне обязан. Помнишь операцию?

— Помню.

— То-то. Кланяйся в ножки.

Я полушутя-полусерьезно поклонился.

— Ну-ну, — сконфузился Семен Антонович. — Отец-то как? Мать?

— Отец умер, мать жива.

— Помер! Ах ты! Отчего помер?

— После операции...

— Жаль, жаль, видный был мужчина. Здоров был твой отец. Помнишь, когда его мышьяком отравили?

Это я хорошо помню. Я сам тогда купил ту муку в сельпо и принес домой. Мать напекла пышек, и отец наелся первым и тут же упал со стула и катался по полу с пеной на губах. Но железный организм его выдюжил.

— Сколько ему было?

— Шестьдесят.

— Молодой! Ведь я на шестнадцать лет его старше. Молод, молод убрался. Жаль, очень жаль. Как он тут кулачишек шерстил, до сих пор помнят. Идет, бывало, стройный, как тополь. Орел! А сколько тебе?

Я ответил.

— Выходит, ты теперь старше, чем он тогда был.

Это меня поразило. Я старше отца! Странно сознавать это. Отец был человеком судьбы необычной. А может быть, обычной, но в необычное время, как говорил Гайдар. Безграмотный парень из глухой алтайской деревни стал солдатом царской армии в первую мировую войну. Был продан во Францию за снаряды, должен был вместе с другими тысячами русских солдат защищать интересы французских капиталистов. Когда солдаты узнали о Февральской революции на родине — подняли бунт, потребовали отправить их в Россию. Бунт подавили, и отец стал каторжником в

Алжире. Бежал из концлагеря через Грецию, Македонию, Сербию, Румынию, Бессарабию. На родине сразу же стал красноармейцем. На Кавказе подхватил он малярию, был уволен по состоянию здоровья. Вернулся к себе в деревню, батрачил на кулаков. Был мобилизован Колчаком, симулировал припадочную болезнь и агитировал за Советскую власть, за что был приговорен к расстрелу. Бежал за час до казни. Снова воевал. В деревню вернулся большевиком. Первый большевик на деревне. Потом партийный работник. Здесь, в моем селе, был секретарем райкома партии. В памятные годы был снят с партийной работы и умер в безвестности. Умер трагически. После сложной операции по ошибке влили ему кровь другой группы. Медсестра, которая это сделала, приходила к нам с матерью, молила не подавать в суд, у нее трое детей. Не подали.

Когда я писал книгу об отце, перебирал его документы, то не переставал удивляться необычности судьбы и в то же время обыкновенности ее. Ибо подобный путь — от безграмотного парня до руководителя масс — прошли многие, благодаря революции. Сколько их, таких отцов наших! Поклон им до земли!..

— А как Олег? — спрашиваю я.

— Олег! Работает в Томске на большом заводе. А Лелю его разнесло — в машину не влезает. «Волга» у них. Бомба баба стала.

Она была такой тоненькой стройной девочкой, такой нежной. Я никак не могу представить себе, что ее разнесло.

— А мы ведь с Олегом на фронте встретились, — вдруг говорит Семен Антонович.

— Да?!

— Да, — улыбается Семен Антонович. — Я в санбате хирургом был, а он батареей командовал. Капитан. Мне его резать пришлось, пулю из легкого вынимать. Бои сильнейшие за Кенигсберг были. Раненые конвейером на стол шли. Перекурить некогда было. Кладут на стол, говорят — капитан. А мне все равно: капитан, генерал, рядовой. Лицо простынею закрыто, пуля в легком. Ранение плохое, рядом с сердцем, много крови потеряно. Посмотрел, подумал: плохо твое дело, парень. Из ранки кровавые пузырьки идут. Ну, думаю, держись, капитан! Семь атак, говорят, танковых отбил, отобьешь ли ее, старую, с косой. А может, и не думал так, сейчас только кажется. Тогда ведь некогда размышлять было. В общем, произвел сечение, достал пулю, все сделал, как надо. Не особенно чисто, условия не те, но сделал. Торопился, двое уже лежали на очереди, пока я его заканчивал. Убрать стали, простыня с лица соскользнула, глянул я — и ноги подкосились. Олег! До сих пор содрогаюсь. Тысячи раненых прошли через руки, а тут... И еще неизвестно, сделал бы я операцию, если бы знал, что это он. Сейчас вот думаю, сделал бы, выхода не было. Обычно своим родственникам хирурги не делают, все равно что себя резать...

Да-а, но на этом не кончилось дело. Только принялся за другого — доложили: капитан помирает! Кровь нужна. Кинулись, а крови такой группы нету, вся кончилась. Сам лег. Одна у нас с ним группа, — улыбка трогает усы Семена Антоновича. — Отдал сразу пол-литра. Выжил, чертяка. Сейчас каждый раз выслушиваю его, как приезжает. Ничего, здоровый мужик.

Семен Антонович смотрит куда-то вдаль, и улыбка медленно сходит с его лица.

— Только до сих пор покоя не найду.

— Да чего уж теперь-то? — удивляюсь я. — Живет ведь.

— Он-то жив. А тот, другой, помер. Которого я должен был зашивать. Пока я с Олегом возился, умер тот лейтенант. Вот и мучает совесть: сына кинулся спасать, а чужого бросил. С другой стороны, Олег бы умер. Вот и разберись. Тут как раз для вас, писателей, проблема.

Я промолчал. Может, тот лейтенант был моим двоюродным братом: он тоже погиб под Кенигсбергом.

Мы сидим на крыльце. Догорает заря, тихо на селе. Вплотную подступила ночь. В такие минуты хорошо думается. Человек молчит в такие минуты, что-то происходит в его душе при виде заката, может быть, это отголоски тех времен, когда у человека не было огня и он боялся наступления ночи, тьмы.

Семен Антонович курит, огонек тоненькой папироски освещает его пышные усы, и они из седых становятся медными. Задумчиво смотрит на последнюю полоску зари, говорит:

— Я вот думаю все. Пуля та, которую вытащил я из него...

Не договорив, он встает и идет в дом, возвращается с коробочкой из-под пудры, зажигает лампочку на крыльце. Открыв коробочку, показывает. В ней на ватке лежит маленький комочек свинца, бурый, вроде заржавленный. Я не сразу догадываюсь, что это не ржавчина. Это кровь Олега.

— Вот я все думаю, — продолжает Семен Антонович, — пуля эта убила бы с ним и меня, и детей бы его, хотя их и на свете не было еще.

Глядит сквозь меня куда-то.

— Не было бы их, детей его. А от них еще дети пойдут.

Он вертит пулю в пальцах.

— Вот этот комочек убил бы весь наш род, на все поколение вперед. Понимаешь! Весь род. С лица земли бы свел! А?

Строго глядит на меня.

Меня поражает эта мысль. Мне как-то ни разу не приходило в голову такое. Весь род Заовражных на сотни поколений вперед! И не только Заовражных. Убили бы тех детей, которых еще и нет в помине, и мы их не знаем и знать не будем, не доживем. А они уже были бы убиты столько лет назад под Кенигсбергом. Меня продирает мороз по спине, когда

я до конца осознаю значение этой пули, когда в таком вот обнаженно ясном смысле предстает передо мною война. А сейчас? Сейчас где-то на складах, в обоймах, в дисках мирно лежат пули и ждут своего часа, чтобы убить человека и вместе с ним весь род его на сотни лет вперед...

— А ты где воевал? — перебивает мои мысли Семен Антонович.

— На севере.

— М-м, на севере — там не малина, — задумчиво говорит Семен Антонович.

— А где она, малина, была?

— Оно, конечно, война везде не мед.

Уже совсем темно. Лампочка светит на крыльце, на нее летят мотыльки и, обжигая крылья, падают.

Мы прощаемся. Я иду мимо школьного сада, ветер гудит в тополях и сыплется пух, сыплется как снег, покрывает землю. Снег, снег, тополиный снег.

Метет поземка, замечает мое детство...

Георгий ЕГОРОВ

ОН НЕ УСПЕЛ СОВЕРШИТЬ ПОДВИГА

Судьба была щедра ко мне с самой юности: в те годы мне очень хотелось как можно больше увидеть и узнать о войне, хотелось пройти огни и воды и медные трубы, и она, судьба моя, дала мне это в избытке — протащила через четыре фронта, через сталинградскую и курскую битвы, через множество других боев, вылазок за «языком», сделала очевидцем и даже в какой-то степени участником не одного подвига армейских тружеников — разведчиков.

Однако только теперь я начинаю понимать, сколь в то же время была беспощадной ко мне судьба. Испытав множеством осколков и пуль, она сохранила мне жизнь, но сделала меня свидетелем гибели десятков моих друзей и товарищей. Одарив чувством к слову, на всю жизнь оставила должником перед памятью всех тех, с кем приходилось лазить за «языком», перед теми, кто не вернулся из поиска и кого мы принесли на плащ-палатке с нейтральной полосы.

И чем дальше уходит время, тем острее чувствуются те невосполнимые потери юности, тем четче откристаллизовываются в моей памяти образы погибших ребят, тем еще ближе они мне становятся.

За последнюю четверть века описано много боевых подвигов. Их действительно было много, этих подвигов. Но все-таки при всем этом, по-моему, часто забывают о буднях войны, о тех тяготах повседневной военной жизни, которые сопровождали человека в те годы. О чаштице того, что не считалось подвигом, но что было героическими буднями, без которых не было бы подвигов, мне и хочется рассказать сегодня, хочется отдать дань внимания одному из самых рядовых тружеников войны, человеку, не успевшему совершить подвиг.

Тот, о ком я хочу рассказать, не закрывал грудью амбразуру, не выходил один на один в открытом бою с танком, не пробирался в немецкие штабы, не добывал из сейфов стратегических планов. Он просто воевал, как воевали десятки миллионов. И останься он жив, он не ходил бы сегодня на пионерские сборы и не рассказывал бы о своих бое-

вых делах — он считал бы себя недостойным этого. Может быть, разве только в старости прикреплял бы девятого мая к выходному костюму пурпурную звездочку и три-четыре медали да, может, был бы в этот день более задумчивым. Он и сегодня был бы таким же незаметным и скромным, как и миллионы других, он и сегодня не требовал бы к себе особого внимания, как не требовал его и на фронте, как не требуют сейчас миллионы таких, как он, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни — на работе, на улице, в магазине.

Но его нет в живых, и поэтому наш долг о нем вспомнить.

Имя его Яков Булатов.

Его знал весь полк, и весь полк звал его «Заюшка». Эта кличка появилась то ли потому, что у него были вставными передние два зуба при его скуластом круглом лице, то ли потому, что однажды принес он в землянку раненого зайчонка, заботливо перебинтовал его и чуть не побил повара, когда тот захотел сварить из него суп для нас. А скорее всего потому, что в свободное время часами играл он с зайчонком, называя его ласково не «зайчик», не «зайнышка», а «заюшка», — теперь только я догадываюсь, что он, наверное, очень любил детей и все свое чувство изливал на этого зверька. Словом, так или иначе, но кличка присохла к нему напрочно, и он откликался на нее, как на собственное имя.

Был он веселым, никогда не унывающим, и, казалось, война для него была детской забавой. Я не помню, чтобы он когда-нибудь уставал, когда-нибудь жаловался на что-либо. Он всем был доволен, всегда у него блестели глаза и не закрывался рот от улыбки.

Не раз брали мы вместе «языка», лазили в ближний вражеский тыл. С Яшкой-«Заюшкой» охотно ходили ребята в паре или тройке на задания. С ним — по себе помню — почему-то мы чувствовали себя увереннее и даже безопаснее. Он был небольшого роста, очень коренастым, плотным. Но в нем, видимо, было что-то сильное внутри, что и притягивало к нему окружающих. Так мне кажется сейчас. А тогда просто каждый знал, что это надежный парень, может, чуточку смелее — даже не смелее, а храбрее — остальных.

А во всем прочем Яков был таким же, как и другие ребята. Над ним так же, как и над всеми, подшучивали, так же «разыгрывали», как и остальных, — разведчики народ веселый и неунывающий, хотя, может быть, ближе остальных ходили они около смерти...

В конце декабря сорок третьего наша дивизия участвовала в боях за Житомир. Но в город мы не вошли. Мы преследовали отступающего врага через пригород, обойдя Житомир стороной. Преследовали долго.

Из-за распутицы — в тот год мороз не сковал дороги — полки растянулись. В это время в полках были созданы конные взводы разведки, в задачу которых входило висеть на плечах неприятеля. Но даже верхом мы не всегда успевали за бежавшими фашистами.

В одно из сел за Житским мы въехали глубокой ночью. Проехали до половины села — немцев нет. Кони были вконец измотанными, мы тоже. Решили заночевать. Завернули в ближайший двор. Жителей — ни души. Поставили коней в пригон, отпустили подруги, хотя очень хотелось дать коням полный отдых, снять седла. Засыпали овса. Сами вповал повалились в избе.

Как ни хотелось спать, все-таки забота о лошадях у Булатова, унаследованная, видимо, от многих поколений предков, была сильнее. Часа через два он вышел в пригон посмотреть. Сейчас порой я поражаюсь той ребяческой беспечности, которая была тогда у нас, — ложась спать, мы не выставили даже караула, не говоря уже о том, что не обследовали село до конца хотя бы главной улицы. И вот Булатов вдруг вбегает в избу:

— Немцы!

Как ни были мы измучены бессонными ночами, от этого слова, произнесенного почти шепотом, вскочили все, словно подброшенные пружиной.

— Где?

— Вот за этой избой лопочут, рядом которая...

Выскочили. Замерли, прислушались. Точно — лопочут. Перелезли через плетень в соседний двор, стали пробираться ближе. Оказывается, за соседним двором — переулочек, а в нем стоит танк и вокруг ничего не подозревающие немцы. Осмотрелись — нет ли еще где поблизости? — и потом уж отвели душу, на полные диски резанули в упор!

Спасся только тот, что сидел в танке. Булатов после вытащил его за шворот.

Досыпать в ту ночь не пришлось. Выяснилось, что оставшая половина села, куда мы не проехали, кишмя кишела врагами. Заливистая автоматная трескотня да несколько гранат, брошенных нами, действовали панически. Фашисты, беспорядочно отстреливаясь, покидали село, то и дело подталкивая застревавшие в грязи грузовики, повозки.

Так вшестером мы заняли село, захватили совершенно исправный «Тигр» и взяли в плен огненно-рыжего ефрейтора. Булатов потом смеялся:

— Так будем воевать, коня не надо будет. На танках ездить будем...

На нашем участке фронта немцы отступали до Любара. Мы с ходу выбили их из этого маленького живописного городка, но дальше продвинуться уже не могли. Тылы дивизии растянулись, батальоны устали

от многочисленных наступательных боев и длительных переходов — ведь мы прошли по бездорожью, без отдыха всю Житомирскую область.

Фашисты закрепились по околице деревушки за Любаром, наш полк стал окапываться за городом. У солдат наступила передышка, для нас же, разведчиков, — самая горячая пора: командованию срочно требовались сведения о перегруппировке противника, о его обороне, а это значит — нужны «языки», причем с разных участков и по возможности свежие, хотя бы по одному в неделю. И мы не вылезали с нейтральной полосы: днем наблюдали за немецкими траншеями, наносили на карточки огневые точки противника, а ночью лазили за «языком».

Сейчас я не помню, как был взят первый «язык» на этой обороне. Но мне на всю жизнь запомнилась одна из наших вылазок тех дней. Эта вылазка чуть не стоила мне жизни.

А дело было так. Освоившись с немецкой обороной и проделав в минных полях несколько проходов, мы стали систематически наведываться в траншеи к фрицам. Обычно мы приходили под утро, когда сон особенно крепок. Снимали часового и этим же проходом в минном поле возвращались домой. Чтобы действовать наверняка, его слегка оглушали автоматом по голове. Так планировалось и в ту ночь. Оглушить часового ударом (а ППШ с круглым диском — «дубина» увесистая, если переусердствовать, можно проломить череп) выпало мне. Когда спрыгнули в траншею, я первым пошел навстречу часовому. Траншеи немцы вырыли добросовестно, в полный рост (видимо, собрались зимовать на этом рубеже). Следом за мной шли остальные трое, в том числе и Яша Булатов. Он, кажется, был непосредственно у меня за спиной, страховал меня.

Часового мы услышали по хрусту сапог на снегу. Перед поворотом траншеи я замер с поднятым на правое плечо автоматом стволом вверх. Эти секунды — когда немец приближался к нам — я запомнил на всю жизнь. Каждый его шаг, как удар, отдавался в мозгу. Нервы были напряжены до предела. От меня в эти секунды зависел исход всей операции, более того, жизни всех нас, четверых. И я на какую-то долю секунды, наверное, не выдержал, не рассчитал по хрусту шагов расстояние за зигзагом траншей до часового. На эту самую долю секунды, видимо, выскочил из-за поворота раньше. А может, фашист достался мне очень уж верткий. Так или иначе, но я промахнулся...

После ребята мне рассказывали, что часовый все-таки успел не только ударить меня, но и закричать, хотя это его и не спасло. От самых немецких траншей до седловины на середине нейтральной полосы (а полоса была огромная, не меньше полутора километров) нес меня, оглушенного, Яков Булатов...

Помню второй случай, когда я в тройке с Булатовым и еще одним

парнем ходил на охоту за вражеским пулеметчиком. Это было на том же участке обороны. В течение нескольких ночей нам удалось выследить замаскированное на взгорке пулеметное гнездо, далеко — метров на полсотни — выдвинувшееся впереди вражеских траншей. Днем пулемет молчал. Зато ночами методически простреливал ложину в тылу нашей передовой. А по этой ложине ночью подвозили батальону боеприпасы и кухни.

В одну из ночей мы подползли близко к пулемету, пролежали чуть ли не до рассвета, наблюдая. Мы выяснили, что пулемет закреплен в ячейке намертво. А от спускового крючка в блиндаж — за полсотни метров — протянут шнур. Таким образом, пулеметчик сидел в тепле, время от времени натягивал шнур и пулемет давал короткую очередь по пристрелянному сектору. Три раза за ночь пулеметчик приходил в ячейку заряжать новую ленту — это тоже мы выяснили. Причем приходил всякий раз настолько близко, что нас так и подмывало взять его. Особенно большой соблазн был, когда он заряжал пулемет, непрерывно оглядываясь по сторонам. Но брать было нельзя. Каждый из нас натвердо помнил заповедь номер один: там, где кончается выдержка, там уже нет разведчика! Ведь каждое взятие «языка» тщательно готовится, готовится многими людьми, хотя берут его непосредственно двое-трое. Поэтому-то мы и пропустили три раза мимо себя фашиста, не тронув его, — рисковать операцией нельзя. И только на вторую ночь взяли этого пулеметчика.

Взяли его просто и без шума. Булатов сел в окопчик рядом с пулеметом, а мы замаскировались неподалеку. Не дожидаясь, когда кончится лента, Булатов завязал шнур на колышек, на котором был укреплен пулемет. И немец, бурча что-то под нос, явился устранять «перекос» патрона. Он привычно спрыгнул в окопчик, мы — на него. И не успел он опомниться, как Булатов засунул ему кляп в рот.

Сначала он полз с нами через минное поле, потом, когда спустились в седловину, побежал бегом — они, эти фашистские «языки», всегда были очень послушны в подобных случаях...

Я не помню, сколько раз еще ходил с Булатовым. Запомнил только его последнюю вылазку.

Перед ней, перед этой последней, Яков вдруг изменился — перестал улыбаться, сторонился ребят, стал задумчивым. На вопросы, что с ним стряслось, отмахивался рукой или просто отмалчивался. Наконец все-таки доняли его. Он протянул нам письмо от жены. Письмо было написано малограмотными каракулями. Там было всего несколько строк. Но это письмо я запомнил — оно показалось мне тогда особенно чудовищным. Жена писала, что не хочет дожидаться его с фронта, что жизнь уходит, а она молода, и поэтому она снова вышла замуж... Я не

буду перечислять те эпитеты, которыми награждали ее ребята, товарищи Булатова — в этом нет нужды. Я не знаю ее имени, не знаю, прочтет ли она этот очерк, дойдет ли он до нее, я не хочу ее упрекать теперь в чем-либо — она, может, уже сотню раз раскаялась в своем поступке, ибо жизнь, я уверен, по-своему жестоко наказывает таких людей, — хочется только одно сказать: он любил эту женщину до самого последнего своего дня, несмотря ни на что. Мы-то видели!

А последний его день был таким. В тот раз мы наткнулись на нейтральной полосе на вражескую разведку, шедшую к нашему переднему краю. Шли мы на «громкое» дело — нужно было с боем взять блиндаж, шли чуть ли не всем взводом, человек восемнадцать. Фашистов же было раза в два-три больше. Но мы имели преимущество в том, что находились ближе к своему переднему краю — как говорят, дома и стены помогают. И еще — мы могли укрыться за выступами камней. Но это было и нашим преимуществом, и в то же время нашей бедой. Камни выходили на поверхность на небольшой площади, поэтому, укрывшись за ними, мы тоже сгрудились. А в таком случае попадание даже одной мины могло наделать много бед. Так оно и случилось.

Редкими и страшными в своих последствиях бывают такие совпадения, когда две разведки встречаются на «нейтралке», — у меня, например, за два с половиной года это было единственное. Бой был стремительным и жестоким. За несколько минут мы опорожнили по пять круглых дисков и побросали по десятку гранат. Немцы, застигнутые на чистом месте, полегли чуть ли не наполовину. Но и нас они потрепали изрядно. Не одна, а несколько мин из их ротного миномета попали прямо в середину нашей группы.

Булатов лежал рядом со мной. Я — выше, стрелял из-за каменного выступа, а он на уровне моих коленей, положив автомат в расщелину. Одна из мин разорвалась перед ним, видимо, в самой непосредственной близости.

Когда фашисты побежали, мы осветили место боя, выпустили вдогонку по длинной автоматной очереди и стали выяснять, кто из наших убит, кто жив, кто ранен. Раненых оказалось больше половины. Тяжелее всех Булатов. Он тряс головой и пытался приподняться на руках. Я чувствовал в правом валенке тепло — значит, кровь; видимо, одной миной нас ранило. Ребята помогли Булатову подняться, подхватили его под мышки, и все мы кто как мог побрели назад. Раны зажимали руками, затыкали разорванными индивидуальными пакетами — было не до перевязок; обмотали наспех бинтом только голову Булатова.

Вдвоем с кем-то из раненых мы брели последними, держа наготове автоматы и то и дело оглядываясь — не вздумают ли враги вернуться? Но им было, должно, не до этого.

При вспышках ракет мне хорошо было видно, с каким трудом Булатов переставлял ноги, повиснув на руках товарищей.

Метров триста-четыреста надо было пройти до нашего переднего края. Несколько раз ребята пытались нести Булатова, но он всякий раз тряс головой и шел сам. Когда подошли к траншеям, Яков сказал еле слышно:

— Все...

Упал и умер.

До сих пор поражаюсь его силе, его могучему организму. Только утром мы рассмотрели его рану. У него было раздроблено полчерепа. А он еще шел...

Похоронили мы Якова — Яшку-«Заюшку» — на кладбище в центре Любара. Поставили пирамидку из нестроганных артиллерийских ящиков, сверху звезду. Написали, что здесь лежит разведчик Яков Булатов. Может быть, до сих пор сохранилась эта могила, может быть, любарские пионеры заботливо ухаживают за ней, по весне кладут на могилу первые цветы. Юные следопыты Татарии! Разыщите родственников Якова Булатова. Пусть среди погибших будет на одного безымянного солдата меньше. Этот человек не успел совершить подвига, но он мужественно умер за то, чтобы над нами светило солнце.

Мы все должники перед памятью таких людей.

Павел АЛДАХИН

КОМСОРГ

Осматривали предвзято,
Помню, со всех сторон
Мальчишек мы

с двадцать пятого,
Пополнивших батальон.
Кавалеристом на пешего,
Нацеливши глаз клинки,
Смотрели на них

насмешливо
С двадцатого «старики».
И в ответ из-под касок
На ветеранов — нас
Много черных кавказских
Тревожно смотрело глаз.

Время ценилось, помнится,
Был на минуты счет —
Тут же на комсомольский
Ставили их учет,
Этих ребят, которых
К нам теплушки везли
По фронтовым просторам
От кавказской земли.
Много имен на свете
Это мне сгоряча
Врезалось в память:

Петик
Огасович Джамокчан.

Были тут, на собрании,
Ребята — первый сорт:

Рост, лицо, обаяние
Посмотришь — чем не комсорг!
Но почему-то выбор —
Даже обидно слегка! —
Пал на скромного вида
Тихого паренька.

Несколько дней коротких
Дружбы досталось нам.
Только в стрелковой роте
Дни равнялись годам:
Общий окоп уступом,
И землянки тепло,
И солдатского супа
На двоих котелок;
Общая о любимых
И по дому тоска,
Общие пули мимо,
Мимо, мимо виска.
Как сейчас его вижу
Той студеной порой:
Вот на пальцы он дышит,
Он совсем не герой,
Ох, боится мороза,
А морозы стоят...
В общем, создан,

чтоб взносы
Собирать у ребят.

После артподготовки
Глушит тебя тишина.

Остро — штыком винтовки —
Колется мысль одна:
Вот он, твой край передний,
Наедине с тобой!
Может, пришел твой
«последний
И решительный бой»...

Пуля — она бывает
Отнюдь не всегда слепа.
Роту свою поднимая,
Ротный первым упал...

Отчего это хочется
Улететь далеко?
Стать невидимым, скорчиться,
Глубже врыться в окоп;
Во спасение ложью
Дать себя убедить,
Что не всем же положено
Быть в бою впереди?
И к тому же осознанно
Видишь со стороны
Холмик свежий —
свой собственный!

На дороге войны...
Ты не раз потом горько
Вспомнишь себе в укор
Этот скороговоркой
С совестью разговор.

Вечным осталось чувством
В нас, в каждом — себе упрек:
Первым
прыгнул на бруствер
Тихий наш паренек.
Над окопом встал молча —
Никого не позвал,

Но ведь это больше,
Чем любые слова!
Встал комсорг наш. И разом,
Как один, встала рота —
Те мальчишки с Кавказа,
Двадцать пятого года...

Снег, опаяя дочерна,
Плавит огня ураган.
Пулеметная очередь
Стегнула его по ногам.
Будто подмятый ношей,
Пулею сбитый с ног,
Падает,

как подкошенный,
Нашей роты комсорг.
Только поземка вьюжит,
Да стучит пулемет...
Петик, теперь не нужно
Вслед им шептать:

«Вперед!»...

Ветер порывистый, тише!
Гаснет сознанья свеча...
Как я хочу, чтоб выжил
Наш комсорг Джамокчян!

Все, что хотелось,
сказано,

А остальное — мечты.
Только считаю: обязаны
Жить такие, как ты!
Они по сегодня

видятся —
Живыми видятся! — мне.
И вновь исчезают в пламени
Цвета нашего знамени —
В каждом Вечном огне.

В. СЕРЕБРЯНИЙ

ТИШИНА НАД ПРОХОРОВОЙ

ОЧЕРК

И снова, как будто воочно,
Услышу, как трубы трубят,
Увижу за черною ночью
В бессмертье идущих ребят...

М. Борисов.

В сборнике «Боевая слава Алтая» («Герои Советского Союза — наши земляки») Михаилу Федоровичу Борисову посвящена одна страничка. Короткие, деловые фразы:

«Родился Михаил Федорович Борисов в городе Камне-на-Оби... Комсорг артиллерийского дивизиона...»

11 июля 1943 года в сражении на Орловско-Курской дуге М. Ф. Борисов совершил героический подвиг...»

А на портрете на чутьчку грубоватом лице — задумчивые глаза, добрый мечтательный рот с застывшей на нем мягкой улыбкой...

И в жизни, несмотря на прошедшие годы, Михаил Федорович подкупает юношеской мягкой общительностью, простотой, открытостью — и в то же время чувствуешь в нем внутреннюю пружинку, твердость каких-то не произнесенных вслух правил...

Его чаще всего спрашивают про бой, за который ему присвоили звание Героя. Но разве может человек жить только для одного эпизода? И разве в любом эпизоде нашей жизни не присутствует все, что было с нами до этого!

До войны каменский парнишка Миша Борисов видел свое будущее не очень определенным, но очень значительным. Например, он любил литературу — и иногда ему казалось, что он станет великим поэтом. Но строчки, которые тогда складывались у него, Миша никому не показывал. Иногда — из-за того, что эти строчки казались ему слишком похожими на пермонтовские, иногда же замечал слишком существенное различие...

Любил Миша и астрономию. У него перехватывало дыхание, когда каким-нибудь поздним январским вечером он вглядывался в небо. В черно-фиолетовой бездне ярко пылали зовущие огни далеких миров, и воображение рисовало ему космос уже в окошке звездного корабля... Что удивляться — Жюль Верн и Герберт Уэллс были его любимыми писателями, а про Циолковского даже в школе проходили. Почему бы Мише не оказаться первым, кого встретят аплодисментами далекие марсиане?

Но звездные перелеты виделись как дело неопределенно далекого будущего. Пока что даже колючие шары перекасти-поля вызывали у Миши зависть и волновали его дальностью пройденных ими путей. Самому же ему пока оставалось сидеть за учебниками, а в свободное время до изнеможения барахтаться в могучей прохладной Оби, дышать полынными ветрами, шагать по степи, из которой какая-то неистощимая сила рвалась ввысь серебристыми фонтанчиками ковыляя...

Как всякий порядочный сибиряк, Миша хорошо стрелял. И в тире, где сдавал нормы на «Ворошиловского стрелка», и на охоте. Впрочем, здесь у него мальчишечье спортивное самолюбие вступало в конфликт с другими чувствами, в которых он избегал глубоко разбираться, но которые делали для него невыносимым вид добытой им зайчатины на обеденном столе. Он стыдился признаться себе, что просто жалеет зайца...

И вдруг — война!

Через четверть века Михаил Федорович напишет:

За горы, за синие доли,
За светлый,
как сон,
горизонт
Мальчишки из каменской школы
Сегодня уходят на фронт.
Прощальная речь военкома —
И вот,
прямиком на закат
Под грузом домашних котомок
Идет комсомольский отряд.
Зовет золотая отава
В багрец за примолкшим селом,
И кажется —
близкая слава
Уже осеняет крылом.
И каждому верится свято —
Пройдет, как в апреле шуга,
И будет разбита и смята
Несметная сила врага!

Но не так это оказалось просто, как мечталось: ура, ура — и наша взяла.

На фронт Михаил пришел артиллеристом-наводчиком. И в первый же день, едва начали окапываться на выбранной огневой позиции, небо зашуршало от вражеских снарядов. Где-то грохнули первые разрывы. Потом завывало, засвистело, загрохотало все вокруг. Они лежали в открытой степи, как на тарелке, как на сковороде! Михаил понимал, что спасение только в том, чтобы лежать вот так, прижавшись всем телом к горячей пыльной стерне. Он уже почти убедил себя, что услышанные снаряды и осколки не опасны. Но куда было деваться от нараставшего надрывного свиста бомб! Уж они-то все метили в него! И этот железный град не прекращался — вместо отбомбившихся самолетов над черной от дыма степью появлялись все новые и новые...

В горячих высверках огней
Корежится земля,
И с каждым мигом все тесней
Сжимается петля.
А у меня ни блиндажа
И ни окопа нет...
Лежат бок о бок,
Не дыша,
Мои семнадцать лет...

Страшна была даже не смерть. Страшным было унижение. Это было невыносимо унижительно — лежать и ждать: пронесет или попадет? Михаил не помнил, как рывком поднялся с земли, шагнул на полотно дороги — и стал в черной пыли, широко расставив ноги и крепко прижав к груди панорамный прицел от своей пушчонки. Но глаза он все-таки закрыл, потому что нельзя неподвижно стоящему человеку видеть такое вокруг себя...

Он не помнил, сколько стоял так. Не помнил, как утомленно поплелся к своему едва намеченному окопчику, как устало прилег на черную землю и как тут же, мгновенно, словно отключившись от адского шума и грохота, крепко уснул...

Никогда больше он так себя не забывал. Даже когда в составе десанта морской пехоты провел, если разобраться, гораздо более страшный день в своей жизни. Это было уже в Крыму. Михаил тогда в первый раз высадился на Керченском полуострове. В автомате уже не оставалось ни одного патрона, и немецкий летчик, видимо, понял это. Он пронесся так низко, что Михаил видел его совсем молодое, искаженное злорадной усмешкой лицо за прозрачным козырьком самолета. Наверное, у фашиста патроны тоже были на исходе: он стрелял короткими очередями. Миша уходил от пуль за уцелевший обломок камен-

ной стены. Когда самолет заходил с другой стороны, Миша переходил на старое место. Последняя очередь была совсем короткой. Фашист не смеялся уже, а погрозил ему, пролетая мимо, кулаком...

Не заветные дали,
Не лихие походы —
Нас, друзья, побратали
Фронтовые невзгоды.
Леденили пожары,
Обжигали метели,
Да все больше Стожары
В хмуром небе бледнели,
Да росли у обочин
Полевые могилы...

До Курской дуги Михаилу приходилось воевать, главным образом, в сорокапятимиллиметровой артиллерии. Сейчас на параде таких орудий не увидишь. А тогда они всегда были на переднем крае, вместе с пехотой. Били, били без устали по фашистам, и частенько фашистские танки били по ним. За год рядом с Михаилом сменилось пять орудийных расчетов. А его как-то обходили и пули, и осколки, и гусеницы танков... Везло? Да, и везло, конечно. Но ведь и умение кое-чего стоит, привычка к трудным условиям боя, навыки, которые не передаются словами, а наживаются каждым самостоятельно. И тогда можно на переднем крае внешне почти спокойно выжидать у орудия, когда враг, шеренга за шеренгой, подступает к тебе в психической атаке, а потом вести огонь так быстро и точно, что ни один атакующий не успеет добежать до твоих позиций, а дуло пушки станет вишнево-красным от трещащих о него снарядов...

И вот — Курская дуга.

Несколько лет назад Михаил Федорович по случаю юбилея великой битвы поехал в эти места с бригадой московских телевизионщиков. У него было такое чувство, будто стоит ему туда вернуться — и поднимутся, оживут все те, кто когда-то сражался рядом с ним, но остался спать вечным сном на густо перемешанной с железом земле Курщины. А кинокамеры сделают их живыми уже для всех и навсегда...

Кинооператора привлекла мирная картина пахоты на земле, на которой двадцать лет назад гремела неслыханная в истории битва. И вдруг под стрекотание киноаппарата и ровный рокот трактора плуг выворотил из земли ржавую немецкую неразорвавшуюся мину. Михаил Федорович, обрадовавшись этому нежданному наглядному пособию по истории, ухватил мину за стабилизатор и приподнял, чтобы оператору удобнее было ее снимать. Он даже не успел подумать, чем это грозит. Тракторист громко предупредил:

Он был тогда комсоргом противотанкового артиллерийского дивизиона. Атака немецких танков застала его в третьей батарее, которой командовал старший лейтенант Ажиппо.

Клубится пыль из-под копыт
Чудовищ броневых.
За «тигром» «тигр» —
Аж гул стоит!
Да сколько ж это их?!

Их было вполне достаточно — сто пятьдесят танков против дивизиона. Танки, сопровождаемые мотопехотой, пытались прорваться к станции Прохоровка.

— Огоны!
— Огоны!
И пушки враз
Хватили так огнем,
Что даже свет дневной погас
И пал за околом.
— А ну, Петров, прицел проверь
Да прямо в дых лупи!
И вот горит крестастый зверь
На выжженной степи.
— Точней, Ходжаев, наводи.
Не мажь, не мажь, Ахмет!
Молчит Ахмет.
А на груди
Осколка рваный след.

Михаил тогда среди смертельного шквала огня и металла, задыхаясь вместе со всеми от терпкого запаха гари,

То им снаряды подносил,
То бинтовал им раны;
И две газеты — не успел! —
Торчали из кармана...

А танки продолжали бить по батарее. И скоро из четырех орудий стрелять могло только одно. Но стрелять было некому. Около пушки, покореженной осколками, лежали недвижимые тела артиллеристов.

Заряжающий, старший сержант Спендиаров, истекал кровью. Он хотел что-то сказать, но раненая челюсть не слушалась, получалось «сопа, сога». Михаил понял: Софа! Это было имя любимой старшего сержанта...

Впереди, под углом к орудию, держа курс прямо на станцию, шли добрых два десятка танков. Шли открыто, уверенно. У немцев были все основания полагать, что здесь уже не осталось никого в живых.

Михаил задыхался от ярости, но он оставался один и, чувствуя, что все дальнейшее будет зависеть теперь только от него, стал наливаясь холодным покоем. Главное — ни одного неточного движения! Левая ладонь уверенно подхватила жесткое тело броневой снаряд, правая почти ласково скользнула по латунной гильзе. Мягко защелкнулся клиновой замок орудия. Глаз привычно приник к теплому окуляру прицела, руки будто сами завертели маховички, поворачивая ствол так, чтобы перекрестие прицела немного опередило движущийся головной танк.

Орудие подпрыгнуло, выплюнув огонь. Из головного «тигра» повалил дым.

Следующий снаряд подал командир взвода лейтенант Красноносков. Пригибаясь, бежал к орудью и старший лейтенант Ажиппо. Трое — это уже почти половина расчета!

Михаил снова торопливо вертел маховички, левя прицелом следующий танк. Главное — бить наверняка, чтобы из танка не успели понять, откуда стреляют. Весь накопленный опыт, и ярость, и обретенная в боях вера в себя, и подспудное ощущение того, что позади кто-то, кого нужно защитить, — все это делало движения Михаила легкими и точными: еще не дернув шнур, он уже предчувствовал, и как посланный им снаряд вопьется в железное тело «тигра», и как плеснет оттуда огонь, и как повалит оттуда дым. И снаряд впивался, и выплескивался огонь, и вот еще семь железных коробок в придачу к восьми, подбитым батареей раньше, стояли, закрывая черным дымом небо над выжженной землей...

Оставшиеся «тигры» развернулись фронтом и, изрыгая пламя и железо, шли прямо на непонятно как уцелевшее орудие. Один танк гремел уже в каких-нибудь пятидесяти метрах от пушки, когда Михаил сделал последний выстрел. Танк остачовился, но из черного зрачка его орудия блеснуло пламя. Беззвучно расцвел у самой их пушки огненный куст — и все трое провалились в густую тьму...

Под Прохоровкой снова тишина,
Хотя хрилят распластанные танки.
И с каждым мигом явственней слышна
Здесь холгота вороньей перебранки.
Лежу ничком, сжимая кулаки,
И кажется, что прямо за спиною
Россия-мать глядит из-под руки
На то, что было нашей огневою.
И кое-как поднявшись во весь рост
И протерев глаза (от дыма, что ли?),
Я вместе с ней гляжу,
Как на погост,
На черное, истерзанное поле.

И здесь и там, доколь хватает глаз,
С моей судьбой навек неразделимы,
Лицом вперед,
Вздыхнув последний раз,
Лежат мои мальчишки-побратимы...

Взять Прохоровку фашистам так и не удалось. А через несколько месяцев Михаил бежал из госпиталя, чтобы поскорее вернуться в свою часть. Добрался до своих — а ему, оказывается, звание Героя присвоили!

Не раз еще валили Михаила на землю пули, снаряды; не раз еще бегал он от врачей, чтобы не отстать от своих. Когда Берлин брали — на костылях удрал из госпиталя. Машины мчались в город в ослепляющем море света от прожекторов, и веселые напевы аккордеонов пытались спорить с орудийной канонадой. Дошел-таки до Берлина Миша Борисов из тихого алтайского городка!

Домой Михаил вернулся инвалидом. Но сидеть дома и проживать пенсию было не по нем. А что делать? Первой мыслью было пойти в медики.

Выяснилось, однако, что он совершенно не выносит вида крови. Тогда он поступил в юридический институт. Окончил, работал помощником прокурора. Но и тут выдержал недолго. Приходилось встречаться далеко не с самой лучшей публикой, а контузия все еще давала себя знать. Тогда Михаил поступил в строительный техникум. Так он стал строителем.

Стройка выпала ему солидная: Западносибирский металлургический комбинат. Это было как новая большая битва.

Радость созидания оказалась не слабее, чем та, которую приносила победа в бою. А принадлежность к цеху строителей будила теплую гордость не меньше, чем когда-то принадлежность к солдатскому братству.

И я тут свой.

И тут моя стихия!

До огоньков,
До чертиков в глазах,
Гляжу на то, как вся моя Россия
Хлопочет на строительных лесах.
Без передышки лесенкой крутою
Бегу наверх,
А сердце...

Ну и что ж!

И высота горит над головою
Давно знакомым лозунгом:

«Даешь!»

В ЗАВОДСКОЙ СТОРОНЕ

С творческой встречи-конференции писателей с рабочими комбината химических волокон имени Ленинского комсомола

Заводская сторона. Она есть теперь почти в каждом сибирском городе. Когда-то крестьянская, измаянная Сибирь стала краем не только крупнейшего сельскохозяйственного, но и крупнейшего промышленного производства.

Сибирские города — Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск, Томск — сделались городами без окраин, оперлись на широкие, надежные плечи заводов, засверкали огнями современных заводских поездов. Те же благотворные изменения произошли и в Барнауле, Бийске, Рубцовске. Алтай, славившийся когда-то лишь валенками да шубами-барнаулками, стал производить котлы и моторы, тракторы и механические прессы, станки и буровые установки, капрон и штапель, трикотаж и обувь и, без преувеличения, тысячи видов другой самой различной продукции.

К сожалению, процессы создания и роста промышленных предприятий в Сибири, облик их творцов и хозяев — облик рабочих нашего времени не нашел еще должного освещения в литературе. В Сибири нет поэта, да, пожалуй, и прозаика, который мог бы вместе с Ярославом Смеляковым воскликнуть:

В те дни в заводской стороне,
у проходной вблизи столовой
встречается муза стала мне
в своей юнгштурмовке суровой.

Муза в юнгштурмовке ли, в современной ли рабочей спецовке не столь уж часто встречается писателям-сибирякам. А у нас на Алтае произведения рабочей заводской тематики можно буквально перечесать по пальцам. Это — роман «Конструкторы», повесть «Горячее лето» и рассказы и очерки Николая Павлова, повесть «Начало биографии» Ивана Кудимова, книга рассказов Льва Каина «Друзья идут в ногу», рассказы Геннадия Комракова, Петра Старцева, стихи Николая Черкасова и его поэма «Грави», отдельные стихи Геннадия Панова, Ивана Игнатьева и других молодых поэтов.

В последнее время укрепляются связи краевой писательской организации с заводскими коллективами. Писатели систематически встречаются с рабочими. Встречи эти происходят в самой непринужденной обстановке — в цехах заводов, общежитиях, красных уголках, на агитлошадках. В бюро пропаганды художественной литературы хранится немало отзывов о таких встречах. Их теплота, искренность, непринужденность подчас дороже профессиональных статей и рецензий. «Не зря, а с пользой провели вечер. Ждем вас еще». «Это здорово, когда в крае есть свои писатели. Желаем вам

новых успехов, земляки». Бывают и критические замечания: «Хотелось бы послушать стихи о рабочих», «Почему так мало пишут о химиках? Может быть, считают нашу жизнь неинтересной?»

Во Дворце культуры химиков и была проведена творческая встреча-конференция «Советский человек в жизни и произведениях алтайских писателей».

Прежде всего, встреча еще раз показала, с какой неподдельной заинтересованностью относится самый широкий читатель к работе своего писателя, писателя земляка, какое искреннее участие принимает читатель в литературных судьбах. Навсегда отошло то время, когда писатель и читатель существовали как бы независимо друг от друга, время, о котором великий русский сатирик Салтыков-Щедрин с горечью говорил: «Писатель пописывает, а читатель почитывает».

Различные ораторы выступали с трибуны конференции — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, член ЦК КПСС Александр Васильевич Георгиев и перемотчица Нина Саблина, главный редактор краевого книжного издательства Иван Степанович Казанцев и инструктор заводского комитета ВЛКСМ Галина Дихошерстова, директор комбината Владимир Андреевич Кашуба и ткачиха Тамара Басова и многие другие.

Различен их жизненный опыт, их литературные взгляды и вкусы. Но все выступления объединяла подлинная доброжелательность, стремление помочь писателям в таком труднейшем деле, как создание новых хороших книг.

И еще наполняло эти выступления восхищение обликом рабочего человека — громадьем его планов, размахом его свершений.

Именно об этом более всего говорили А. В. Георгиев, В. А. Кашуба, зам. секретаря парткома комбината Л. А. Лысенко, начальник капронового производства комбината В. И. Маркин.

Современный рабочий с высоким сознанием долга, высокими требованиями к себе и товарищам, сложным и богатым духовным миром должен быть главным, центральным персонажем нашей литературы. И это сделает нашу прозу, нашу поэзию и драматургию еще богаче, ярче и действенней. Именно под сводами огромных заводских цехов легче всего найти писателю прототипов новых героев нашего времени, чьи судьбы послужат высоким примером, окажутся поучительными в лучшем смысле этого слова.

Заводчане называли имена людей, которые, по их мнению, могли бы служить героями документальных повестей, штрихи из жизни которых могли бы послужить материалом для создания значительных масштабных художественных образов.

Во многих выступлениях были высказаны пожелания смелее, острее критиковать в художественных произведениях бесечность, разгильдяйство, подхалимство, карьеризм, себялюбие, стяжательство.

Особое внимание выступающие уделяли поэзии, как наиболее мобильному и в то же время очень популярному среди молодежи жанру.

— Мы знаем стихи алтайских поэтов, — сказала Нина Саблина, — более того, многие стихи взяты нами, если можно так выразиться, на вооружение — мы их перечитываем, помним на память. К сожалению, наши поэты, если обращаются к труженникам, то это лишь труженники села, если описывают процессы труда, то это сельский труд, если рисуют пейзаж, то обязательно пейзаж деревенский.

С большой теплотой Нина Саблина говорила о стихах Леонида Мерзликкина, яркими и своеобразными красками рисующего алтайскую природу.

В то же время она критиковала поэта за скороговорку, раздражительность отдельных стихов, упаднические настроения, нарочитую грубость.

— Я думаю, — заявил главный редактор краевого книжного издательства И. С. Казанцев, — выступления на сегодняшней конференции можно считать и строгим наказом писателям, а вместе с ними и издателям работать без брака, и одновременно

заказом создать полнокровные произведения о нашем героическом рабочем классе. Как работник издательства могу заверить, что таким книгам в любом жанре будет у нас открыта зеленая улица.

В выступлениях писателей Николая Дворцова, Льва Квица, Марка Юдалевича ярче всего прозвучало стремление упрочить дружбу с рабочим коллективом, глубже понять его интересы, зажить его устремлениями, его чаяниями, своей работой в какой-то мере способствовать его росту, его успехам и победам. В то же время писатели отмечали, что биография, впечатления детства, юности имеют решающее значение для творчества, а большинство наших писателей — выходцы из села. Конечно, такие значительные события, как интенсивный рост промышленности, рост рабочего класса не могут не затронуть писательской организации, и произведений о рабочих у нас будет все больше, а книги эти будут все значительнее. Но нужно думать, что крупные мастера прозы и поэзии, которым окажется по плечу создание эпохальных произведений о рабочих, придут именно из заводских коллективов. Конечно, это произойдет не завтра: рождение писателя, а особенно писателя значительного, в наше время духовного взлета народа, роста науки, культуры, изобилия самой разнообразной информации — процесс очень сложный.

— Пока же, — сказал Н. Г. Дворцов, — мы решили сделать еще один шаг к сближению с рабочей средой, к освоению рабочей темы — создать сборник очерков и стихов о нашей заводской стороне, ее людях, ее славных делах.

Творческая встреча писателей с рабочими кладет начало хорошей дружбе десяти-тысячного коллектива Барнаульского комбината искусственных химических волокон с алтайской писательской организацией.

А. БУТАКОВ,
директор Алтайского книжного издательства

КНИГИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Алтайское книжное издательство в 1970 году выпустит в свет 120 наименований книг, брошюр и плакатов. Важнейшее место отводится книгам, посвященным 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, и книгам, выпускаемым в связи с 25-летием разгрома фашистской Германии в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.

Выпуском книг к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина издательство занимается третий год. Читателям уже хорошо известны такие книги, как «Преображенный Алтай», «Под знаменем Октября», «Барнаул», «Юность комсомольская моя», рассказы С. Виноградской «Искорка» и другие. В них рассказывается о пролетарской революции, о защите завоеваний Октября, о торжестве ленинских идей в нашей стране и, в частности, в нашем крае.

Недавно издательство выпустило книгу «В ногу с Ильичем». В ней опубликованы документы о развитии народного хозяйства и культуры Алтая, подписанные В. И. Лениным. Много места отведено письмам и телеграммам трудящихся великому вождю. В них выражается искренняя любовь рабочих и крестьян к Ильичу, верность народа идеям ленинизма. В заключительной главе рассказывается о том, как идеи В. И. Ленина воплощаются в жизнь сегодняшнего Алтая, какие успехи достигнуты в хозяйстве и культуре нашего края за годы Советской власти.

Выходит в свет книга «В ленинских музеях Алтая». В ней публикуются наиболее интересные материалы о большой и важной работе ленинских музеев нашего края по воспитанию советских людей, особенно молодежи, на революционных традициях и идеях ленинизма. Важнейшее место в книге отводится собранным ленинскими музеями воспоминаниям старых большевиков о В. И. Ленине, их письмам о революционном прошлом страны и нашего края.

Вышла новым дополненным изданием в улучшенном оформлении книга «Наш край родной» с эпиграфом В. И. Ленина «...в богатейшем Алтайском крае...», взятом из его речи при обсуждении законопроекта «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда Советов в декабре 1920 г.

В очерках, рассказах и статьях этой книги освещаются важнейшие события и факты из жизни Алтая за годы Советской власти, рассказывается о славных трудовых и боевых подвигах советских людей. Очерки о подпольной работе большевиков и партизанском движении в годы гражданской войны, о становлении и укреплении Советской власти в крае, о развитии индустрии и строительстве новой жизни в деревне, о росте культуры, о передовиках промышленности, лучших людях колхозного села и, наконец, материалы о боевых подвигах наших земляков — все это с интересом прочтет алтайский, и не только алтайский, читатель.

В этом году исполняется 25 лет со дня окончательного разгрома немецко-фашистских войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Труженики Алтая внесли немалый вклад в общую победу над врагом. На алтайской земле было сформировано

несколько боевых соединений, прославивших русское воинство в боях за Родину. Имена более 300 Героев Советского Союза и полных кавалеров боевого ордена Славы тесно связаны с Алтаем. О славном боевом пути наших земляков будет рассказано в готовящихся к печати книгах «Боевая слава Алтая» и «Солдатская слава». Героям Советского Союза также посвящен альбом «Золотые звезды Алтая. Выпуск 1».

По разделу художественной и детской литературы в 1970 году будет выпущено около 40 названий книг и сборников прозаиков и поэтов Алтая.

О героических страницах гражданской войны в Сибири рассказывается в романе Сергея Залыгина «Соленая падь», о сибирской деревне время Великой Отечественной войны — в повести Ивана Кудинова «На земле». Новые произведения о современнике будут опубликованы в альманахе «Алтай», который, как и в прошлые годы, нынче выйдет четырьмя книжками.

В новой книге Александра Баздырева «Это и есть жизнь» рассказывается о семье известного алтайского комбайнера Героя Социалистического Труда С. Е. Пятницы, о талантливом хирурге А. Н. Чеглецове, о пионере следоводства на Алтае академике М. А. Лисавенко и о Герое Советского Союза Владимире Смирнове. Автор раскрывает истоки мужества и природу подвигов советских людей.

Писатель Петр Бородин предложил нам для переиздания свою повесть «Тайны Змеиной горы». Впервые выпущенная в нашем издательстве в 1967 году, она была тепло встречена читателями и критикой. Интересно написанная книга содержит много познавательного материала о прошлом нашего края. Главный герой повести русский рудоznатец Федор Лелеснов открывает Змеиногорское месторождение золота. Автор показывает сложный жизненный путь Федора и его друзей. Действие основных героев проникнуто духом непримиримой борьбы с крепостничеством и царскими наместниками.

Интересен и своеобразен сборник рассказов новосибирского писателя Василия Пухначева «Сибирские бывальщины». Георгий Егоров предложил издательству многоплановый роман «А жизнь идет».

Виктор Попов написал интересную книгу для детей о советской милиции — повесть «Пожар в Назаровском». В ней рассказывается, как деревенские мальчишки оказали помощь работникам милиции в раскрытии преступления. Книга воспитывает у молодежи дух непримиримости к преступникам и учит мужеству в борьбе за лучшие идеалы.

Подготовлен к печати новый сборник рассказов Льва Квина «Толя плюс Катя». Автор исследует характер молодого человека, который формируется еще задолго до вступления в самостоятельную жизнь — в семье и школе, в повседневном общении с товарищами и учителями. Новые рассказы, как и большинство произведений Льва Квина, отличаются остротой сюжетности и юмором.

Готовится к изданию ряд поэтических сборников. Поэт Леонид Мерзликин в сборнике стихов «Лада» воспевает любовь к отчужденному дому, к Родине. Стихи Геннадия Панова (сборник «Застава») проникнуты ответственностью гражданина за судьбу своего народа. Герой стихов Владимира Казакова (сборник «Метельный город») — деятельный и активный участник событий сегодняшнего дня.

Новый сборник стихов выпускает и Николай Черкасас — «Ковыли». Главное в его стихах — жизнь и нелегкий труд хлебороба. Поэт учит любить красоту земли, беречь природу родных мест.

С первой книжкой стихов выступает студент Барнаульского пединститута В. Башунов. Поэты Славгорода предложили коллективный сборник стихов «Свет над степью» на немецком языке.

Семью маленьких читателей получают сборник стихотворений поэта Марка Юдалевича «Волшебная галка», стихи Василия Нечунаева «Небывалый самолет», сказку Аркадия Гайдара «Горячий камень», многокрасочную книжку «Диковинка» и другие.

В серии «Школьная библиотека» будут изданы: повесть А. Пушкина «Капитанская дочка», поэма Н. Некрасова «Мороз—Красный нос», книга рассказов А. Чехова, поэма А. Блока «Двенадцать».

Интересные книги выпускаются по краеведению. Среди них «География Алтайского края», брошюра А. Сергеева «Факел поколений», фотоальбом «Барнаул», «Туристские маршруты по Горному Алтаю».

Выпускается сборник статей «Сельские энтузиасты культуры», в котором на примерах из культурной жизни сел Алтая показывается роль сельской интеллигенции, помогающей парторганизации в деле коммунистического воспитания трудящихся.

По разделу производственной литературы выпускаются сборники и брошюры: «Повышение эффективности основных фондов в сельском хозяйстве», «Тонкорунное овцеводство на Алтае», «Советы кролиководам», «Почва, удобрения, урожай», «Советы сельским механизаторам», «Комплекс мер по борьбе с эрозией почв» и другие.

Представляет интерес брошюра В. Яковенко и Э. Ярина «Мастер». В ней на примере практики лучших мастеров ордена Ленина Алтайского тракторного завода им. М. И. Калинина рассказывается о методах и стиле работы с людьми, взаимоотношениях мастера с подчиненными. Кроме того, даются некоторые рекомендации на основе социологических исследований, проведенных в Рубцовске институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР.

Будет выпущено несколько плакатов о передовом опыте в работе предприятий, колхозов, совхозов и строительных организаций.

В Горно-Алтайском отделении издательства переводятся на алтайский язык и будут изданы книга В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и «Рассказы о В. И. Ленине». Переведены на алтайский язык также Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина».

Поэты и писатели Горного Алтая предложили для издания ряд новых произведений, в том числе коллективный сборник стихов «С Лениным в сердце», сборники стихов А. Саруевой «Песни горных цветов», Б. Бедюрова «Месяц возрождения».

На алтайском языке выйдут сборник рассказов Э. Палкина «Серебряный дождь», повесть Д. Каинчина «Деревня», два выпуска коллективных сборников «Звезда гор», несколько книжек-картинок для детей младшего возраста, учебники для учащихся национальных школ. В этом году впервые будет издан многокрасочный «Букварь» для первоклассников национальных школ.

Издательству предстоит много сделать по дальнейшему улучшению художественного оформления и полиграфического исполнения выпускаемых книг. Практика последних лет показывает, что в этом отношении, несмотря на слабость полиграфической базы в крае, можно добиться многого. Так, лучшие книги последних лет, заслужившие признание наших читателей и критиков, были отмечены почетными дипломами Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, а книга «Юность комсомольская» специальным постановлением ЦК ВЛКСМ отмечена в числе лучших книг, посвященных 50-летию Ленинского комсомола. Дипломами также отмечен ряд книг по сельскому хозяйству.

Безусловно, не все изданные и издаваемые книги, сборники и брошюры равноценны. Издательские работники, писатели края, все наши авторы отдают себе отчет в том, что еще мал выбор литературы о рабочем классе, о современной деревне, об интересной работе городских и сельских партийных организаций.

Перед издательством поставлена задача — в Ленинском юбилейном году выпустить такие книги, которые бы отвечали самым высоким требованиям. Постоянное повышение идейного содержания выпускаемой литературы, дальнейшее улучшение художественного оформления и полиграфического исполнения книг — важнейшее условие выполнения ответственной задачи по выпуску новых изданий.

СОДЕРЖАНИЕ

По ленинскому пути	3
Владимир КАЗАКОВ, Геннадий ПАНОВ, Леонид МЕРЗЛИКИН, Николай ЧЕРКАСОВ, Марк ЮДАЛЕВИЧ. Новые стихи	10
ЗА ЛЕНИНСКОЙ СТРОКОЙ	
Н. ФЕДОРОВ. «Он в черепа сотней губерний ворочал...»	16
Николай ИЛЬЧЕВ. На родине Ильича	25
Адриан ТОПОРОВ. Неисчерпаемый океан	31
НАШИ ИНТЕРВЬЮ	
Ритм великого времени	37
Ст. ИСАКОВ. Без имени. Рассказ	50
Н. ЯНОВСКИЙ. Об авторе рассказа «Без имени»	59
Николай ДВОРЦОВ. Нужны энтузиасты. Документальная повесть	61
Анатолий СОБОЛЕВ. Тополиный снег. Рассказ	109
ПОБЕДЕ — 25 ЛЕТ	
Георгий ЕГОРОВ. Он не успел совершить подвига	128
Павел АЛДАХИН. Комсорг	135
В. СЕРЕБРЯНЫЙ. Тишина над Прохоровкой. Очерк	137
ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КНИГИ	
В заводской стороне	146
А. БУТАКОВ. Книги юбилейного года	149

Художественный редактор В. Раменский
Технический редактор М. Сафонова
Корректор В. Раттасеп

Сдано в набор 8. I. 1970 г. Подписано к печати 19. III. 1970 г. Формат 70×84/16. Бумага тип. № 3. Усл. п. л. 10,36+2 вкл. Уч.-изд. л. 9,88. Тираж 5000 экз. АГ 02216.

Алтайское книжное издательство. Барнаул, Ленина, 76.
Заказ № 249. Типография № 1 Управления по печати,
Барнаул, Л. Толстого, 29. Цена 40 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru